

представляется! И однако онъ безспорно былъ великимъ праведникомъ, потому что онъ высоко поднимался надъ уровнемъ нравственной жизни обыкновенныхъ ветхозавѣтныхъ людей. Его нравственные совершенства справедливо поразили современниковъ и потомство и заслонили его слабости; потому что первыя коренились въ самой его природѣ, были постоянною стихіею его жизни, послѣднія же имѣли характеръ случайности, какъ бы внѣшняго прираженія къ его природѣ. Отсюда сила, глубина и искренность его раскаяній, извлекавшихъ его изъ безднн грѣховности, въ которую онъ иногда впадалъ. Саулъ не былъ праведникомъ, хотя и былъ тоже героемъ. Это былъ рядовой ветхозавѣтный человекъ, въ которомъ плотское, низменное почти всецѣло преобладало надъ духовнымъ. Если въ немъ и было нѣчто возвышенное, то это тоже болѣе плотское — возвышенное, болѣе языческое, чѣмъ христіанское. А Давидъ напоминалъ уже собою христіанина: духовное сильно боролось съ плотскимъ и брало надъ нимъ верхъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно было въ ветхомъ завѣтѣ безъ благодати искупленія. Вотъ почему онъ былъ однимъ изъ наиболѣе отличенныхъ Богомъ праотцевъ Христа, Его прообразомъ. Своимъ лицомъ и царствованіемъ онъ оживилъ и проявилъ въ сознаніи ветхозавѣтнаго человека образъ Сѣмени жены, имѣвшаго стереть главу змія, образъ того благословенія, которое имѣло снизойти на землю чрезъ одного изъ потомковъ Авраама, того великаго Пророка, подобнаго Моисею, Котораго имѣлъ воздвигнуть Богъ изъ среды еврейскаго народа.

СОЛОМОНЪ.

Личность Соломона и исторія его царствованія въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются въ краткихъ библейскихъ повѣствованіяхъ, ставятъ изслѣдователя въ немалое затрудненіе; въ Соломонѣ и его царствованіи Библия даетъ намъ какъ бы загадку. Она рисуетъ намъ двѣ картины: на одной Соломонъ во всемъ блескѣ славы, могущества, мудрости и божественнаго благоволенія къ нему; на другой — тотъ же Соломонъ, нравственно упавшій, безсильный противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и подъ тяжестью гнѣва Божія (¹)... Какъ объяснить перемѣну? Рационалистъ по обычаю объясняетъ просто: вторая картина, говоритъ онъ, не историческая дѣйствительность, а окраска позднѣйшей обработки историческаго матеріала (²). Что дѣлаютъ другіе писатели? Большею частію въ первой половинѣ изложенія исторіи Соломона безусловно хвалятъ его, какъ Давида, а во второй порицаютъ, какъ Саула, почему неизбѣжно впадаютъ въ противорѣчія (³); существенную же причину перемѣны

(¹) И въ Саулѣ есть двойственность, но она легко объяснима; потому что почти единственное достоинство Саула заключалось въ томъ, что онъ обладалъ лично храбростію и былъ хорошимъ для своего времени предводителемъ на войнѣ — достоинство, съ которымъ легко мнятся всѣ его недостатки.

(²) Eisenlohr. Указ. соч. стр. 114.

(³) Напр. по автору «Царствованія Соломона» въ Душен. Чт. 1873 г. кн. 1-я, и Соломонъ безусловно хорошъ въ началѣ царствованія и такъ же сердечно-религозенъ, какъ Давидъ, и паденіе его обуславливалось только увлеченіями, какъ у Давида; но въ вопросѣ о покаяніи Соломона личность послѣдняго уже существенно различается отъ личности Давида. Стр. 296. 297. 485. Hess, пишущій вообще нѣсколько панегирически, расхваливаетъ положеніе дѣлъ при вступленіи Соломона на престолъ: и Адонія безопасенъ, и Иоавъ не опасенъ, указ. соч. т. 8, стр. 246; а на стр. 250 говоритъ уже противное, чтобы защитить Соломона отъ упрека въ жестокости. Hengstenberg усиленно настаиваетъ на мысли, что Соломонъ и въ началѣ царствованія былъ вполне безупреченъ, т. е. благочестивъ, указ. соч. стр. 133—4. (Но какого свой-

видятъ въ желаніи одряхлѣвшаго царя понравиться своимъ женщинамъ. Хотя на это и указываетъ Библия, какъ на причину уклоненія Соломона съ пути истины, вызвавшего гнѣвъ Божій на него⁽¹⁾; но очевидно библейскій писатель не имѣлъ въ виду разрѣшить этимъ вопросъ во всемъ его объемѣ, и загадка не разрѣшается. Разгадка заключается въ надлежащемъ пониманіи всего библейскаго текста, описывающаго личность и дѣла Соломона. Если мы будемъ читать его со вниманіемъ, то не можемъ не замѣтить, что отъ всего повѣствованія о Соломонѣ вѣетъ совсемъ инымъ духомъ, чѣмъ отъ повѣствованія о Давидѣ. Ясно, что нравственная природа, складъ всей духовной жизни этихъ двухъ лицъ были различны. Можно и должно восхвалять Соломона и удивляться ему, но не какъ Давиду; потому что достоинства Соломона были не тѣже, что достоинства Давида. Чтобы въ личности Соломона и въ его дѣлахъ было все понятно и легко объяснялось, нужно уловить и опредѣлить его основной природный характеръ и уразумѣть тотъ путь, которымъ шло духовное развитіе его личности—отъ юности до старости. То и другое мы попытаемся выяснитъ по мѣрѣ разсмотрѣнія дѣлъ Соломона и событій его царствованія. Имѣя опредѣленный взглядъ на нравственную природу Соломона, намъ кажется, легко избѣгнуть двойственности въ исторіи его царствованія: нужно въ первой блестящей картинѣ отмѣтить тѣни, указывающія на вторую, а во второй показать отраженіе свѣта первой.—Что касается отношенія къ Соломону невѣрующихъ писателей, то здѣсь задача вѣрующаго историка облегчается. Старые вольнодумцы мало нападали на Соломона. Это видно уже и изъ того, что для защиты Соломона Лиліента-

ства было это благочестіе?); но на стр. 141 рѣшительно опровергаетъ себя.

(1) 3 Цар. гл. 11.

лю потребовалось только 6 страницъ, тогда какъ для защиты Давида 272 страницы⁽¹⁾. И новые рационалисты благосклонны къ Соломону, и тѣ, которые наиболѣе поносятъ Давида, наиболѣе благосклонны къ Соломону. „За исключеніемъ убійствъ, говоритъ Otto Henne—Am Rhyn, которыми Соломонъ началъ царствованіе по желанію отца (?), и едва заслуживающаго упоминанія, религіознаго отпаденія въ послѣдніе дни жизни, характеръ этого царя не заслуживаетъ порицанія. Его блескъ и пышность содѣйствовали благосостоянію земли“⁽²⁾... Почему же рационалисты благосклонны къ Соломону? Просто, вѣроятно, потому, что вѣрующіе не довольно благосклонны къ нему.

Царствованіе Соломона сравнительно съ предыдущимъ царствованіемъ представляло важныя особенности, которыя обусловливались частію внѣшними обстоятельствами, частію логическимъ развитіемъ началъ, внесенныхъ въ жизнь государства царскимъ единодержавіемъ, и частію личнымъ характеромъ царя. Это царствованіе было во-первыхъ глубоко мирное, потому что послѣ побѣдъ, одержанныхъ Давидомъ надъ всѣми окрестными народами, не осталось никакого настоятельнаго побужденія къ военнымъ дѣйствіямъ⁽³⁾. Царь могъ бы начать и еще войну для дальнѣйшаго расширенія предѣловъ своего царства и для удовлетворенія своему военному честолюбію; но въ первомъ, т. е.,

(1) Указ. соч. гл. 6.

(2) Указ. соч. стр. 41. Но на этой же страницѣ онъ и противорѣчитъ себѣ: «благодаря своей роскоши Соломонъ вошелъ въ долги... Роскошь имѣла вредное вліяніе на нравы и на религію народа».

(3) Хотя по мнѣнію Эвальда спокойное признаніе власти Соломона покоренными Давидомъ народами невѣроятно, указ. соч. стр. 274; однако его мнѣніе въ сущности ни на чемъ не основано. Hengstenberg справедливо замѣчаетъ, что Эвальдъ здѣсь основывается только на произвольномъ толкованіи псалма 2-го. Указ. соч. стр. 133. Дѣйствительно, здѣсь Эвальдъ-историкъ искажаетъ исторію въ интересѣ Эвальда-комментатора.

въ расширеніи предѣловъ, не представлялось ни малѣйшей надобности, а послѣдняго, т. е., военнаго честолюбія, у него совсѣмъ не было. Естественнымъ слѣдствіемъ глубокаго и продолжительнаго мира было оживленіе отправленій внутренней народной жизни: земля подверглась тщательной обработкѣ, возникла промышленная и торговая дѣятельность, увеличилось богатство и внѣшнее благосостояніе. Наконецъ и государственный строй, система управленія и характеръ царской власти получили дальнѣйшее развитіе и отѣнокъ, котораго они не имѣли до Соломона. Давидъ, получивъ власть надъ всѣмъ Израилемъ, который добровольно призналъ его царемъ надъ собою, поддерживалъ ее съ одной стороны силою своего военнаго генія, подавлявшаго всякую мысль о сопротивленіи ему, съ другой стороны—своею снисходительностію и сердечною добротой, отнимавшими всякій серьезный поводъ имѣть неудовольствіе лично противъ него. (Народъ, пошедшій за Авессаломомъ и за Савеемъ, лично противъ Давида ничего не имѣлъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вѣніаминянъ, въ родѣ Семея). Онъ не создалъ никакой особенной системы царскаго управленія, стѣснительной для народныхъ нравовъ и обычаевъ; образовавъ постоянный отрядъ тѣлохранителей для личной безопасности (и можетъ быть для поддержанія порядка и спокойствія въ столицѣ) и армию—для борьбы съ внѣшними врагами, онъ оставилъ народъ жить по старинѣ въ его колѣнахъ, съ его князьями и старѣйшинами, съ главами родовъ и семействъ и съ другими остатками патріархально-республиканскаго строя жизни. Онъ былъ для народа въ его ежедневныхъ отношеніяхъ почти тѣмъ же, чѣмъ были для него судіи, въ родѣ Гедеона или Самуила. Но подданные преклонялись предъ нимъ и любили его, и хотя по временамъ въроломно возмущались, но никогда не оставляли и не могли оставить его до конца. Его власть надъ подданными была похожа на власть генерала, котораго, какъ говорится, обожаютъ солда-

ты. Такой генераль повидимому совсѣмъ не заботится о дисциплинѣ, даже дозволяетъ какъ бы распущенность; и однако именно такому генералу солдаты и повинуются до самозабвенія. Такъ правилъ Давидъ всѣмъ Израилемъ до конца жизни. Но такую систему правленія (если только можно назвать это системой) нельзя передать по наслѣдству, потому что она всецѣло коренится на личныхъ свойствахъ правителя; притомъ же она не всегда приложима и своевременна, и самъ Давидъ къ концу жизни горькимъ опытомъ убѣдился, что если онъ самъ могъ смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя проявленія своеволія подданныхъ, то его преемникъ не могъ быть столь же снисходителенъ безъ серьезной опасности для себя. Это видно изъ извѣстнаго наставленія Давида Соломону. Ясно, что Соломонъ долженъ былъ поставить власть свою нѣсколько иначе. Вступивъ на престолъ не столько по народному изволенію, сколько по волѣ отца, подкрѣпленной понятіемъ наслѣдства ⁽¹⁾, и будучи совсѣмъ другаго нрава, чѣмъ Давидъ, онъ не могъ находить основу власти въ томъ, въ чемъ находилъ ее Давидъ,—евреи должны были подчиняться ему уже не по расчетамъ выгоды единовластія и не по сердечному расположенію (на которое онъ могъ справедливо и не рассчитывать), какъ подчинялись Давиду, а по чувству неизбѣжной обязанности повиноваться преобладающей власти, обязанности, въ жертву которой нужно было принести кое-какія изъ старинныхъ вольностей и нарушеніе которой предупреждалось мѣропріятіями, клонившимися къ отмѣнѣ старинныхъ не монархическихъ формъ государственной жизни. Словомъ сказать, Соломонъ долженъ былъ подтянуть бразды правленія, съ чего онъ и началъ свое царствованіе. Мы увидимъ, что онъ совершилъ это съ твердостію

(1) Определенное представленіе о правѣ наслѣдства царской власти едва ли еще выработалось и теперь; это было первое наслѣдованіе отъ отца къ сыну.

и умѣнемъ, хотя и не удержался на строго практической почвѣ и въ границахъ умѣренности.

„Сѣлъ Соломонъ на престолъ Давида, отца своего, и царствованіе его было очень твердо“—начинаетъ лѣтописецъ повѣствованія о Соломонѣ (¹). По счету I. Флавія (неизвѣстно впрочемъ, на чемъ основанному) выходитъ, что Соломонъ вступилъ на престолъ 14-ти лѣтъ (²). По общему мнѣнію раввиновъ онъ сдѣлался царемъ, когда ему было только 12 лѣтъ (³). Это—явное преувеличеніе молодости Соломона, противное всѣмъ библейскимъ даннымъ (⁴). По общепринятому нынѣ мнѣнію Соломону при вступленіи на престолъ было 18—20 лѣтъ. Если, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, война Давида съ аммонитянами приходилась въ половинѣ его 40-лѣтняго царствованія, то Соломонъ, родившійся вскорѣ послѣ этой войны (какъ это видно изъ 2 Цар. 11, 27; 12, 18, 24), не могъ имѣть при воцареніи менѣе 18 лѣтъ (⁵). Мѣры къ

(¹) 3 Цар. 2, 12.

(²) Antiqu. VIII. 7. 8.

(³) Буддей, указ. соч. стр. 179.

(⁴) Если Соломонъ царствовалъ 40 лѣтъ, 3 Цар. 11, 42, а Ровоамъ вступилъ на престолъ 41 года, 14, 21, то выходитъ, что послѣдній родился, когда Соломону было только 11 лѣтъ!

(⁵) Ewald даетъ ему 20 лѣтъ. Указ. соч. стр. 263. Данной, заключающейся во 2 Цар. 12, 24, какъ будто противорѣчить 1 Цар. 3, 5, откуда выходитъ, что Соломонъ былъ не второй, а четвертый сынъ Вирсави. См. также 1 Цар. 14, 4; 2 Цар. 5, 14. Если Соломонъ былъ дѣйствительно четвертымъ сыномъ Вирсави, то ему при воцареніи не могло быть болѣе 14 лѣтъ. Но дѣйствительно ли онъ былъ четвертымъ? Этому противорѣчить во-первыхъ 2 Цар. 11, 27; 12, 18, 24, откуда довольно ясно видно, что Соломонъ былъ вторымъ сыномъ Вирсави. Во-вторыхъ, мы должны бы были признать Соломона четвертымъ сыномъ Вирсави только тогда, когда съ увѣренностію могли бы сказать, что въ 1 Цар. 3, 1—8 *все* сыновья Давида перечисляются по порядку старшинства. Однако послѣднее очень сомнительно,—предположеніе перечня по старшинству ведетъ къ некоторымъ несообразностямъ. Дѣйствительно, первые 6 сыновъ перечислены по старшинству; но если мы предположимъ тоже и относительно послѣднихъ, то вый-

утвержденію своего царствованія онъ предпринялъ тотчасъ же. Попытка Адоніи овладѣть престоломъ и составъ лицъ, принадлежавшихъ къ его партіи, не могли не произвести на молодого царя сильнаго впечатлѣнія; и хотя онъ на первыхъ порахъ, при жизни отца обнаружилъ сдержанность по отношенію къ виновнымъ, однако въ самой этой юношеской сдержанности, какъ мы видѣли, было нѣчто устрашающее и предостерегающее насчетъ будущаго поведения разсудительнаго не по лѣтамъ молодого царя. Адонія повидимому понялъ эту сдержанность не такъ, какъ слѣдуетъ, и вскорѣ по смерти Давида отважился на какую-то загадочную попытку, именно: началъ домогаться руки Ависаги Сунамитянки, приведенной въ домъ Давида въ самые послѣдніе годы его жизни. Эта попытка подала поводъ къ кровавому дѣлу, которымъ ознаменовалось начало царствованія Соломона. Довольно трудно намъ нынѣ опредѣлить смыслъ этого поступка Адоніи для него самого и для Соломона. Соломонъ понялъ его, какъ посягательство на престолъ, потому что по древнему восточному воззрѣнію

дѣть, что у Давида въ первые 7 лѣтъ царствованія родилось 6 сыновей; затѣмъ, когда, сказано, онъ взялъ еще женъ въ Иерусалимѣ, 1 Цар. 14, 3, въ теченіе 19 лѣтъ (предполагая, что Соломонъ былъ четвертымъ у Вирсави и при воцареніи имѣлъ 14 лѣтъ) онъ имѣлъ только 4 сына и притомъ отъ одной Вирсави; наконецъ послѣ 56 лѣтъ возраста въ какія нибудь шесть-семь лѣтъ, когда еще могли у него быть дѣти, онъ имѣлъ 9 сыновъ. Уже эта несообразность заставляетъ предположить, что начиная съ 5 стиха перечисленіе по старшинству прекращается. Нѣтъ сомнѣнія, что въ родословныхъ употреблялись нѣкоторые особенные приемы, въ силу которыхъ перечисленія не всегда сообразовались со старшинствомъ. Это можно видѣть, напр., сравнивая исторію рожденія дѣтей у Иакова, Быт. 29, 32—35; 30, 1—23, съ перечисленіями ихъ, Быт. 35, 23—26 и 1 Цар. 2, 1, 2. Какъ на другой примѣръ, можно указать на перечисленія сыновъ Ноя, имена которыхъ обыкновенно стоятъ такъ: Симъ, Хамъ и Іафеть, но затѣмъ первымъ перечисляется потомство Іафета, потомъ—Хама, наконецъ—Сима. Изъ сравненія же Быт. 9, 24 и 10, 21 выходитъ, что порядокъ рожденія былъ такой: Симъ, Іафеть, Хамъ. Быт. 10, 1—22. 1 Цар. 1, 4...

обладаніе женою или женами царя-предшественника считалось утверженіемъ правъ на наслѣдство. Примѣръ Авессалома, поступившаго известнымъ образомъ съ наложницами Давида по совѣту Ахитофела, подтверждаетъ существованіе такого воззрѣнія у евреевъ того времени (¹). И въ самомъ дѣлѣ, въ силу такого воззрѣнія Адонія, овладѣвъ Ависагою, становился къ Соломону въ отношенія болѣе, чѣмъ старшаго брата, — какъ бы отца. (Такое представленіе обуславливалось вѣроятно родовыми отношеніями, еще въ сильной мѣрѣ господствовавшими тогда). Право его на престолъ въ такомъ случаѣ усиливалось бы. Непонятно только, какимъ образомъ Адонія рассчитывалъ обмануть кого-либо насчетъ своихъ замысловъ, если онъ ихъ имѣлъ. Полагаютъ, что расчетъ его былъ основанъ на молодости и слѣдовательно неопытности Соломона (²). При томъ же планъ дѣйствія, принятый имъ, былъ умно рассчитанъ на успѣхъ предпріятія, по крайней мѣрѣ въ первой его части. Онъ расположилъ ходатайствовать за себя Вирсавію, которая въ политическихъ дѣлахъ вѣроятно понимала немного; но ходатайство которой предъ Соломономъ должно было имѣть громадную силу, такъ какъ значеніе царицы-матери при восточныхъ дворахъ велико и такъ какъ Вирсавія должна была явиться къ сыну-царю, вѣроятно, съ первою просьбою, отказать въ которой было стѣснительно. „Поговори царю Соломону, ибо онъ не откажетъ тебѣ“, говорилъ Адонія съ увѣренностію. Вообще Адоніи, очевидно, удалось чѣмъ-нибудь разжалобить Вирсавію и заинтересовать собой. Смыслъ записанной рѣчи его, несомнѣнно очень сокращенной, таковъ: царство, говорилъ онъ Вирсавіи, принадле-

(¹) На то же указываетъ 2 Цар. 12, 8. Какъ можно понимать это мѣсто—нами объяснено при изложеніи обличительной рѣчи пр. Наана къ Давиду. Срав. также 2 Цар. 20, 3.

(²) *Tentavit animum Solomonis, ut si metu juvenili hoc ei concessisset, auderet mox majora.* Hugo Grotius. Указ. соч. т. 1, стр. 251.

жало мнѣ, но отошло къ Соломону по волѣ Божіей; поэтому я желалъ бы взять Ависагу Сунамитянку въ жену себѣ... Ясно только, что онъ считалъ себя обездоленнымъ; но дѣлалъ видъ, что покоряется: „ибо это было отъ Господа“—говорилъ онъ. Но при чемъ тутъ была Ависага Сунамитянка, какъ она могла вознаградить его за потерю престола—это непонятно; потому что не могъ же Адонія объяснить Вирсавіи, что онъ имѣетъ въ виду увеличить свои права на престолъ. Позволительно поэтому предположить, что Адонія искусно свелъ вопросъ съ политической почвы въ область личнаго чувства къ Ависагѣ и убѣдилъ Вирсавію, что только семейное счастье заставитъ его забыть про потерю вѣнца и примирить со всѣми. Вирсавія могла повѣрить этому, и потому безъ сомнѣнія она не поколебалась ходатайствовать предъ Соломономъ за Адонію (¹). Соломонъ принялъ свою мать почтительно, но съ холодной торжественностію царя, не допускающаго простоты въ сношеніяхъ даже въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу. „Царь всталъ передъ нею и поклонился ей, и сѣлъ на престолѣ своемъ. Поставили престолъ и для матери царя, и она сѣла по правую руку его“ (²). Вирсавія, не предчувствуя никакой грозы и вполне увѣренная, что имѣетъ „небольшую“ просьбу, очень неосторожно вынудила сына сказать напередъ ей: „проси, мать моя; я не откажу тебѣ“. Но лишь только онъ услышалъ содержаніе просьбы, какъ имъ овладѣлъ неудержимый гнѣвъ, обрушившійся даже на мать (вѣроятно потому особенно, что Соломонъ былъ вынужденъ сказать напередъ: не откажу тебѣ): „а зачѣмъ ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адоніи?—отвѣчалъ Соломонъ

(¹) *Mulierem aggreditur ut regnandi ignaram, ita amoribus facilem—замѣчаетъ Hugo Grotius.* Тамъ же.

(²) Сидѣніе по правую руку царя составляло особую честь у евреевъ, у арабовъ, у грековъ и у римлянъ, замѣчаетъ Keil. Указ. соч. т. 3, стр. 25.

запальчиво. Проси ему также и царства; ибо онъ мой старшій братъ, и священникъ Авиааръ и Иоавъ, сынъ Саруинъ, военачальникъ, друзья ему“. Соломону живо представился заговоръ лицъ, уже виновныхъ и пощаженныхъ, и онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ съ сильною клятвою тутъ же изрекъ смертный приговоръ Адоніи. Приговоръ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. Эта первая кровавая строгость, жертвою которой былъ не простой подданный, а родной братъ царя, сынъ великаго Давида, должна была произвести потрясающее впечатлѣніе. Безполезно здѣсь говорить что-либо съ цѣлю снять вину съ Соломона; едвали даже можно ослабить тягостное впечатлѣніе отъ дѣянія. „Въ настоящемъ поступкѣ Соломона, говоритъ одинъ авторъ, нельзя видѣть слишкомъ великой и бесполезной жестокости; всякій благоразумный государь не иначе могъ поступить въ тѣ времена, когда изгнаніе изъ отечества и не существовало“⁽¹⁾. Однако Авессаломъ три года прожилъ въ изгнаніи (правда, въ добровольномъ; но это все одно) и не осмѣливался явиться въ Иерусалимъ самъ по себѣ и вѣроятно никогда не отважился бы, не смотря на то, что былъ смѣлѣе и рѣшительнѣе Адоніи. Что же касается Адоніи, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ принялъ бы изгнаніе, какъ судъ съ милостью и спокійно кончилъ бы жизнь свою на чужбинѣ. „Соломонъ руководствовался правиломъ, продолжаетъ тотъ же авторъ: не довѣрять тому, кто обнаружилъ свою невѣрность, и отъ врага скорѣе ожидать дурнаго, нежели надѣяться хорошаго“... Все это можетъ быть и такъ; но все это нисколько не доказываетъ, что Адонію необходимо было казнить смертью. Гораздо рѣшительнѣе рассуждаетъ по тому же поводу Кейль: „Адонія новою интригою обнаружилъ свою цѣль—овладѣть престоломъ; поэтому обязанность по отношенію къ Богу, который

⁽¹⁾ Душен. Чт. 1873. кн. 1. стр. 44. Тоже буквально у Ewald'a. Указ. соч. стр. 269.

возвелъ Соломона на тронъ, требовала, не обращая вниманія на родство, наказать мятежника по строгости закона“⁽¹⁾. Кейль не указываетъ, въ силу какого постановленія закона (Моисеева закона, конечно) Адонія долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Не потому ли, что такое постановленіе указать трудно? Онъ смѣло называетъ убійствѣ Адоніи исполненіемъ обязанности по отношенію къ Богу. Когда „негодные люди“ по наущенію Иезавели говорили про Навуою, твердо отказавшагося уступить Ахаву свое родовое имѣніе, что онъ хулилъ Бога и царя, и когда Навуою былъ убитъ⁽²⁾, то вѣроятно тоже думали, что была исполнена обязанность по отношенію къ Богу. Не слѣдуетъ злоупотреблять отождествленіемъ обязанностей по отношенію къ человѣку и по отношенію къ Богу. Богъ утвердилъ Соломона на престолѣ, говоритъ Кейль; слѣдовательно домогательство престола есть оскорбленіе Бога, достойное смерти. Но Богъ также далъ Соломону и богатство, и мудрость⁽³⁾. Поэтому всякій, присвоившій себѣ произвольно два-три таланта золота Соломонова, или выдавшій какое-нибудь мудрое изрѣченіе Соломона за свое собственное, тоже заслуживалъ смерти?.. Между лишеніемъ двухъ-трехъ талантовъ золота и лишеніемъ престола, скажутъ, глубокая разница. Правда. Но въ такомъ случаѣ сущность дѣла будетъ заключаться не въ идеѣ; а въ матеріальномъ фактѣ, имѣющемъ значеніе только для Соломона. Конечно, посягательство на престолъ законнаго государя есть всегда тяжкое преступленіе, требующее самой строгой кары. Но, во-первыхъ, это преступленіе не было предусмотрѣно въ Моисеевомъ законѣ, и потому ссылаться на послѣдній для оправданія Соломона не слѣдуетъ. Втор. 17, 12 не можетъ

⁽¹⁾ Указ. соч. стр. 26.

⁽²⁾ 3 Цар. 21, 1—13.

⁽³⁾ Тамъ же 3, 11—13.

быть сюда относимо; здѣсь глава народа (но не царь, о которомъ рѣчь начинается съ ст. 14) наряду съ первосвященникомъ разсматриваются какъ верховные судьи, постановляющіе послѣднее рѣшеніе по спорному дѣлу, рѣшеніе, безусловно обязательное, подѣ угрозой смерти. Во-вторыхъ, дѣяніе Адоніи въ сущности еще не было и преступленіемъ. Что такое онъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ?—овладѣлъ тайно Ависагою насиліемъ или хитростію? Нѣтъ; онъ только просилъ у Соломона дозволенія взять Ависагу себѣ въ жену. Развѣ не во власти Соломона было отказать? Соломонъ имѣлъ право взглянуть на это, какъ на опасное поползновеніе, но не какъ на преступленіе, и потому совершенно было бы достаточно изгнать Адонію изъ предѣловъ еврейской земли съ воспрещеніемъ возвращаться подѣ угрозой смертной казни. Допустимъ наконецъ, что Адонія былъ очень опасенъ, партія его была сильна, и интрига при дворѣ іерусалимскаго царя достигла такихъ опасныхъ размѣровъ, что съ точки зрѣнія политической мудрости слѣдовало огрубить голову даже родному брату, если не для спасенія трона, то по крайней мѣрѣ для предотвращенія продолжительныхъ и серьезныхъ непріятностей; но при этомъ должны допустить и то, что ни одинъ еврей не считалъ подобнаго факта возможнымъ въ кроткое правленіе Давида, проливавшего слезы о Саулѣ, казнившего убійцу Іевосея, воздержавшагося отъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Мемфивосея, и проч. Отъ новаго царствованія повѣяло новымъ духомъ... Громъ упалъ не на одну голову Адоніи. Первосвященникъ Авиааръ продолжалъ жить въ Іерусалимѣ, хотя послѣ участія въ заговорѣ Адоніи и послѣ помазанія Соломона на царство Садокомъ вѣроятно долженъ былъ уступить первенство послѣднему. Соломонъ пожелалъ теперь отдѣлаться отъ него окончательно и находилъ его достойнымъ смерти; но въ уваженіе того, что онъ былъ нѣкогда другомъ Давида, онъ ограничился ссылкой его въ Анавоѣ, на его поле, т. е., въ одинъ изъ го-

родовъ, которые вмѣстѣ съ ихъ ближайшею окрестностію отведены были для жительства священникамъ еще при І. Навинѣ (¹). Такимъ образомъ Авиааръ былъ лишенъ первосвященническаго достоинства (²). Когда молва объ этой новой карѣ долетѣла до Іоавы, онъ не могъ болѣе сомнѣваться въ своей участи и поспѣшилъ въ послѣднее убѣжище—въ скинію, подѣ защиту жертвенника Господня. Очевидно, Іоавъ думалъ, что ему грозитъ казнь не за убійства, потому что законъ отнимаетъ у убійцы право убѣжища при олтарѣ (³), а за политическую неблагонадежность, и потому надѣялся, что религіозное чувство Соломона не позволитъ ему пролить кровь человѣческую у подножія олтаря. Однако это не спасло старую лисицу, столько разъ злоупотреблявшую великодушіемъ и терпѣніемъ Давида. Соломонъ, считая самый фактъ бѣгства какъ бы признаніемъ въ новой винѣ, приказалъ умертвить его, и когда на предложеніе оставить скинію Іоавъ не согласился, онъ былъ убитъ у подножія олтаря. Напрасно и здѣсь стараются представить дѣйствіе Соломона безупречнымъ. Такъ, говорятъ, будто Соломонъ „руководствовался въ этомъ случаѣ завѣщаніемъ отца“ (⁴). Мы уже объяснили въ своемъ мѣстѣ, что такъ называемое завѣщаніе Давида не есть завѣщаніе, т. е., выраженіе непремѣнной воли умирающаго, а простое наставленіе, совѣтъ, преду-

(¹) Анавоѣ—въ колѣнѣ Вениаминовомъ, І. Нав. 21, 18. въ трехъ римскихъ миляхъ (около 4¼ версты) отъ Іерусалима. Eusebii Onomasticon.

(²) Хотя лишеніе Авиаара первосвященства было и согласно съ пророчествомъ о судьбѣ дома Ілія, 1 Цар. 2, 30; однако нельзя не замѣтить при этомъ, что достоинство первосвященника умалилось предѣ властію царя, стало зависимымъ отъ послѣдней. Два факта содѣйствовали установленію такого отношенія: безграничный произволъ Саула, истребившаго священниковъ въ Номвѣ и вступленіе первосвященника Авиаара на скользкій и не свойственный его званію путь политической интриги при концѣ жизни Давида.

(³) Исх. 21, 14.

(⁴) Чуш. Чт. 1873. кн. 1. стр. 47.

прежде. Считать это наставление завѣщаніемъ въ собственномъ смыслѣ оскорбительно для чести Давида. Вообще большинство писателей стараются представить казнь Іоава, какъ справедливое наказаніе за совершенныя имъ убійства (Авенира и Амессая). И въ самомъ дѣлѣ, такъ думать повидимому уполномочиваетъ самый текстъ. Когда Ванея, посланный убить Іоава, возвратился и доложилъ Соломону, что Іоавъ не хочетъ оставить жертвенникъ, Соломонъ сказалъ: „умерви его (при жертвенникѣ)... и сними невинную кровь, пролитую Іоавомъ, съ меня и съ дома отца моего“. Такъ говорилъ Соломонъ. Но такъ ли онъ думалъ? Есть обстоятельства, заставляющія предполагать, что онъ думалъ иначе. Почему Іоавъ побѣждалъ къ олтарю? Почему Ванея, найдя Іоава при олтарѣ, не рѣшился убить его и пошелъ за новымъ распоряженіемъ Соломона? Развѣ ни тотъ, ни другой не знали, что убійца беззащитенъ и у олтаря? Это очень сомнительно. Если Соломонъ желалъ снять невинную кровь съ себя и съ своего отца, то отчего же онъ не сдѣлалъ этого раньше, а дождался подозрительнаго поступка со стороны Адоніи? Ясно, что Іоавъ казненъ собственно какъ соумышленникъ Адоніи, какъ политически-неблагонадежный человѣкъ, и ссылка Соломона на пролитую Іоавомъ кровь есть только оправданіе убійства при олтарѣ, тѣмъ болѣе, что при первомъ распоряженіи онъ сказалъ просто Ванеѣ: пойди и умерви Іоава. Въ оправдательной рѣчи Соломона даже есть нѣчто такое, что невольно заставляеть предполагать неискренность ся. „Да обратитъ Господь, говорилъ Соломонъ, кровь Іоава на голову его за то, что онъ убилъ двухъ мужей (Авенира и Амессая) невинныхъ и лучшихъ его“ (1). Убилъ мужей,

(1) Замѣчательно, что Давидъ говорилъ объ этомъ же самомъ со-
всѣмъ иначе: «умертвилъ ихъ и пролилъ кровь бранную во время мира,
обгнривъ кроію бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувъ на погахъ
своихъ». 3 Цар. 2, 5.

лучшихъ его: это конечно слѣдуетъ понимать такъ, что они были лучше Іоава и прежде, чѣмъ послѣдній запятналъ себя убійствомъ ихъ. Но чѣмъ они были лучше Іоава? Исторія молчитъ, а то, что она говоритъ, опровергаетъ Соломона. Авениръ былъ дерзкимъ по отношенію къ своему законному государю, Іевосею, и измѣнилъ ему. Кромѣ того, развѣ Соломонъ не зналъ, что Авениръ самымъ дѣломъ совершилъ то, (овладѣлъ одною изъ наложницъ Саула) къ чему Адонія сдѣлалъ только попытку и былъ казненъ? А Амессай во главѣ арміи мятежника Авессалома воевалъ противъ своего законнаго государя, Давида. Что же касается военныхъ способностей, то Іоавъ несомнѣнно превосходилъ не только Амессая, но и Авенира. Вотъ что заставляеть насъ предположить неискренность въ рѣчи Соломона. Эвальдъ говоритъ, что въ древности преступникъ, помилованный живущимъ царемъ, по смерти этого царя, при другомъ, лишался помилованія и снова подлежалъ казни (1). Но это еще не доказываетъ, что Іоавъ былъ казненъ не за участіе въ замыслѣ Адоніи. Здѣсь опять является поставленный нами выше вопросъ: почему Іоавъ думалъ, что найдетъ спасеніе у жертвенника? Значитъ такого возрѣнія у евреевъ не было; а если бы оно было, то Іоавъ не могъ быть невѣждой на этотъ счетъ. То правда, что Іоавъ былъ человѣкъ строптивый, жестокосердый, и не наказанный преступникъ, почему его казнь можно бы было и не ставить въ упрекъ Соломону. Она вѣроятно и не произрела бы особенно тяжелаго впечатлѣнія на современниковъ, если бы не была совершена у подножія олтаря. Послѣднее же обстоятельство показывало, что новый царь склоненъ не стѣсняться

(1) Указ. соч. стр. 271. На чемъ было основано такое возрѣніе?
Едвали на идеѣ правосудія. Но всей вѣроятности оно вытекало изъ
представленія неограниченной власти царя, который могъ передѣлать
по-своему все, что сдѣлано было его предшественникомъ. Мало выгры-
ваетъ оправданіе Соломона съ такой точки зрѣнія.

чѣмъ бы то ни было. Былъ еще одинъ безпокойный человекъ, оставленный Давидомъ безъ наказанія, но навсегда оставившійся для него личностію подозрительною—Семей изъ Бахурима. Виновный въ тяжкомъ преступленіи противъ Давида и побѣжденный его великодушіемъ, Семей повидимому оставилъ всякую вражду противъ него лично. Но домъ сына Иссева, утвержденіе господства его потомковъ надъ Израилемъ, весьма вѣроятно, продолжали оставаться ненавистными для этого суроваго вѣніаминянина. Въ особенности же Соломонъ, съ самаго начала обнаружившій стремленіе господствовать грозно, могъ предположить въ Семей пробужденіе старой вражды и ожидать отъ этого человека, способнаго на все, какой-нибудь крупной неприятели. Поэтому онъ призвалъ къ себѣ Семей и сказалъ ему: „построй себѣ домъ въ Иерусалимѣ и живи здѣсь, и никуда не выходи отсюда. И знай, что въ тотъ день, въ который ты выйдешь, и перейдешь потокъ Кедронъ, непременно умрешь“. Понятно, что при этомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ за Семейемъ. Выраженіе: „и перейдешь потокъ Кедронъ“ едва ли составляетъ ограниченіе общаго воспрещенія: никуда не выходи⁽¹⁾; оно повидимому составляло только частнѣйшее указаніе мѣсть, куда Семейю наиболѣе строго воспрещалось отлучаться. Потокъ Кедронъ омывалъ Иерусалимъ съ восточной и сѣверной стороны; такъ что воспрещеніе переходить Кедронъ было воспрещеніемъ ходить въ колѣно Вѣніаминово и, можетъ быть, Ефремово, въ которыхъ Семей наиболѣе могъ быть опасенъ для Соломона. Семей сталъ жить въ Иерусалимѣ и прожилъ спокойно три года. Но вотъ у него убѣгаютъ два раба въ зем-

(¹) Graetz думаетъ, что Семейю только и воспрещалось переходить потокъ Кедронъ, т. е., въ колѣно Вѣніаминово. На этомъ основаніи онъ порицаетъ Соломона за казнь Семей; такъ какъ послѣдній уходилъ изъ Иерусалима въ другую сторону, не черезъ Кедронъ. Указ. соч. стр. 305. Съ такимъ толкованіемъ нельзя согласиться.

лю филистимлянъ, въ область царя Геоскаго. Совершенно непонятно, почему Семей считалъ возможнымъ отправиться за ними самому⁽¹⁾. Считалъ ли онъ грозу уже миновавшею и полагалъ, что царь уже пересталъ интересоваться его личностію, или онъ понималъ требованіе царя въ томъ смыслѣ, что не слѣдовало отлучаться изъ Иерусалима только безъ видимой и уважительной причины,—какъ бы то ни было, только онъ не задумался отправиться въ Гею, розыскалъ тамъ своихъ рабовъ и безбоязненно возвратился въ Иерусалимъ⁽²⁾. Ясно, что мысль о гибели совѣсть не приходила ему въ голову. Но Соломонъ былъ послѣдователенъ и настойчивъ: не смотря на то, что совѣсть Семей въ данномъ случаѣ очевидно была чиста (иначе онъ не возвратился бы въ Иерусалимъ), онъ возмущенъ былъ самымъ фактомъ непослушанія, пренебреженіемъ къ царскому повелѣнію, припомнилъ ему его старый грѣхъ и, не выслушавъ ни одного слова въ оправданіе, отдалъ приказъ казнить Семей⁽³⁾. Таковы были первыя дѣйствія, кото-

(¹) Его «ослѣвила скудость»—говорить Будей. Ук. соч. стр. 178. Предположеніе, совѣсть невѣроятное.

(²) Утверждать, что путешествіе Семей совершилъ тайно, Душ. Чт. 1873. кн. 4. стр. 46,—не уполномочиваетъ ни текстъ, ни обстоятельства дѣла. Можетъ быть и можно было отлучиться изъ Иерусалима тайно, только не для возвращенія бѣжавшихъ рабовъ. Въ данномъ случаѣ Семей никакъ не могъ рассчитывать на сохраненіе тайны. Если рабы не знали объ опасномъ положеніи Семей (что всего вѣроятнѣе), то они не имѣли причины не рассказать кому бы то ни было о приключеніи съ ними; если же знали, то изъ мести къ суровому господину постарались бы огласить его поступокъ.

(³) Нельзя не подивиться тому приему, который употребилъ Кей для доказательства безусловной виновности Семей: «Семей, говоритъ онъ, клятвенно подтверждалъ исполненіе царскаго повелѣнія; такимъ образомъ нарушеніе клятвы есть преступленіе, въ которомъ онъ не имѣлъ никакого извиненія... Клятвеннымъ преступленіемъ онъ заслужилъ себѣ смерть». Указ. соч. стр. 29. Но изъ текста, 3 Цар. 2, 36—42, вовсе не видно, что Семей давалъ клятву; съ клятвою отдавалъ свое приказаніе Соломонъ, какъ это видно изъ ст. 42, а Семей далъ простое обѣщаніе: «хо-

рыми Соломонъ началъ свое замѣчательное царствованіе. Хотя они, кромѣ его личнаго характера, холоднаго и непреклоннаго, въ значительной мѣрѣ обусловливались внѣшними обстоятельствами; однако мы не согласны съ тѣми писателями, которые не только не порицаютъ эти дѣйствія, но и восхваляютъ, напр.,—будто вышеописанныя казни были только дѣйствіями правосудія⁽¹⁾, будто онѣ способны были возбудить уваженіе и довѣріе народа къ Соломону⁽²⁾, приобрести ему славу любви къ справедливости⁽³⁾, и проч. Еще менѣе мы согласны съ мыслью Эвальда, будто Соломонъ началъ господствовать въ судѣ и наказаніяхъ по духу своего отца⁽⁴⁾. Нѣтъ ничего несправедливѣе этого! Генгстенбергъ послѣ тщетныхъ усилій запитить Соломона отъ обвиненія за „дѣйствія холодной строгости“ въ заключеніе го-

рошо: какъ приказалъ господинъ мой, царь, такъ сдѣлаешь рабъ твой». Что это не клятва, равно какъ и слова Соломона въ ст. 37, видно изъ ст. 42, гдѣ Соломонъ говоритъ: «не кляся ли я тебѣ Господомъ (это указываетъ на клятву, предпосланную словамъ въ ст. 37, по опущенную лѣтписцемъ) и не объявлялъ ли тебѣ, говоря: знай, что въ тотъ день...» и т. д., слова ст. 37-го (это то, что утверждено клятвою, но не самая клятва). О клятвѣ Семя нигдѣ нѣтъ упоминанія, и самъ Соломонъ говоритъ только о несоблюденіи Семеемъ даннаго ему приказанія—ст. 43.—Ewald въ оправданіе Соломона говоритъ, будто онъ дѣйствовалъ по сердечному убѣжденію, что должны всѣ погибнуть, кто оскорблялъ Давида. Указ. соч. стр. 273. Едва ли и это сообразно съ дѣйствительностію. Reuss по поводу казни Семья разсуждаетъ: «всякое преступленіе должно пайти рано или поздно свое наказаніе, и Провидѣніе направляетъ событія такимъ образомъ, что преступникъ самъ дѣлается причиною своей гибели, даже запоздалой». Въ отвлеченномъ смыслѣ это справедливо—когда рѣчь идетъ о казни кого бы то ни было и почему бы то ни было... «Въ тоже время всякое дѣйствіе справедливой строгости есть исполненіе воли Божіей и, какъ таковое, должно имѣть свою награду». Указ. соч. стр. 417. И это вѣрно; только не рѣшень вопросъ: справедлива ли была строгость Соломона?

(1) Богословскій. Св. ист. т. 1. стр. 3.

(2) Diestel. Real-Encykl. von Herzog. т. 13. стр. 332.

(3) Hess. Указ. соч. стр. 261.

(4) Указ. соч. стр. 273.

ворить справедливо: „вѣрно однако, что Соломонъ при всей искренней набожности не имѣлъ еще жизненной опытности своего отца, что онъ не достигъ еще опытнаго познанія глубины грѣховной, неизмѣннаго смиренія, хожденія (предъ Богомъ) въ страхѣ и трепетѣ“⁽¹⁾. Этимъ вполне вѣрнымъ замѣчаніемъ вопросъ о казняхъ, поскольку въ нихъ выразилась нравственная личность Соломона, разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили, рядъ вышеописанныхъ дѣйствій обусловливался не столько политической необходимостью, сколько природной суровостью Соломона, непреклонностію въ исполненіи того, что разъ задумалъ сдѣлать, хотя бы зрѣло не обдумалъ и не получилъ ничьего одобренія со стороны (мы увидимъ ниже, что онъ не любилъ сорѣтовъ и руководства). Къ этому присоединялась несомнѣнно и юношеская самоувѣренность, также ретивость, хотя и своеобразно, какъ бы не по-юношески направленная, но все же ретивость, потому что Соломонъ былъ очень молодъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается единственное, но дѣйствительное извиненіе Соломона: передъ нами грѣхи его юности. Вскорѣ за тѣмъ, когда онъ мыслями своими началъ прилѣпляться болѣе и болѣе къ выполненію завѣщанія своего благочестиваго отца относительно построенія храма Іеговѣ, онъ началъ переживать свѣтлый періодъ своей духовной жизни, который былъ хотя не безъ пятенъ и мало по малу тускнѣлъ, но все же очень свѣтлый. Что же касается внѣшняго благополучія, по скольку оно завистѣло отъ спокойнаго обладанія престоломъ и могуществомъ, то нельзя не признать, что Соломонъ первыми же шагами въ значительной мѣрѣ обезпечилъ его: казнию Адоніи и Іоава онъ задушилъ дворцовыя интриги, а безошадной суровостью къ Семеею подавилъ революціонный духъ людей изъ на-

(1) Указ. соч. стр. 135.

рода, смѣлымъ выразителемъ котораго могъ почитаться Семей.

Соломонъ принималъ мѣры къ огражденію и внѣшней безопасности, къ поддержанію значенія своего государства въ ряду другихъ. Но и въ этомъ случаѣ его политика была противоположна Давидовой. Обнаруживъ воинственныя наклонности противъ внутреннихъ враговъ, добрыя отношенія съ окрестными народами онъ старался поддерживать самыми мирными средствами, во-первыхъ, вступая въ личное родство со всѣми государями, расположенными къ тому, и во-вторыхъ, завязывая торговля сношенія. Уже первая его жена, взятая имъ еще при жизни Давида, была аммонитянка, т. е., очевидно дочь аммонитскаго царя, по имени Наама⁽¹⁾. Что Наама была первая, или по крайней мѣрѣ одна изъ первыхъ женъ Соломона, видно изъ того, что Ровоамъ, сынъ Наамы, вступилъ на престолъ 41 года, а Соломонъ царствовалъ 40 лѣтъ. На первыхъ же порахъ своего царствованія, но уже по смерти Давида, Соломонъ заключилъ союзъ болѣе солидный и болѣе значительный по своимъ

(1) *המלכה* — любимая, или прекрасная. 3 Цар. 14, 21. Нещ уже въ этомъ бракѣ видятъ начало любви Соломона къ иностранкамъ. Указ. соч. стр. 245. Любовь Соломона къ женщинамъ вообще несомнѣнна. Но на чемъ бы могла основываться его особенная любовь къ *иностраннымъ* женщинамъ? На ихъ красотѣ? Но еврейки едва ли уступали въ красотѣ женщинамъ окрестныхъ народовъ... На болѣе утонченномъ воспитаніи, дѣлавшемъ ихъ болѣе привлекательными, чѣмъ еврейки? Но и это преимущество трудно предположить у аммонитянокъ, иудеянокъ и хеттеянокъ. Такъ какъ бракъ съ дочерью египетскаго царя несомнѣнно имѣлъ политическое значеніе, то и во многихъ другихъ бракахъ Соломона нужно видѣть между прочимъ политическую подкладку. Кромѣ того эти браки указываютъ на стремленіе Соломона къ самовозвышенію: онъ не хотѣлъ родниться съ простыми подданными, не хотѣлъ жениться, какъ обыкновенный еврей, а искалъ себѣ невестъ между принцессами царскихъ домовъ, хотя бы зависимыхъ отъ него, хотя бы захудалыхъ, какъ напр., ханаанейскіе. Что же касается въ частности брака съ аммонитянкой Наамой, то какое-либо суетное увлеченіе предположить здѣсь потому уже трудно, что бракъ этотъ заключенъ еще при жизни Давида.

послѣдствіямъ — породнился съ царемъ египетскимъ, взявъ за себя его дочь. Царь, съ которымъ породнился Соломонъ, былъ, полагаютъ, Псузеннесь, послѣдній изъ 21 династіи⁽¹⁾. Выгода этого союза для Соломона обнаружилась вскорѣ. Филистимляне въ своей послѣдней отчаянной борьбѣ съ Давидомъ, не находя возможнымъ держаться въ которомъ-либо изъ своихъ важнѣйшихъ пяти городовъ, сосредоточили свои силы очевидно по стратегическимъ соображеніямъ въ Газерѣ⁽²⁾. Обезсиленные Давидомъ, они смирились; но по смерти Давида, какъ можно догадываться, они снова обнаружили стремленіе сосредоточить свои силы въ Газерѣ, и Соломону пришлось бы выдержать трудную борьбу съ ними, чтобы удержать подъ своею властію строптивый народъ. Борьба эта могла бы имѣть даже сомнительный исходъ для Соломона, если бы царь египетскій, не разчитывая на миролюбіе могущественнаго еврейскаго царя, поддержалъ филистимлянъ. Но Соломонъ первый протянулъ руку дружбы, скрѣпивъ ее родственными отношеніями, чѣмъ и освободилъ себя совсѣмъ отъ борьбы съ филистимлянами. Царь египетскій избавилъ своего зятя отъ нелюбимой имъ войны — разгромилъ Газеръ и отдалъ его Соломону, какъ приданое за своей дочерью⁽³⁾. Побужденіемъ для Соломона обезпечить

(1) Ewald Ук. соч. стр. 279. Graetz. Ук. соч. стр. 307.

(2) I. Нав. 12, 12; 1 Пар. 20, 4. Мѣстоположеніе его только приблизительно можно опредѣлить по I. Нав. 16, 3 въ сѣверозападномъ углу равнины Сефельской. I. Флавій говоритъ, что онъ лежалъ въ землѣ филистимской и укрѣпленъ былъ самою природою. Ant. Lib. VIII. cap. VI. 1.

(3) 3 Цар. 9, 16. «Взялъ Газеръ, и сжегъ его огнемъ, и хананеевъ, жившихъ въ городѣ, побилъ». На этомъ основаніи Газеръ считаютъ не филистимскимъ городомъ, а хананейскимъ. Winer. Realwörterbuch. Art. Geser. Keil. Comment. 3 B. s. 107. Онъ могъ быть дѣйствительно хананейскимъ; но и ничто не могло помѣшать филистимлянамъ, пока ихъ сила не была окончательно сокрушена, овладѣть имъ и пользоваться для своихъ цѣлей. Предполагать же на основаніи выраженія:

себя родственнымъ союзомъ съ египетскимъ царемъ могло быть и слѣдующее весьма важное, какъ показали послѣдствія, обстоятельство. Когда при Давидѣ Идумея была покорена и за вѣроломное избіеніе еврейскаго охранительнаго отряда (оккупационнаго войска) была жестоко наказана истребленіемъ всего мужескаго пола (разумеется, способнаго носить оружіе), нѣсколькимъ приближеннымъ царя удалось спастись бѣгствомъ въ Египетъ. Они захватили съ собой и царскаго сына, по имени Адера, который былъ еще мальчикомъ. Фараонъ благосклонно принялъ идумейскаго князя и оставилъ жить при себѣ. Достигнувъ возраста, идумейскій князь сумѣлъ поддержать благоволеніе фараона, такъ что послѣдній отдалъ за него сестру своей жены, Тахпенесу. Родившійся отъ этого брака сынъ, Генуватъ, разсматривался уже какъ египетскій принцъ и воспитывался вмѣстѣ съ сыновьями фараона. Но Адеръ не могъ забыть о своей родинѣ, о томъ, что тамъ его наследственный престолъ. Лишь только услышалъ онъ о кончинѣ Давида, о

«хананеевъ, жившихъ въ городѣ, побилъ», — что въ то время существовалъ сильный независимый хананейскій городъ. до того сильный, что даже египетскій царь предпринималъ походъ противъ него, — предполагать это въ высшей степени трудно. Уже давно единственною силою, съ которою евреямъ приходилось считаться въ Ханаанѣ, были филистимляне. Невозможно допустить, чтобы Давидъ, воюя со всѣми окрестными народами, распространяя свое господство въ Сиріи и даже на Евфратѣ, оставилъ у себя подъ-бѣгомъ независимый хананейскій городъ. Поэтому мы, имѣя въ виду послѣднюю борьбу филистимлянъ съ Давидомъ между прочимъ въ Газерѣ, предположили, что и теперь дѣло здѣсь было съ филистимлянами. Что же касается побіенія хананеевъ, жившихъ въ Газерѣ, то, судя по контексту рѣчи, оно произошло не во время военныхъ дѣйствій, а по окончаніи ихъ, какъ нѣкоторое особенное распоряженіе завоевателя. Можно догадываться, что фараонъ, не довольствуясь истребленіемъ и разбѣианіемъ филистимлянъ, укрѣпившихся въ Газерѣ, истребилъ и коренныхъ его жителей, хананеевъ, чтобы будущему обладателю города можно было безпрепятственно сдѣлать изъ города, что ему угодно. Соломонъ, какъ увидимъ, обратилъ его въ крѣпость для прегражденія пути прямо къ Іерусалиму съ филистимской низменности.

борьбѣ съ которымъ онъ очевидно не смѣлъ и думать, а также и о гибели Іоава, страшнаго вождя Давидова, какъ принялъ рѣшеніе возвратиться на родину во что бы то ни стало и попытаться при измѣнившихся обстоятельствахъ свергнуть съ нея еврейское иго, ибо горько было потомку гордаго Исава сносить иго дѣтей Іакова. Фараонъ, повидимому не желавшій, чтобы Адеръ промѣнялъ спокойную жизнь при его дворѣ на приключенія искателя сомнительнаго счастья, принужденъ былъ уступить настойчивой просьбѣ и отпустилъ его ⁽¹⁾. Такимъ образомъ Адеръ возвратился въ Идумею и здѣсь безъ сомнѣнія, въ качествѣ законнаго наследника престола и родственника могущественнаго египетскаго царя, пустилъ въ ходъ все, чтобы вырваться изъ-подъ власти Соломоновой. Чтобы отнять у Адера опору въ лицѣ египетскаго царя, Соломонъ счелъ за полезное заключить съ египетскимъ царемъ тоже родственный союзъ, болѣе близкій и болѣе лестный для послѣдняго, чѣмъ союзъ съ идумейскимъ изгнанникомъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ 3 Цар. 11, 14—22. Возвращеніе Адера произошло не въ концѣ царствованія Соломона, какъ думалъ I. Флавій, Ant. VIII. 7. 6, вѣроятно на томъ основаніи, что рассказъ объ Адерѣ находится въ послѣдней (11) главѣ повѣствованій о Соломонѣ, а въ самомъ началѣ. Выраженія ст. 21 не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія: «когда, говорится, услышалъ Адеръ, что Давидъ почилъ... и что военачальникъ Іоавъ умеръ, то сказалъ фараону: отпусти меня... Отпускъ послѣдовалъ безъ сомнѣнія вскорѣ за просьбою, и нѣтъ никакого основанія предполагать между тѣмъ и другимъ цѣлые десятки лѣтъ.

⁽²⁾ Graetz утверждаетъ, что Адеръ пришелъ въ Египетъ не при фараонѣ, сдѣлавшемся тестемъ Соломона, а при слѣдующемъ царѣ египетскомъ, Сусакимѣ, врагѣ Соломона. Указ. соч. стр. 364. Согласиться съ этимъ невозможно, и основанія, приводимыя авторомъ, необыкновенно странны. Выхода изъ справедливой мысли, что не могъ тесть Соломоновъ благосклонно относиться къ врагу Соломона, онъ утверждаетъ, что Адеръ долгое время жилъ въ Мадіамѣ, потомъ въ Фаранѣ (3 Цар. 11, 18), а чтеніе ст. 17-го исправляетъ, предполагая, что здѣсь вмѣсто *לבוא מצרים* слѣдуетъ читать: *לבוא מדן*, т. е., что Адеръ убѣжалъ не въ Египетъ, а въ Мадіамъ. Въ сущности на этой прозаической

Быль у Соломона врагъ и на другомъ, противоположномъ концѣ царства—въ Сириі. Это былъ нѣкто Разонъ, который, говорится въ кн. Царствъ, убѣждалъ отъ государя своего Адраазара, царя сувекаго, послѣ того какъ Давидъ разбилъ Адраазара. Онъ былъ вѣроятно одинъ изъ военачальниковъ побѣжденнаго царя, не пожелавшій сносить еврейское иго и отважно рѣшившійся на неравную борьбу съ иноземнымъ господствомъ. Благодаря тому, что евреи, покоривъ окрестныя государства, не довольно твердо поддерживали въ нихъ свою власть, Разонъ съ горстью отважныхъ людей держался въ Дамасской Сириі и угрожалъ владычеству Соломона на сѣверѣ ⁽¹⁾. По

ной поправкѣ и основано все разсужденіе Graetz'a о позднемъ прибытіи Адера въ Египеть. Съ такимъ же произволомъ онъ относится и къ ст. 27-му, прямо и ясно говорящему, что Адеръ сталъ проситься у фараона въ Идумею вскорѣ послѣ смерти Давида и Іоава. Слова: «когда услышалъ Адеръ, что Давидъ почилъ... и что Іоавъ умеръ», нужно говорить онъ, понимать такъ: Адеръ услышалъ, что воинственный духъ Давида и Іоава ослабѣлъ въ Израилѣ... Указ. соч. стр. 364. Graetz не обращаетъ вниманія на то, что по ст. 22-му фараонъ отговариваетъ Адера идти въ Идумею, что такое дѣйствіе не прилично врагу Соломона (Суцакиму). Что касается брака Адера, то онъ легко могъ быть заключенъ раньше брака Соломона съ дочерью египетскаго царя; потому что бѣгство Адера изъ Иудеи произошло еще раньше, чѣмъ родился Соломонъ. Срав. 2 Цар. 8, 14; 1 Цар. 18, 12, 13 и 3 Цар. 11, 15. Ewald, указ. соч. стр. 276, а за нимъ и Eisenlohr, ук. соч. стр. 57, полагаютъ борьбу Адера съ Соломономъ въ самомъ началѣ царствованія послѣдняго.

⁽¹⁾ Къ концу царствованія Соломона онъ овладѣлъ Дамаскомъ и утвердился въ немъ. 3 Цар. 11, 24. Ewald, ук. соч. стр. 277. Keil, ук. соч. стр. 131, и друг. неосновательно предполагаютъ усиленіе Разона, равно и Адера, въ самомъ началѣ царствованія Соломона. Невозможно допустить, чтобы Соломонъ, заботившійся о свободномъ пути на Евфратъ, покорившій Емавъ, который лежалъ далеко сѣвернѣ Дамаска, равно какъ имѣвшій торговый путь къ Красному морю, терпѣлъ сильныхъ враговъ на сѣверѣ и югѣ своего царства. Хотя нѣкоторыя подробности въ 3 Цар. 11, 14—25 относятся къ событіямъ въ началѣ царствованія Соломона и даже къ болѣе раннему времени; однако то, что говорится въ ст. 24 и 25, несомнѣнно имѣетъ отношеніе къ тому времени, когда Богъ сталъ наказывать Соломона за грѣхи его. Самъ

всѣмъ признакамъ Соломонъ, вѣрный своей программѣ твердаго господства надъ своими прирожденными подданными и мира во что бы то ни стало съ окрестными народами, не предпринялъ рѣшительной попытки уничтожить въ корень врага въ самомъ началѣ. Онъ и здѣсь, какъ на югѣ, принялъ только мѣры къ тому, чтобы ослаблять силу враговъ расположеніемъ друзей, которые въ случаѣ надобности могли помочь ему защититься отъ рѣшительнаго нападенія усилившагося врага. Онъ продолжилъ дружбу Давида съ Хирамомъ, царемъ тирскимъ, скрѣпивъ ее, какъ можно думать, бракомъ съ его дочерью ⁽¹⁾. Несомнѣнно онъ породнился и съ знатнѣйшими фамиліями Сидона, какъ это видно изъ 3 Цар. 11, 1. Въ подобныя же отношенія онъ вступилъ съ правителями народовъ, облежавшихъ восточную окраину еврейской земли—моавитянъ и аммонитянъ. Онъ имѣлъ въ замужествѣ еще идумеянокъ и хеттеянокъ. Очень вѣроятно, что въ Идумеѣ были знатныя фамиліи, не мечтавшія о независимости своего отечества, чувствовавшія себя счастливыми и подъ владычествомъ евреевъ. Съ этими-то конечно фамиліями Соломонъ и вступилъ въ родственную связь, лестную для нихъ,—въ тѣхъ разсчетахъ, что они въ Идумеѣ будутъ представлять могущественное противодѣйствіе проiscaмъ Адера. Что касается хеттеянокъ, то браки съ ними конечно не могли имѣть того значенія, какое объяснено выше. Земли хеттеевъ не существовало, и всѣ хананейскія народности, уцѣлѣвшія въ Палестинѣ, не имѣли ни-

Keil на слѣдующей же страницѣ принужденъ былъ допустить, что Разонъ не удержался въ Дамаскѣ, когда Соломонъ сталъ укрѣплять сѣверную границу своего царства. Выраженіе ст. 25-го: «и былъ Разонъ противникомъ Израиля во всѣ дни Соломона» вовсе не указываетъ на усиленіе Разона съ самаго начала царствованія Соломона, а говоритъ только о томъ, что Разонъ остался врагомъ Соломона до самой смерти послѣдняго.

⁽¹⁾ На это есть свидѣтельства у древнихъ авторовъ. Bible sans la bible. Par Gainet. T. I. éd. 2. 1874. p. 481—2.

какого политическаго значенія, такъ какъ были разрознены, малочисленны и вполнѣ подчинены. Бракъ съ хананеянками былъ рѣшительно воспрещенъ еврею ⁽¹⁾, а въ частности царю воспрещалось имѣть слишкомъ много женъ ⁽²⁾. Соломонъ пренебрегъ тѣмъ и другимъ. Если браки Соломона съ хананеянками не имѣли въ своемъ основаніи чистую чувственность, — потому что трудно представить, почему бы эти браки больше могли льстить чувственности, чѣмъ браки съ еврейками, — то можно думать, что они основывались просто на тщеславіи Соломона, искавшего для себя женщинъ изъ царскихъ, княжескихъ или какихъ бы то ни было владѣтельныхъ домовъ, хотя бы эти дома и утратили уже всякое политическое значеніе ⁽³⁾. — Впрочемъ Соломонъ обезпечивалъ безопасность государства и не одними союзами. Онъ даже велъ одну войну. Это былъ весьма отдаленный походъ, на сѣверъ, гдѣ не видали Давидова оружія, а слышали только его отзвукъ. Сѣвернѣе Ливанскихъ горъ, на рѣкѣ Оронтѣ лежали городъ и царство Емаѳъ - Сува (Гаматъ). Царь Емаѳа, или Имаѳа ⁽⁴⁾, довольный тѣмъ, что Давидъ сокрушилъ его врага Адраазара,

⁽¹⁾ Исх. 34, 16.

⁽²⁾ Втор. 17, 17.

⁽³⁾ На основаніи 3 Цар. 11, 1—3 можно подумать, что всѣ вообще браки Соломона основывались на чистой чувственности. Но такому пониманію указаннаго мѣста противорѣчатъ неимовѣрное количество женъ Соломона, не въ мѣру чувственности. Ясно, что здѣсь, кромѣ политическихъ расчетовъ, не могшихъ впрочемъ породить слишкомъ много браковъ, дѣйствовало главнымъ образомъ тщеславіе Соломона, которое дѣйствительно могло повлечь къ совершенно несообразному размноженію женщинъ въ домѣ богатаго царя. Слова дѣписателя: «и любилъ Соломонъ многихъ чужестранныхъ женщинъ» указываютъ не на побужденіе вступать въ бракъ съ ними, а на то, что было уже слѣдствіемъ брачнаго сожителства съ ними, на то подчиненіе имъ въ старости, которое было причиною паденія Соломона. Это видно и изъ повтореннаго, какъ бы пояснительнаго выраженія 2-го стиха: «къ нимъ прилепился Соломонъ любовію».

⁽⁴⁾ 2 Цар. 8, 9.

обнаружилъ къ Давиду благорасположеніе и, пославъ сына своего съ дарами къ побѣдителя, тѣмъ самымъ какъ бы поручилъ себя покровительству Давида. По смерти же Давида, не видя воинственной дѣятельности со стороны его преемника и предполагая въ Разонѣ человека, который скоро положитъ конецъ господству евреевъ въ Сиріи, онъ очевидно обнаружилъ непріязненное отношеніе къ Соломону. А между тѣмъ послѣдній, замышляя широкое развитіе торговли и заботясь о безпрепятственномъ пути на Евфратъ, не могъ потерпѣть сильнаго врага по сосѣдству съ этимъ важнымъ путемъ. Поэтому Соломонъ предпринялъ походъ (вѣроятно не самолично) и принудилъ царя емаѳскаго къ покорности силою ⁽¹⁾. Онъ избралъ здѣсь укрѣпленные пункты (города), снабдилъ ихъ запасами и очевидно оставилъ гарнизоны ⁽²⁾. На границѣ съ Финикіей Соломонъ укрѣпилъ города, которые онъ отдалъ было Хираму, царю тирскому, но которые не понравились послѣднему и были возвращены. Чтобы сдѣлать ихъ надежнымъ оплотомъ своей границы, онъ не оставилъ ихъ чисто хананейскими, какими они очевидно были до сихъ поръ, а населилъ ихъ израильянами. Въ долинѣ Ездраелонской, обширнѣйшей въ Палестинѣ, дававшей возможность непріятелю развернуть большія силы и уже разъ служившей для филистимлянъ мѣстомъ побѣды надъ евреями, Соломонъ такъ же избралъ пунктъ, Мегиддо, и укрѣпилъ его ⁽³⁾. Тоже самое онъ сдѣ-

⁽¹⁾ 2 Пар. 8, 3. По выраженію автора «Царствованія Соломона» въ Душен. Чт. 1873. кн. 1, стр. 171 Соломонъ самъ отправлялся въ Емаѳъ, чтобы «принять его въ совершенное подданство». Война Соломона так. обр. отрицается. Но нигде не видно, чтобы Емаѳъ былъ прежде въ подданствѣ. Кромѣ того выраженіе въ 2 Пар. 8, 3 לַעֲרֹבָה по разсужденію Кейля означаетъ: перевозомъ, побѣдилъ. Comment. Thl. 5. s. 249.

⁽²⁾ 2 Пар. 8, 4. Запасы въ укрѣпленныхъ городахъ едва ли были назначены къ продовольствію на случай неурожая; скорѣе, это были запасы на случай осады непріятелемъ.

⁽³⁾ 3 Цар. 9, 15.

лаль и съ городомъ Гацоръ (Асоръ), значеніе котораго, какъ важнаго стратегическаго пункта, видно уже изъ того, что еще до завоеванія Палестины евреями онъ былъ центромъ военныхъ силъ хананеевъ на сѣверѣ⁽¹⁾. Само собою понятно, что Соломонъ укрѣпилъ и Иерусалимъ. Старыя укрѣпленія Давида города были недостаточны; построеніемъ храма и новаго царскаго дворца Иерусалимъ расширился. Поэтому и замѣчено, что Соломонъ построилъ „стѣну іерусалимскую“⁽²⁾, т. е., очевидно къ старымъ укрѣпленіямъ присоединилъ новый поясъ укрѣпленій, охватившій новыя части города съ восточной и сѣверной стороны Сіона. Но недостаточно было укрѣпить одинъ Иерусалимъ; нужно было преградить самый доступъ къ нему для сильнаго врага. Сильный врагъ могъ подступитъ къ Иерусалиму съ моря или съ береговой низменности по нынѣшней дорогѣ изъ Яффы въ Иерусалимъ. Для борьбы съ врагомъ на этой дорогѣ Соломонъ сильно укрѣпилъ Веѳоронъ верхній и Веѳоронъ нижній⁽³⁾ и далѣе на береговой низменности—Газеръ и Ваалаѳъ⁽⁴⁾. Армія подвергнута была Соломономъ значительному преобразованію, какъ по своему составу, такъ и по расположенію въ странѣ. Замѣчательно, что побѣдоносная армія Давида состояла изъ одной пѣхоты, и хотя послѣ войны съ Адраазаромъ Давидъ взялъ себѣ 100 коней, отнятыхъ у врага, но и послѣдующими побѣдами своими онъ конечно обязанъ не этой скромной конницѣ. Между тѣмъ Соломонъ, почти совѣтъ не роевавшій, напелъ нужнымъ усовершенствовать армію образованіемъ сильной конницы. Онъ имѣлъ 1400 боевыхъ колес-

⁽¹⁾ 1. Нав. 11, 1. 10.

⁽²⁾ 3 Цар. 9, 15.

⁽³⁾ 2 Пар. 8, 5.

⁽⁴⁾ 3 Цар. 9, 15. 18; 2 Пар. 8, 6. Fl. Jos. Antiqu. Lib. VIII. cap. VI. 1.

ницъ⁽¹⁾ съ потребнымъ для нихъ количествомъ коней (4000 стойлъ) и 12000 всадниковъ⁽²⁾. Такимъ образомъ его армія была поставлена на одну ногу съ арміями сосѣднихъ народовъ, хотя гористая Палестина не нуждалась въ этомъ, и побужденіе къ такому нововведенію въ арміи едвали не заключалось главнымъ образомъ въ тщеславіи Соломона, который не желалъ никому уступить въ блестящей обстановкѣ и внушительномъ величии царскаго могущества. Въ расположеніи военной силы у Соломона была та особенность, что она не была сосредоточена въ одномъ Иерусалимѣ, какъ при Давидѣ, а распределена по разнымъ стратегическимъ пунктамъ, такъ что и на случай внѣшняго нападенія, и на случай внутренняго возмущенія онъ могъ употребить ее въ дѣло немедленно. Подъ именемъ упоминаемыхъ дѣписателемъ „колесничныхъ городовъ“, по которымъ была распределена конница Соломона⁽³⁾, очевидно нужно разумѣть укрѣпленные города, важные въ стратегическомъ отношеніи. Внѣшней безопасности государства содѣйствовало и оживленіе торговли, которой Соломонъ покровительствовалъ. Черезъ Палестину шли важные торговые пути, и сосѣднимъ народамъ было

⁽¹⁾ По мнѣнію автора «Царствованія Соломона» въ Дух. Чт. 1873. кн. 1. стр. 52—это были придворные экипажи для самого Соломона и для его женъ... Трудно сказать, на чемъ основано это нѣсколько странное предположеніе. Размѣщеніе колесницъ «по колесничнымъ городамъ», такъ что только часть ихъ оставалась въ Иерусалимѣ, 3 Цар. 10, 26.—ясно указываетъ, что это были военныя колесницы, а не принадлежность придворнаго комфорта.

⁽²⁾ 3 Цар. 10, 26; 2 Пар. 1, 14; 9, 25. Въ 3 Цар. 4, 26 говорится о 40000 стойлъ. У Буддея изложены разныя мнѣнія для примиренія данныхъ кн. Царствъ и Паралипоменона. Ук. соч. стр. 181—3. Самъ онъ останавливается на томъ предположеніи, что въ кн. Царствъ указано число коней у Соломона въ первую половину царствованія, въ періодъ наивысшаго развитія богатства и роскоши, а въ кн. Паралипоменонъ опредѣлено количество въ концѣ царствованія, въ періодъ упадка и матеріальныхъ средствъ, и душевныхъ силъ Соломона.

⁽³⁾ 2 Пар. 1, 14.

выгодно поддерживать миръ съ государемъ, во власти котораго находились эти пути. Изъ всего вышесказаннаго видно, что для предупрежденія опасности извнѣ Соломонъ сдѣлалъ почти все, что можно сдѣлать, избѣгая войны, которая на первыхъ порахъ его царствованія, послѣ ослабленія всѣхъ окрестныхъ народовъ Давидомъ, дѣйствительно была излишня. Онъ только не довольно рѣшительно и дѣятельно поддерживалъ свою власть на окраинахъ, въ завоеванныхъ Давидомъ областяхъ, допустивъ здѣсь усилиться врагамъ, сначала ничтожнымъ, а потомъ очень зловреднымъ. Какъ бы то ни было, ни одинъ внѣшній врагъ въ собственномъ смыслѣ не покусился сдѣлать нападеніе на евреевъ во все царствованіе Соломона, и ударъ, нанесенный его монархіи предъ самымъ концомъ, послѣдовалъ не извнѣ.

... Обращаясь отъ внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ, мы снова, какъ и въ самомъ началѣ царствованія, встрѣчаемъ систематическое и характерное стремленіе Соломона утвердить свою власть прочно, устранить все, что казалось несовмѣстимымъ съ этой властью и что могло нарушить его царственный покой. Мы уже видѣли, какъ круто поступилъ онъ на самыхъ первыхъ порахъ съ лицами, угрожавшими внутреннему спокойствію. И дальнѣйшія его мѣры имѣли характеръ подавленія, клонились къ искорененію разныхъ элементовъ, несовмѣстимыхъ съ идеею безгра ничнаго господства. При Давидѣ остатки хананейскихъ племенъ, разсѣянные между евреями, безъ сомнѣнія не имѣли уже никакой политической самостоятельности. Но въ тоже время они жили повидимому въ качествѣ свободныхъ иновѣрцевъ, которымъ предоставлено было пользоваться всѣмъ, что не наносило ущерба еврею. Самъ царь уважалъ, напр., ихъ права на собственность (покупка гумна у Орны). Соломонъ нашелъ такое положеніе хананеевъ въ своемъ царствѣ неудобнымъ, и онъ формально обратилъ ихъ со всѣмъ потомствомъ въ рабовъ—„сдѣлалъ оброчны-

ми работниками“ (1). Можетъ быть кто-нибудь подумаетъ, что, поступаая такъ, Соломонъ имѣлъ въ виду божественное опредѣленіе о конечномъ истребленіи хананеевъ (2). Можетъ быть дѣйствительно божественное опредѣленіе нѣкоторымъ образомъ выполнялось этимъ, но только помимо сознанія и воли царя, имѣвшаго въ замужествѣ (вопреки закону) хананейскихъ женщинъ. „Сыновъ же Израилевыхъ, сказано, Соломонъ не дѣлалъ работниками; но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесницъ и его всадниковъ“ (3). Это значило впрочемъ только то, что сыны Израилевы въ противоположность хананеямъ не мыслились лишенными по самому рожденію правъ свободного человека, правъ даже на высшія и почетныя должности. На самомъ же дѣлѣ многихъ и изъ сыновъ Израилевыхъ Соломонъ дѣлалъ „оброчными работниками“. „И обложилъ царь Соломонъ, сказано въ другомъ мѣстѣ, повинностію весь Израиль; повинность же состояла въ тридцати тысячахъ человекъ. И посылалъ ихъ на Ливанъ“... т. е., исполнять такую же оброчную работу, которая была возложена на рабовъ-хананеевъ (4). Такимъ образомъ Соломонъ не склоненъ былъ проводить слишкомъ большую разницу между подданными-

(1) 3 Цар. 9. 20. 21.

(2) Graetz, наир., думаетъ, будто Соломонъ имѣлъ въ виду при этомъ извѣстное пророчество Ноя о потомкахъ Хаанаана. Ук. соч. стр. 341. Но въ такомъ случаѣ Соломону слѣдовало обратить въ рабовъ и финикянъ; онъ же, напротивъ, жилъ съ ними въ тѣсной дружбѣ.

(3) 3 Цар. 9, 22.

(4) 3 Цар. 5, 13. Хотя на основаніи одного этого мѣста и можно подуматъ, что это была только временная мѣра, вызванная построеніемъ храма, и хотя Ewald думаетъ, что выраженіе «весь Израиль» означаетъ землю или царство, а не народъ еврейскій въ противоположность хананеямъ, ук. соч. стр. 292; однако изъ 3 Цар. 11, 28 и 12, 4 видно съ несомнѣнностію, что оброчными работниками были природные евреи и оставались ими долгое время послѣ построенія храма, вѣроятно до конца царствованія Соломона.

израильтянами и рабами - хананеями. Онъ хотѣлъ быть господиномъ надъ всѣми, и по его мысли всѣ подданные безъ различія должны были чувствовать это и повиноваться ему безпрекословно. Подданные-израильтяне и чувствовали живо то состояніе подневольности, въ которомъ очутились, какъ показала исторія воцаренія сына Соломонова. Кромѣ подневольной работы евреи должны были отбывать при Соломонѣ и другую повинность — доставлять содержаніе роскошному и многочисленному двору царя. Вся земля была раздѣлена на 12 областей; въ каждой области былъ особый приставникъ (безъ сомнѣнія съ помощниками), обязанный собирать припасы и поставлять въ теченіе одного мѣсяца ко двору все нужное⁽¹⁾. Мы не утверждаемъ, что эта повинность была обременительна, что она тяжело отзывалась на матеріальномъ благосостояніи подданныхъ; потому что земля была богата, и, наслаждаясь миромъ, евреи могли обильно извлекать изъ нея ея сокровища, такъ что писатель кн. Царствъ могъ справедливо сказать: „Иуда и Израиль, многочисленные, какъ песокъ у моря, ѣли, пили и веселились“. Но мы обращаемъ здѣсь вниманіе на одну особенность, характерную для царствованія Соломона по сравненію его съ царствованіемъ Давида. И у Давида было тоже 12 начальниковъ; но это были „начальники надъ имѣніемъ, которое было у царя Давида“⁽²⁾. Приставники же Соломона были „надъ всѣмъ Израилемъ“. Ясно, что они къ народу стояли совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ начальники Давида. Съ другой стороны, область ихъ дѣятельности и значеніе были не тѣ, что у древнихъ представителей власти, у двѣнадцати князей колѣнъ израилевыхъ. Самая земля подверглась новому дѣленію, и границы его не совпадали съ стариннымъ

⁽¹⁾ 3 Цар. 4, 7.

⁽²⁾ 1 Цар. 27, 31.

дѣленіемъ по колѣнамъ, съ которыми были связаны преданія и симпатіи до-монархическаго строя государственной жизни. Такъ, обширное колѣно Ефремово не составляло одной области; еще болѣе раздробленнымъ представляется колѣно Манассіино⁽¹⁾. Новые начальники новыхъ областей, облеченные важнымъ, хотя и спеціальнымъ полномочіемъ, на практикѣ могли расширить свое значеніе и превратиться вообще въ блюстителей государственныхъ и государевыхъ интересовъ. И въ самомъ дѣлѣ, они не только доставляли припасы ко двору натурою, но и препровождали къ Соломону золото⁽²⁾. Откуда бы они ни брали это золото — просто ли съ подданныхъ Соломона или съ купцовъ, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что область ихъ дѣятельности расширилась сравнительно съ первоначальнымъ ихъ назначеніемъ. I. Флавій называетъ ихъ *στρατηγῶν καὶ ἡγεμόνων*, т. е., военачальники и вообще правители⁽³⁾. Хотя такое расширеніе значенія приставниковъ и считаютъ произвольнымъ предположеніемъ I. Флавія⁽⁴⁾, однако мы рѣшаемся, раздѣляя это предположеніе, идти дальше и утверждать, что Соломонъ произвелъ радикальное преобразование въ военномъ (и гражданскомъ) устройствѣ страны и что двѣнадцать Давидовыхъ военачальниковъ, командовавшихъ двѣнадцатью отдѣльными частями всенароднаго ополченія въ Иерусалимѣ и на войнѣ, были замѣнены мѣстными военачальниками, приставниками, жившими въ но-

⁽¹⁾ Объ этомъ можно судить по 3 Цар. 4, 8—19 «Области, подчиненныя 12-ти приставникамъ, только отчасти совпадали съ границами колѣнъ»... Keil. *Comm. Thl. 2. V. 3. s. 36.* Graetz видитъ въ этомъ раздѣленіи централизаторскую цѣль Указ. соч. стр. 308.

⁽²⁾ 3 Цар. 10, 15. Keil не считаетъ невозможнымъ отождествлять названныхъ здѣсь «областныхъ начальниковъ» съ приставниками 3 Цар. 4, 7—19. Ук. соч. стр. 121

⁽³⁾ *Antiqu. Lib. VIII. cap. 2. 3.*

⁽⁴⁾ Keil. Ук. соч. стр. 36.

выхъ областяхъ и соединявшими въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть. Но если бы это предположеніе и не отвѣчало дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Соломоновы приставники были гораздо болѣе, чѣмъ простые продовольственные чиновники. Если начальники надъ имѣніемъ Давида были только, такъ сказать, чиновники министерства двора; то Соломоновы приставники уже болѣе походили на чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Самъ Соломонъ видимо старался возвысить ихъ значеніе, потому что за двоихъ изъ нихъ даже отдалъ въ замужество своихъ дочерей⁽¹⁾. Такимъ высокимъ и вліятельнымъ положеніемъ приставниковъ Соломона князья колѣнъ очевидно отодвигались на задній планъ. Мѣсто старыхъ властей, освященныхъ преданіемъ, съ существованіемъ которыхъ связана была привычка къ самостоятельной внутренней жизни по колѣнамъ, заступили новыя власти, не имѣвшія ничего общаго съ отдѣльными интересами и представлявшія только развѣтвленіе единой власти, утвердившейся въ Иерусалимѣ. Значеніе князей колѣнъ и прочихъ родовыхъ властей унало; еврейской аристократіи, почти безусловно авторитетной въ періодъ судей и вліятельной даже при Давидѣ, нанесенъ сильный ударъ. Соломонъ желалъ царствовать безпрепятственно, устраняя всякія противомонархическія поползновенія. Мы должны прибавить, что 12 приставниковъ были не единственные новыя власти, устранявшія авторитетъ патріархальнаго чиновначалія, потому что „главныхъ приставниковъ у царя Соломона, управлявшихъ народомъ, было двѣсти пятьдесятъ“⁽²⁾. Можно думать еще, что Соломонъ, въ противоположность Давиду (и сходясь въ этомъ слу-

⁽¹⁾ 3 Цар. 4, 11, 15.

⁽²⁾ 2 Цар. 8, 10. Это не тѣ приставники, о которыхъ говорится въ 3 Цар. 9, 23; потому что послѣдніе были приставниками *надъ работами* Соломоновыми, а упомянутые здѣсь *управляли народомъ*.

чаѣ съ Сауломъ), возвысилъ свое родное колѣно надъ прочими; потому что повидимому въ колѣнѣ Иудиномъ не было приставника⁽¹⁾. Можетъ быть оно было освобождено и отъ повинностей. Какъ бы то ни было, по тотъ фактъ, что это колѣно, оказавшееся столь мятежнымъ при Давидѣ, осталось вѣрнымъ сыну Соломонову при всеобщемъ недовольствѣ правленіемъ Соломона, кажется, говорить въ пользу высказаннаго предположенія. — Такъ Соломонъ обезопасилъ и утвердилъ (по крайней мѣрѣ на время своего царствованія) свое царство извнѣ и внутри и господствовалъ надъ обширнѣйшею въ тогдашнемъ мірѣ монархіею, простиравшеюся отъ Емаа въ Сиріи до Еціонъ-Гавера на берегу Краснаго моря и отъ рѣки Евфрата до Средиземнаго моря и предѣловъ египетскихъ. Казалось, потомки Авраама были теперь на вершинѣ своего земнаго могущества и благополучія. Но мы увидимъ, что утвержденное по мысли Соломона великое политическое зданіе имѣло свои несовершенства; оно носило въ себѣ зародышъ разложенія. Зданіе Давида было построено проще, но прочнѣе. Мы далеки впрочемъ отъ того, чтобы не отдавать должной дани удивленія замысламъ Соломона, лежавшимъ въ основѣ его правительственной дѣятельности. Идеи, руководившія имъ, были хороши и современны (напр., централизація власти, политика мира), и только приложеніе ихъ на практикѣ не выдержано до конца въ предѣлахъ разумности... Остановимъ свой взглядъ на царствованіи Соломона въ томъ блестящемъ періодѣ его, въ которомъ отпечатлѣлись слѣды могучаго духа Соломона, безгранично царившаго надъ положеніемъ вещей и безпрепятственно осуществлявшаго свою за-

⁽¹⁾ При перечнѣ приставниковъ Соломоновыхъ колѣно Иудино не названо. 3 Цар. 4, 8—19. Graetz допускаетъ мысль объ отсутствіи приставника въ колѣнѣ Иудиномъ. Указ. соч. стр. 308—9. Кей напротивъ полагаетъ, что Бен-Хеседъ, ст. 10, былъ приставникомъ въ колѣнѣ Иудиномъ. Указ. соч. стр. 36.

дачу — утвердить, возвысить, украсить и прославить свое царствование, и въ которомъ несовершенства, крайности и ошибки еще не давали себя чувствовать, не принесли осязательно-гибельныхъ плодовъ.

Между тѣмъ какъ самое начало царствованія Соломона, ознаменованное неумолимою строгостію его къ людямъ, нарушавшимъ внутренній покой или только угрожавшимъ ему, дѣписатель обозначилъ словами: „сѣлъ Соломонъ на престолѣ Давида, отца своего, и царствованіе его было очень твердо“⁽¹⁾, — повѣствованію о дальнѣйшихъ дѣяніяхъ Соломона онъ предпосылаетъ слѣдующія знаменательныя слова: „и возлюбилъ Соломонъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего“⁽²⁾. Это означаетъ, конечно, что Соломонъ вступалъ теперь въ періодъ наивысшаго подъема своихъ духовныхъ силъ. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ третьяго или четвертаго года своего царствованія и приблизительно до послѣдняго пятнадцатилѣтія своей жизни⁽³⁾, Соломонъ является величайшимъ изъ царей, наполнившимъ славою своей весь міръ, и историку нелегко усмотрѣть въ окружавшемъ его сіяніи темныя точки. Онъ былъ въ этотъ періодъ не только гениальнымъ правителемъ (гениальность не исключаетъ ошибокъ), но и вдохновеннымъ отъ Бога мужемъ, праведникомъ, почти такимъ же, какъ Давидъ. Говоримъ: почти; потому что дѣписатель послѣ словъ: возлюбилъ Соломонъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего — сейчасъ же прибавилъ: „но и онъ приносилъ жертвы и куренія на высотахъ“⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ 3 Цар. 2. 12.

⁽²⁾ 3. 3.

⁽³⁾ Въ это время явился ему Богъ и вмѣстѣ съ словами благоволенія изрекъ уже и угрозы. 9, 3—9. Очевидно то былъ моментъ, съ котораго началось постепенное паденіе Соломона.

⁽⁴⁾ «Высота» — общее наименованіе мѣстъ богослуженія помимо центрального святилища.

Здѣсь уже заключается ясное указаніе на то свободное отношеніе Соломона къ уставамъ Давида и вообще къ закону, которое впоследствии было главною причиною его непопозволительной терпимости по отношенію къ идолопоклонству. Тѣмъ не менѣе, пока его помыслы были сосредоточены на выполненіи завѣщанія великаго Давида относительно построенія храма Іеговѣ, онъ духомъ своимъ былъ близокъ къ Давиду, стоялъ на той относительной высотѣ нравственнаго совершенства, какая была доступна въ большей или меньшей степени вообще ветхозавѣтнымъ носителямъ откровенія. Вообще нужно думать, что время построенія храма было и временемъ наиболѣе благочестивой жизни Соломона; потому что и по планамъ божественнаго домостроительства именно въ построеніи храма заключался очевидно главнѣйшій религіозный смыслъ всего царствованія Соломона. Задача, оставленная Соломону завѣщаніемъ его отца — построить храмъ, достойный величія Іеговы, какъ нельзя болѣе гармонировала и съ его стремленіями, и съ тѣмъ положеніемъ, какое частію обезпечено было его отцомъ, частію создано имъ самимъ. Для любителя великолѣпія и блеска, какимъ былъ Соломонъ, было особенно по сердцу обнаружить свое благоговѣніе и преданность Іеговѣ во внѣшней, матеріальной обстановкѣ богослуженія, дающей возможность поражать внѣшнія чувства. Построеніе храма требовало продолжительнаго, неуспянаго и ничѣмъ не возмущаемаго вниманія; затѣмъ оно требовало весьма значительнаго напряженія силъ народныхъ, могучей власти, способной вызвать это напряженіе, и наконецъ содѣйствія матеріальнаго и нравственнаго отъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ. И всему этому отвѣчало положеніе Соломона, пользовавшагося глубокимъ миромъ, твердою властію и дружбою сосѣднихъ монарховъ. Громадныя заготовленія для храма, какъ мы видѣли, сдѣланы были еще Давидомъ, и потому Соломонъ могъ приступить къ построенію его на первыхъ же порахъ своего цар-

ствованія. Было и настоятельное побужденіе поспѣшить этимъ дѣломъ, такъ какъ въ народномъ богослуженіи были слѣды нестроенія и произвола. Хотя Давидъ и построилъ новую скинію на Сіонѣ и перенесъ въ нее ковчегъ завѣта; но очевидно не всѣ оказывали ей подобающее уваженіе, авторитетъ ея не утвердился: „народъ, говоритъ дѣписатель, еще приносилъ жертвы на высотахъ“⁽¹⁾. На „высотахъ“ жертвы приносились Иеговѣ; но богослуженіе въ разныхъ мѣстахъ раздробляло націю и кромѣ того, лишенное надлежащаго надзора, оно могло исказиться чрезъ привнесеніе какихъ-нибудь языческихъ обрядовъ и обычаевъ. Прежде чѣмъ приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ, непосредственно относящимся къ построенію храма, Соломонъ счелъ необходимымъ подготовить и укрѣпить свой духъ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу⁽²⁾. Но замѣчательно, что мѣстомъ для этого онъ избралъ не скинію Давидову, не гумно Орны, уже прославленное и знаменательное, ни вообще Иерусалимъ, на которомъ уже явно почивало Божіе благословеніе, а Гаваонъ. Что такое былъ Гаваонъ въ данное время? Писатель кн. Паралипоменонъ съ возможною

(1) 3 Цар. 3, 2.

(2) Хотя за рассказомъ о жертвоприношеніи въ Гаваонѣ повѣствованіе о самомъ построеніи храма по кн. Царствъ не слѣдуетъ непосредственно; тѣмъ не менѣе первое мы считаемъ подготовительнымъ дѣйствіемъ ко второму, и по самому времени то и другое должно было стоять въ связи. Повѣствованія о начальникахъ и приставникахъ Соломоновыхъ, объ обширности царства, о богатствѣ, и проч., вставлены писателемъ кн. Царствъ между тѣмъ и другимъ только для того, чтобы показать, что обѣтованія Божія, данныя Соломону въ сонномъ видѣніи въ Гаваонѣ, исполнились на самомъ дѣлѣ. Писатель кн. Паралипоменонъ сосредоточившій свое вниманіе главнымъ образомъ именно на построеніи Соломономъ храма и поэтому опустившій многія событія и въ частности все, что имѣло мѣсто въ первые два или три года царствованія, не опустилъ жертвоприношенія въ Гаваонѣ, но съ него именно и началъ свои повѣствованія о Соломонѣ, быстро переходя къ рассказу о построеніи храма. Ясно, что эти два факта стояли во внутренней и внѣшней связи.

обстоятельностью разясняетъ религіозное значеніе этого города: „тамъ, говоритъ онъ, была Божія скинія, которую устроилъ Моисей, рабъ Господень въ пустынь... Мѣдный жертвенникъ, который сдѣлалъ Веселеиль, сынъ Урія, сына Орова, оставался тамъ, предъ скиніею Господнею“⁽¹⁾. Такимъ образомъ Гаваонъ обладалъ древнею святынею и могъ разсматриваться Соломономъ какъ старый центръ религіозной жизни народа. Правда въ Гаваонѣ не было теперь ни ковчега, надъ которымъ Богъ со времени Моисея обѣщалъ являться своему народу, ни первосвященника, необходимого посредника и ходатая за народъ предъ Богомъ, не было, слѣдовательно, и правильнаго, законнаго богослуженія; но въ ряду другихъ „высотъ“, по которымъ разбилось служеніе Богу въ смутный періодъ судей, Гаваонъ занималъ всетаки первенствующее мѣсто и былъ, такъ сказать, наименѣе незаконнымъ мѣстомъ богослуженія въ силу пребыванія тамъ Моисеевой скиніи. Въ сущности же онъ былъ „высотой“, какъ его и назвалъ писатель кн. Паралипоменонъ⁽²⁾, съ того момента, какъ ковчегъ завѣта былъ перенесенъ въ Иерусалимъ Давидомъ. Кромѣ Гаваона было безъ сомнѣнія много другихъ „высотъ“, не имѣвшихъ его достоинства. Сила преданія, связаннаго съ мѣстами древнихъ богооткровеній, привычка, произволь и, можетъ быть, стремленіе отдѣльныхъ частей народа къ самостоятельности и особности, присущее не только колѣнамъ, но и отдѣльнымъ родамъ, наконецъ увлеченіе примѣромъ хананейскаго богослуженія, не лишенаго особой натуралистической предести, на высокихъ холмахъ, подъ тѣнію вѣковыхъ густолиственныхъ деревьевъ,—все это дало начало многочисленнымъ „высотамъ“, поддерживало ихъ авторитетъ и мѣшало осуществленію мысли законодателя сосредото-

(1) 2 Пар. 1, 3, 5.

(2) 2 Пар. 1, 3.

чить богослуженіе при одной скинїи. Богослуженіе на этихъ „высотахъ“ съ построеніемъ храма въ Іерусалимѣ мыслилось людьми благочестивыми уже совершенно незаконнымъ и очевидно прїобрѣло языческій характеръ; потому что писатель кн. Паралипоменонъ упоминаетъ о „высотахъ“ наряду съ жертвенниками чужихъ боговъ, посвященными деревьями и статуями солнца (¹). Соломонъ, сначала не стѣснявшійся выборомъ мѣстъ для жертвоприношеній (²), въ торжественный моментъ подготовленія себя къ построенію храма избралъ мѣстомъ молитвы Гаваонъ, богослуженіе котораго очевидно не носило еще тогда языческаго характера, такъ какъ еще недавно тамъ былъ даже законный первосвященникъ. Соломонъ отдалъ такимъ образомъ честь старому мѣсту богослуженія въ послѣдній разъ, готовясь всецѣло сосредоточить богослуженіе въ храмѣ, который имѣлъ построить. И Богъ благоволиительно возрѣлъ на молитву Соломона въ этомъ мѣстѣ. Когда Соломонъ послѣ продолжительнаго богослуженія (онъ вознесъ тысячу всесожженій) заснулъ, Богъ явился ему во снѣ и сказалъ: „проси, что дать тебѣ“. Соломонъ, бывшій уже довольно мудрымъ, какъ показала самая просьба, попросилъ у Бога не долгой жизни, не богатства, не душъ враговъ своихъ, а разума, чтобы умѣть судить, умѣть различать, что добро и что зло. Богъ обѣщаль ему дать то, что онъ просилъ, и то, чего не просилъ, именно: богатство и славу. Пробудившись Соломонъ не остался въ Гаваонѣ, но поспѣшилъ въ Іерусалимъ и здѣсь, предъ ковчегомъ завѣта Господня вознесъ благодарственную молитву.

Получивъ подробный чертежъ храма отъ Давида, Соломонъ не былъ однако связанъ относительно богатства и роскоши построекъ. Между тѣмъ въ по-

(¹) 2 Пар. 14, 3, 5.

(²) 3 Цар. 3, 3.

слѣднемъ отношеніи замыслы Соломона были обширны, и средствами одной своей страны онъ не могъ ихъ выполнить. Такъ какъ Хирамъ, царь тирскій, вскорѣ по воцареніи Соломона прислалъ къ нему поздравительное посольство и тѣмъ обнаружилъ дружественное расположеніе къ нему; то Соломонъ и рѣшился воспользоваться теперь этимъ расположеніемъ (¹). Финикія изобиловала въ то время древеснымъ строевымъ матеріаломъ и людьми, умѣвшими обращаться съ нимъ, и даже настоящими художниками. Поэтому Соломонъ послалъ къ Хираму сказать: „какъ поступалъ ты съ Давидомъ, отцомъ моимъ, и прислалъ ему кедры на построеніе дома для его жительства, такъ поступи и со мною. Вотъ я строю домъ имени Господа Бога моего... И домъ, который я строю, великъ; потому что великъ Богъ нашъ, выше всѣхъ боговъ... И такъ пришли мнѣ челоуѣка, умѣющаго дѣлать издѣлія изъ золота, и изъ серебра, и изъ мѣди, и изъ желѣза, и изъ пряжи пурпуроваго, багрянаго и яхонтоваго цвѣта и знающаго вырѣзывать рѣзную работу... И пришли мнѣ кедровыхъ деревьевъ и кипарису, и пегвоваго (²) дерева съ Ливана; ибо я знаю, что рабы твои умѣютъ рубить деревья ливанскія. И вотъ рабы мои пойдутъ съ рабами твоими“ (³). При этомъ Соломонъ обязался давать содержаніе финикій-

(¹) По изложенію 3 Цар. 5, 1—3 представляется, что посольство Хирама непосредственно предшествовало посольству Соломона. Если это было такъ, то посольство Хирама состоялось не вскорѣ по воцареніи Соломона. Но писатель кн. Паралипоменонъ, говоря о посольствѣ Соломона, не упоминаетъ о предварительномъ посольствѣ Хирама, 2 Пар. 2, 1—3, а говоритъ объ отвѣтномъ, 2, 11. Вѣроятно первое онъ считалъ фактомъ, относящимся къ болѣе раннему времени, о которомъ онъ не говоритъ.

(²) *סִמְלֵקִים* — сандалное дерево, какъ полагаютъ, которое въ слѣдствіи Соломонъ самъ добывалъ изъ Офира. Хирамъ вѣроятно получалъ его изъ Африки. Philippson. Isr. Bibel. Прим. къ 3 Цар. 10, 11.

(³) 2 Пар. 2, 3—10.

скимъ рабочимъ въ условленномъ размѣрѣ: пшеницы 20000 кóровъ, ячменю столько же, вина 20000 батовъ и оливковаго масла столько же ⁽¹⁾. Кромѣ того самому Хираму для продовольствія его двора, согласно его желанію, Соломонъ давалъ еще ежегодно 20000 кóровъ пшеницы и 20 кóровъ оливковаго выбитаго масла ⁽²⁾. Хирамъ съ радостію согласился оказать услугу могущественному, но миролюбивому царю, союзъ съ которымъ былъ весьма выгоденъ для промышленныхъ и невоинственныхъ финикіянъ. Онъ послалъ къ Соломону художника, Хирамъ - Авія, который по отцу былъ тирянинъ, а по матери—еврей ⁽³⁾, и обѣщаль нарубить деревъ съ Ливана „сколько нужно“ и переправить ихъ моремъ въ Яфу. Соломону оставалось только уже не длиннымъ сухимъ путемъ перевезти ихъ въ Іерусалимъ. Помощь Хирама не ограничивалась этимъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, въ которыя Соломонъ строилъ храмъ, а потомъ свой дво-

⁽¹⁾ Въ 20000 кóровъ полагаютъ 49094 четверти; въ 20000 батовъ — 2094 бочки и 32 ведра. Богословскій. Свящ. ист. ветх. зав. т. 2. стр. 5.

⁽²⁾ 3 Цар. 5, 9, 11. Выбитое оливковое масло — высшій сортъ масла, отличающійся наибольшою бѣлизною и наилучшимъ вкусомъ. Keil. Ук. соч. т. 3. стр. 47.

⁽³⁾ 3 Цар. 7, 14; 2 Пар. 2, 14. Въ первомъ мѣстѣ онъ названъ «сыномъ одной вдовы изъ колѣна Нефеалимова», а во второмъ—«сыномъ одной женщины изъ дочерей Дановыхъ». Здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Изъ самой разности выраженій ясно видно, что мать его была вдовою еврея изъ колѣна Нефеалимова, а сама по происхожденію—изъ колѣна Данава. Въ томъ и другомъ мѣстѣ отецъ его названъ тирянинъ. Буддей почему-то думаетъ, что отецъ его былъ нефеалимлянинъ, переселившійся на жительство въ Тиръ. Ук. соч. стр. 185. Ему слѣдуетъ и преосв. Филаретъ. Начерт. Церк.-библ. ист. изд. 7. стр. 267. Но въ такомъ случаѣ странно наименованіе Хирама «сыномъ одной вдовы .. одной женщины». Почему онъ не названъ сначала по отцу? Библейскіе писатели не обозначили его прежде по отцу потому, что отецъ его былъ иностранецъ. Для того, чтобы показать, что онъ не чуждъ былъ по происхожденію и евреямъ, они прежде упоминали о его матери-еврейкѣ, а потомъ уже объ отцѣ-тирянинѣ.

рецъ, онъ нуждался во многомъ и между прочимъ—въ золотѣ. Хирамъ снабжалъ его ⁽¹⁾, и Соломонъ уступилъ ему 20 городовъ, пограничныхъ съ Финикіею. Хираму, правда, не понравились эти города, и онъ возвратилъ ихъ Соломону. Вѣроятно замѣнь этого между ними состоялась какая-нибудь другая сдѣлка. Есть свидѣтельство (внебиблейское), что Соломонъ подобнымъ же образомъ воспользовался услугами и египетскаго царя. У Евсевія Кесарійскаго приводятся письма, которыми обмѣнялись по этому случаю Соломонъ и египетскій царь, названный здѣсь Вафріемъ. Соломонъ просилъ у египетскаго царя только свѣдущихъ рабочихъ, и послѣдній согласился прислать ихъ въ количествѣ 80000 человекъ, прося только кормить ихъ, наблюдать порядокъ между ними и отпустить домой по минованіи надобности ⁽²⁾. Вѣроятность этого факта основывается на томъ, что Соломонъ былъ не только въ дружбѣ, но и въ родствѣ съ египетскимъ царемъ, и что обширныя каменные работы, задуманныя Соломономъ, требовали специалистовъ каменнаго дѣла, каковыми и были египтя-

⁽¹⁾ 3 Цар. 9, 14.

⁽²⁾ Praeparatio evangelica. Lib. IX. cap. 31—2. Вотъ текстъ предполагаемаго Соломонова письма: «Соломонъ царю Египта, Вафрію, другу по наслѣдству отъ отца, желаетъ здоровья. Ты знаешь, что съ помощью всемогущаго Бога я наслѣдовалъ царство Давида, отца моего, который мнѣ завѣщаль построить храмъ Богу, Создателю неба и земли. При семъ случаѣ я прошу тебя прислать мнѣ такихъ изъ твоихъ подданныхъ, которые были бы въ моемъ распоряженіи, пока я совершу это дѣло такъ, какъ оно мнѣ поручено». Письмо египетскаго царя: «я очень радовался, читая письмо, и я считаю счастливымъ для себя и для всего своего воинства тотъ день, когда ты получилъ верховную власть изъ рукъ добродѣтельнаго и возлюбленнаго столь великимъ Богомъ мужа. Что касается твоей просьбы людей изъ моихъ подданныхъ, то я посылаю тебѣ ихъ 80000, и сообщу тебѣ, изъ какихъ они мѣстъ: изъ области Севратиды 10000, изъ Мендисія и Севенинты 20000, изъ Бузиритиды, Леонтополитиды и Баеритиды около 30000. Прозабѣйся о необходимомъ для нихъ, поддержи порядокъ между ними и отошли ихъ домой, когда они не будутъ нужны тебѣ».

не (¹). Въ такомъ случаѣ на долю финикіянъ выпадали всѣ деревянныя работы, издѣлія изъ металла, изъ тканей—вообще все, что относилось до окончательной отдѣлки и украшенія каменныхъ зданій. Для производства работъ Соломонъ употребилъ громадную массу и своихъ людей, такъ какъ въ древности работы производились почти исключительно мускульною силою, безъ особенныхъ механическихъ приспособленій. Работа не оплачивалась, а отбывалась, какъ государственная повинность. Соломонъ обложилъ повинностію весь Израиль, взявъ изъ среды его 30000 человекъ. Эти 30000 посылались по очереди въ количествѣ 10000 на Ливанъ, такъ что одинъ мѣсяць работалъ одинъ десятокъ тысячъ, другой мѣсяць—другой десятокъ, и т. д. Надъ ними былъ главнымъ начальникомъ Адонирамъ. Каждый работникъ имѣлъ двухмѣсячный отдыхъ и возвращался домой для своихъ домашнихъ дѣлъ. Такое преимущество дано было рабочимъ изъ евреевъ. Хананеи же, обращенные Соломономъ въ настоящихъ работъ, не имѣли этого преимущества. Соломонъ всѣхъ ихъ привлекъ къ работѣ въ количествѣ 153600 человекъ. Изъ нихъ 70000 должны были переносить тяжести и 80000—ломать камни въ горахъ. Остальные 3600 поставлены были надсмотрщиками (²). Дѣло послѣднихъ заключалось

(¹) Ewald сомнѣвается въ достовѣрности этого факта, не приводя впрочемъ никакихъ вѣскихъ основаній къ тому. Указ соч. стр. 285. Намъ кажется напротивъ, что всѣ обстоятельства говорятъ скорѣе за достовѣрность, чѣмъ противъ нея.

(²) 2 Пар. 2, 17, 18. Разныя числовыя данныя относительно управлявшихъ работами въ 3 Цар. 5, 16; 9, 23; 2 Пар. 2, 18—всею лучше, кажется, можно примирить такимъ образомъ: во 2 Пар. 2, 18 говорится о надсмотрщикахъ низшаго порядка, изъ хананеевъ; ихъ было 3600. Въ 3 Цар. 5, 16 говорится о другихъ надсмотрщикахъ, изъ евреевъ; они были выше первыхъ, и ихъ было 3300. Въ 3 Цар. 9, 23 говорится о «главныхъ» надзирателяхъ, которыхъ было 550; они были тоже евреи. Всѣхъ, управлявшихъ работами, было такимъ образомъ 7450.

не въ управленіи работами, а въ простомъ побужденіи рабовъ къ дѣлу. Такіе надсмотрщики, вооруженные палками, фигурируютъ на египетскихъ изображеніяхъ, между прочимъ тамъ, гдѣ евреи являются въ качествѣ подневольныхъ рабочихъ. Дальнѣйшею обдѣлкою камней и дерева занималась особая масса рабочихъ, свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ; объ нихъ и сказано особо: „обтесывали же ихъ работники Соломоновы и работники Хирамовы, и гивлитяне и приготовляли дерева и камни“ (¹). Гивлитяне считаютъ жителями финикійскаго города Геваль, лежавшаго вблизи поросшихъ кедрами Ливанскихъ горъ. Тогда какъ жители береговыхъ городовъ заняты были главнымъ образомъ мореплаваніемъ, гивлитяне обратили свою дѣятельность на строительное искусство, чтобы снабжать мореплавателей кораблями. Въ этомъ смыслѣ говоритъ объ нихъ прор. Іезекииль (²). Камни добывались не на Ливанѣ, какъ думали нѣкоторые (³), вѣроятно, на основаніи 3 Цар. 5, 14, 17, а гораздо ближе; этого матеріала было всюду довольно въ Палестинѣ (⁴), за исключеніемъ

Такое количество вовсе не велико для массы рабочихъ въ 180000 (мы считаемъ здѣсь и 30000 евреевъ, которые тоже работали не безъ надзирателей). Если на каждую группу рабочихъ въ 20 человекъ положить по одному низшему надзирателю, то и этихъ послѣднихъ вышло бы болѣе 7000 человекъ. Мы не беремъ еще здѣсь во вниманіе вѣроятное присутствіе 80000 египетскихъ рабочихъ. «Главныхъ приставниковъ», о которыхъ говорится во 2 Пар. 8, 10 сюда не пужно примѣшивать: это не надзиратели за рабочими, а начальники надъ всѣмъ народомъ.

(¹) 3 Цар. 5, 18.

(²) 27, 9. Keil. Ук. соч. т. 3, стр. 49. Hess. Ук. соч. т. 8, стр. 307. Душ. Чт. 1873 г. кн. 1, стр. 173.

(³) Филаретъ. Ук. соч. стр. 267.

(⁴) Въ 1854 году провалъ обнаружилъ существованіе весьма обширной каменоломни, начинающейся близъ сѣверной стѣны Іерусалима, у Дамаскихъ воротъ. Сохранились и каменные столбы, поддерживающіе своды подземныхъ камеръ. Видна даже коноть отъ лампъ въ шахѣ. Отсюда-то вѣроятно и извлекались тѣ громадные камни, которые

какихъ-нибудь особенно дорогихъ камней. Мѣстомъ построения храма была избрана гора Моріа, согласно съ указаніемъ Давида. Для того чтобы образовать на ея поверхности ровную, прочную и достаточно обширную площадь для массивныхъ построекъ, требовались колоссальныя работы ⁽¹⁾. Такъ напр., восточный склонъ горы, представлявшій крутые обрывы къ долинѣ Кедрской, былъ одѣтъ громадною каменною стѣною въ 400 локтей вышины. Подобными же циклопическими постройками выравнивались и укрѣплялись и другія части горы, такъ что уже самая вершина горы, на которой долженъ былъ возвышаться храмъ, представляла какъ бы исполинское зданіе, поражающее зрителя своимъ величественнымъ, какъ сама природа, видомъ. Работы начались въ четвертый годъ царствованія Соломона, во второй день второго мѣсяца (середина весны), въ 480 году по исходѣ евреевъ изъ Египта. Какъ событіе величайшей важности, дѣеписатель обозначилъ начало построения со всею точностію ⁽²⁾. Вся постройка храма продолжалась семь лѣтъ.

Не принимая на себя задачи представить подробное описаніе Соломонова храма по причинѣ непреодолимыхъ трудностей, представляемыхъ для этого библейскимъ текстомъ, мы ограничимся сжатымъ очеркомъ на основаніи наиболее ясныхъ данныхъ и самыхъ вѣроятныхъ предположеній, вытекающихъ изъ этихъ данныхъ. То, что можно ясно понять въ тек-

до сихъ поръ сохранились въ основаніи храма. Graetz. Ук. соч. стр. 310—311. На эту же каменоломню указываетъ Hitzig. Gesch. d. Volk. Isr. Leipz. 1869. Thl 2. стр. 136. Philippson справедливо замѣчаетъ, что въ договорѣ Соломона съ Хирамомъ о камняхъ не говорится ни слова и что послѣдніе доставлять съ Ливана въ Іерусалимъ было бы слишкомъ трудно. Israel. Bib. стр. 514. 3 Цар. 5, 14. 17 вовсе не заставляють думать, что камни добывались и обрабатывались именно на Ливанѣ.

⁽¹⁾ Fl. Josephi Antiqu. Lib. VIII. cap. 3. 9.

⁽²⁾ 3 Цар. 6, 1.

стѣ, во всякомъ случаѣ краснорѣчиво свидѣтельствуется, что сооруженіе Соломона было достойно славнаго имени своего строителя. Храмъ былъ построенъ въ общемъ по образцу Моисеевой скинии, но въ значительно большихъ размѣрахъ и безконечно богаче украшенъ. Онъ состоялъ изъ святилища, каменнаго зданія, съ непосредственно примыкавшими къ нему съ трехъ сторонъ пристройками, и дворовъ, которые окружали его, имѣли видъ обширныхъ террасъ и обнесены были массивными и красивыми загородками. Зданіе святилища и окружавшіе его дворы издали представляли одно цѣлое. Размѣры центрального зданія были сравнительно не велики. Но они кажутся еще мѣньшими отъ того, что текстъ измѣряетъ только объемъ внутренняго помѣщенія. Между тѣмъ снаружи зданіе было несравненно большихъ размѣровъ. Внутреннее помѣщеніе имѣло 60 локтей въ длину (кромѣ притвора въ 10 локтей), 20 въ ширину и 30 въ высоту. Такимъ образомъ длина его въ три раза превосходила ширину и въ два раза высоту. Это указываетъ на строгую пропорціональность его частей, на красивую симметрію ⁽¹⁾. Эту пропорціональность необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи не показанныхъ въ текстѣ размѣровъ зданія и снаружи; только она можетъ дать вѣроятность предположительнымъ вычисленіямъ ⁽²⁾. Главное различіе во внѣшнемъ измѣреніи сравнительно съ внутреннимъ происходило отъ пристроекъ, примыкавшихъ къ святилищу съ бо-

⁽¹⁾ Только полнымъ отсутствіемъ художественнаго чутья симметрии и пропорціональности можно объяснить противоположный взглядъ Langhans'a на этотъ счетъ. Handbuch d. bibl. Gesch. und Literatur. Bern. 1875. Thl 1. s. 129.

⁽²⁾ Пропорціональность и симметрія—необходимыя свойства архитектуры по самой природѣ этого искусства, и древняя архитектура несомнѣнно обладала этими свойствами. Если нѣкоторые архитектурные памятники древности кажутся не пропорціональными, то это отъ позднѣйшихъ пристроекъ, вызванныхъ побужденіями, не имѣющими ничего общаго съ чувствомъ изящнаго.

ковъ и сзади, и отъ притвора. Эти пристройки образовали собою три ряда комнатъ, одинъ надъ другимъ. Пространство отъ капитальной стѣны святилища до наружной стѣны пристройки въ нижнемъ этажѣ было въ 5 локтей, въ среднемъ—6 и въ верхнемъ—7 локтей. Такъ какъ сообразнѣе и съ требованіями красоты, и съ законами архитектуры, чтобы наружная стѣна пристроекъ была прямая, безъ уступовъ; то необходимо предположить, что стѣна святилища, имѣя въ верху, надъ пристройками, не менѣе 3 локтей толщины, къ низу расширялась, выступала наружу съ каждымъ этажомъ на одинъ локоть, такъ что при основаніи она имѣла 6 локтей толщины⁽¹⁾. Принимая во вниманіе все это, мы полагаемъ наружную длину зданія тамъ, гдѣ оно окружено пристройками, въ 90 локтей (3 л. наружная стѣна притвора, 10 л. глубина притвора, 3 л. стѣна между притворомъ и святилищемъ, 6 л. святилище и святое святыхъ, 6 л. задняя стѣна, передъ пристройкой, 5 л. ширина пристройки внутри и 3 л. наружная стѣна пристройки), т. е. около 20 саженой, а выше пристроекъ—въ 79 локтей (вычитаются 3 л. наружной стѣны пристройки, 5 л. ея ширины и 3 л. утолщенія стѣны святилища), или 17 саженой съ вершками⁽²⁾. Ширина зданія снизу должна была быть 48 локтей (20 л. внутренность святилища, 12 л. двѣ его стѣны, 10 л. ширина комнатъ въ пристройкахъ и 6 л. наружная стѣна пристроекъ), или 10 саженой съ лишкомъ; а надъ пристройками—26 локтей (20 л. внутренность и 6 л. стѣны), или 5 саженой 2 аршина. Для опре-

⁽¹⁾ Предположеніе, что уступами шла стѣна пристроекъ съ внутренней стороны, не имѣло бы архитектурнаго смысла. Гораздо естественнѣе было расширить высокую стѣну святилища для большаго ея устойчивости.

⁽²⁾ Keil ошибочно полагаетъ длину зданія въ низу въ 93 локтя. Ук. соч. стр. 55. Онъ забылъ, что стѣна святилища, примыкающая къ притвору, не могла имѣть утолщенія снизу на 3 локтя.

дѣленія вышины зданія мы полагаемъ, что полъ святилища лежалъ не въ уровень съ землею, а возвышался надъ нею не менѣе, какъ на 5 локтей, и что пространство, занятое потолкомъ и крышею съ ихъ укрѣпленіями, вмѣстѣ съ высотой балюстрады вокругъ крыши, тоже равнялось 5 локтямъ. Все это вмѣстѣ съ 30 локтями внутренней вышины давало 40 локтей снаружи, или 11 саженой. Вышина боковыхъ пристроекъ, имѣвшихъ 3 этажа по 5 локтей внутренней высоты, 3 потолка и основаніе пераго этажа, тоже возвышавшееся сколько-нибудь надъ землею,—несомнѣнно доходила до половины высоты святилища⁽¹⁾. Такимъ образомъ, центральною частію храма было продолговатое зданіе, длина котораго вдвое превосходила ширину, а вышина была только немного болѣе ширины, а на глазомѣръ, въ силу перспективы, вышина безъ сомнѣнія казалась совершенно равною ширинѣ⁽²⁾. Благодаря боковымъ пристройкамъ оно казалось состоящимъ изъ двухъ ярусовъ, изъ которыхъ нижній былъ вдвое шире верхняго; по вы-

⁽¹⁾ Keil опредѣляетъ вышину зданія въ 32 локтя, но при этомъ не принимаетъ въ расчетъ цоколя, существованіе котораго онъ не отвергаетъ. Ук. соч. стр. 59. Прибавка только 2 локтей отъ внутренней поверхности потолка до наружныхъ частей крыши намъ представляется недостаточною. При опредѣленіи вышины зданія мы руководствовались, кромѣ данныхъ текста, архитектурными обычаями и отчасти требованіями пропорціи. Ewald допускаетъ вышину даже во 120 локтей, но безъ достаточнаго основанія; ссылка на зданіе Зоровавеля въ 60 л. и на зданіе Ирода во 120 л. ничего не доказываетъ. Ук. соч. стр. 300. Ему просто не хотѣлось допустить, чтобы башня притвора, имѣвшая (по 2 Пар. 3, 4) 120 л. вышины, была выше самаго зданія. I. Флавій, правда, тоже даетъ 120 локтей. Ant. VIII. 3. 2. Но это, кажется, произвольное отождествленіе вышины Соломонова зданія съ Иродовымъ.

⁽²⁾ Это необходимое условіе красоты зданія. Зданіе производитъ впечатлѣніе, нарушающее чувство гармоніи, если его ширина слишкомъ велика въ сравненіи съ вышиной (оно тогда смотритъ какъ бы заборомъ) или если она слишкомъ мала (зданіе тогда имѣетъ видъ столба, не имѣющаго своей надлежащей вышины, или башни, которую почему-то не докончили).

пинѣ же они были равны. Въ общемъ оно представляло весьма простую, но изящную фигуру, которая не утомляла глазъ сложностію и разнообразіемъ, а ласкала его чистотою линій и простымъ сочетаніемъ ихъ. На передней его части, надъ притворомъ, устремлялась къ небу узкая стройная башня въ 80 локтей вышины (¹). Переднюю часть зданія украшали еще двѣ мѣдныя колонны, составлявшія чудо тогдашняго искусства. Онѣ отличались необыкновенно сложною и богатою отдѣлкой и составляли красивый контрастъ съ величавою простотою зданія, предъ которымъ стояли. Онѣ стояли передъ притворомъ, противъ правой и лѣвой стороны его, можетъ быть, по сторонамъ широкой лѣстницы, которая вела въ притворъ (²).

(¹) 2 Пар. 3, 4 «И притворъ, который передъ домомъ, длиною по ширинѣ дома, въ 20 локтей, а вышиною во 120. И обложилъ его внутри чистымъ золотомъ». Это не значитъ, конечно, что внутренность притвора имѣла 120 л. вышины, — это былъ бы какой-то ни съ чѣмъ несообразный колодець. . Вышина притвора собственно безъ сомнѣнія не превосходила вышину святилища, и на этомъ пространствѣ онъ могъ быть украшенъ внутри золотомъ. Что касается башни, то она внутри имѣла вѣроятно только лѣстницу. Писатель кн. Паралипоменонъ, говоря о притворѣ, очевидно опредѣлялъ его наружную вышину въ 40 л. вмѣстѣ съ вышиною башни надъ нимъ въ 80 л. Keil отвергаетъ существованіе башни надъ притворомъ, находя ее непропорціональною зданію, при чемъ онъ даетъ здѣсь послѣднему только 30 локт. вышины въ притворѣчїе съ тѣмъ, что говоритъ далѣе черезъ 4 страницы. Онъ находитъ даже ее невозможною въ архитектурномъ отношеніи по причинѣ будтобы узкости ея основанія. Но и эту узкость онъ фальшиво предполагаетъ на основаніи одного внутренняго измѣренія, умалчивая о толщинѣ стѣнъ, которая несомнѣнно увеличивала ширину основанія почти вдвое. При этомъ онъ напрасно предполагаетъ, что башня должна была имѣть такой же плоскій видъ, какъ и самый притворъ. Приводимые имъ примѣры готическихъ церквей ничего не говорятъ въ его пользу. Ук. соч. стр. 52.

(²) Ewald утверждаетъ, что колонны стояли не свободно, а въ самомъ притворѣ, поддерживая его потолокъ. Ук. соч. стр. 302. Онъ очевидно основывается на 3 Цар. 7, 19. Но все описаніе въ кн. Царствъ, ст. 15—22, очень темно; въ немъ видна какая-то двойственность. Можно подуматъ, что здѣсь упоминается мимоходомъ о какихъ-то другихъ

Колонны, пустыя внутри, при толщинѣ стѣнокъ въ 4 пальца (¹), имѣли 12 локтей въ окружности (около 2 аршиновъ съ половиною въ діаметрѣ) и 18 локтей вышины (²). Утвержденные на довольно высокихъ, вѣроятно каменныхъ пьедесталахъ, онѣ имѣли сверху мѣдныя капители въ 5 локтей вышины. Капители имѣли видъ лилій и по своей окружности были очень замысловато украшены. Онѣ были одѣты какими-то сѣтками и увѣшаны цѣпями и фигурами на подобіе гранатовыхъ яблоковъ числомъ до 200 на каждой. Все это было сдѣлано изъ мѣди (³). Библейское повѣствованіе съ нарочитою подробностію останавливается на описаніи этихъ колоннъ, какъ замѣчательныхъ созданій искусства (⁴). Онѣ очевидно имѣли даже особое символическое значеніе, потому что имѣли знаменательныя имена: правая называлась Тахинъ (онъ утвердилъ), лѣвая—Воазъ (въ немъ сила). Естественно предположить, что крѣпкіе мѣдныя столбы должны были знаменоватъ съ одной стороны прочность и долговѣчность священнаго сооруженія, предъ которымъ стояли, съ другой стороны—твердость и несокрушимость царства Іеговы среди Его народа... Другую часть храма составляли окружавшіе святилище дворы. Ихъ было во всякомъ случаѣ два: внутренній,

колоннахъ, которыя дѣйствительно стояли въ притворѣ. Между тѣмъ по описанію кн. Паралипоменонъ, 3, 15—17, краткому и ясному, не остается сомнѣнія, что колонны, о которыхъ у насъ рѣчь, стояли свободно. За это говорить и вышина ихъ въ 40 локтей, равная всей наружной вышинѣ святилища, потому что внутренняя вышина притвора, если онъ былъ не выше святилища, была только въ 30 локтей. Keil отстаиваетъ свободное положеніе колоннъ. Ук. соч. стр. 76.

(¹) Іер. 52, 24.

(²) 3 Цар. 7, 15. По 2 Пар. 3, 15 вышина колоннъ была 35 л. Вѣроятно въ кн. Цар. опредѣлена только длина мѣдныхъ столбовъ безъ пьедесталовъ и капителей.

(³) Іер. 52, 22.

(⁴) Описаніе ихъ повторяется въ 4 Цар. 25, 16. 17 и у пр. Іереміи, 52, 21—23.

около самого святилища, онъ же верхній или священнической, и внѣшній или великій дворъ для народа ⁽¹⁾. Можно догадываться, что, если не было еще третьяго двора, то во внѣшнемъ дворѣ была особенная часть, выдѣлявшаяся изъ остальныхъ его частей ⁽²⁾. Она примыкала непосредственно къ внутреннему двору и была мѣстомъ молитвеннаго собранія вѣрующихъ, позволяя имъ чрезъ невысокую загородку видѣть, чтò совершалось во внутреннемъ дворѣ. Остальная же часть внѣшняго двора, расположенная ниже, была занята жилищами священниковъ и левитовъ ⁽³⁾. Внутренній дворъ былъ огороженъ каменною стѣнкою съ кедровою балюстрадаю; внѣшній дворъ тоже очевидно былъ огороженъ, потому что имѣлъ ворота съ верями, обложенными мѣдью ⁽⁴⁾. Пространство дворовъ не обозначено; внутренний дворъ былъ, разумѣется, мною меньше внѣшняго. Наибольшее пространство того и другаго лежало несомнѣнно (какъ и въ дворахъ Моисеевой скинии) съ восточной стороны, предъ лицомъ святилища. Они расположены были не на одной плоскости, а возвышались одинъ надъ другимъ террасообразно и поэтому не закрывали центральное зданіе, а представляли собою величественный пьедесталъ для него. На внѣшнемъ, или великомъ дворѣ,

⁽¹⁾ 2 Пар. 4, 9; 7, 7; 3 Цар. 6, 36; 4 Цар. 21, 5; 23, 12; Іер. 36, 10.

⁽²⁾ «Въ тотъ же день освятилъ царь среднюю часть двора... потому что мѣдный жертвенникъ, который передъ Господомъ (т. е. во внутреннемъ дворѣ) былъ малъ для помѣщенія всесожженія». 3 Цар. 8, 64. «Освятилъ Соломонъ и внутреннюю часть двора... такъ какъ жертвенникъ мѣдный, сдѣланный Соломономъ, не могъ вмѣщать всесожженія». 2 Пар. 7, 7. На основаніи этихъ мѣстъ можно думать, что часть внѣшняго двора, непосредственно примыкавшая къ внутреннему, составляла особенное мѣсто, можетъ быть, и отгороженное. По отношенію къ внѣшнему двору оно—внутренняя часть, а по отношенію къ обоямъ дворамъ оно—средняя часть.

⁽³⁾ Іер. 35, 4; 36, 10.

⁽⁴⁾ 2 Пар. 4, 9.

прямо противъ святилища и мѣднаго жертвенника предъ нимъ, впереди помѣщенія для народа былъ построенъ изъ мѣди амвонъ въ 5 локтей длиною и шириною и въ 3 локтя вышиною ⁽¹⁾. Это—царское мѣсто при богослуженіи. Принадлежности открытаго всенароднаго богослуженія были сосредоточены на внутреннемъ дворѣ, или дворѣ священниковъ. Среди двора, противъ притвора былъ поставленъ большіхъ размѣровъ жертвенникъ, въ 20 локтей длиною и шириною и въ 10 локтей вышиною ⁽²⁾. Снаружи онъ былъ мѣдный, внутри же вѣроятно былъ наполненъ камнями или землей. Противъ юго-восточнаго угла святилища находилось „мѣдное море“ ⁽³⁾. Это была громадная чаша, вылитая изъ мѣди. Края ея сдѣланы были наподобіе распустившейся лиліи, а подъ краями по окружности вылиты были рельефныя изображенія огурцовъ, числомъ до 600. Она имѣла 10 локтей въ поперечникѣ и 5 локтей глубины. Подставкою ей служили 12 мѣдныхъ воловъ, обращенныхъ головами по 4 странамъ свѣта. Она вмѣщала въ себѣ 2000 батовъ воды ⁽⁴⁾ и предназначена была для омовеній священникамъ ⁽⁵⁾. По правую и по лѣвую сторону святилища расположено было 10 умывальницъ меньшаго размѣра, тоже мѣдныхъ, вмѣщавшихъ по 40 батовъ воды. Онѣ утверждались на особаго рода подставахъ, весьма замысловато сдѣланныхъ, украшенныхъ разными изваяніями (львовъ, воловъ, херувимовъ и вѣнковъ) и снабженныхъ колесами, такъ что умывальницы могли передвигаться съ мѣста на

⁽¹⁾ 2 Пар. 6, 13.

⁽²⁾ 6, 1.

⁽³⁾ 3 Цар. 7, 39.

⁽⁴⁾ 7, 23—26. По 2 Пар. 4, 5 «до 3000 батовъ». Можетъ быть въ кн. Цар. показано, сколько обыкновенно вливали, а въ кн. Пар.—сколько могло вмѣститься.

⁽⁵⁾ 2 Пар. 4, 6.

мѣсто, смотря по надобности ⁽¹⁾. Онѣ предназначены были для омовенія жертвъ ⁽²⁾. Во дворѣ же священниковъ находились и прочія вещи, нужныя при жертвоприношеніяхъ: котлы, лопатки, вилки, чаши и проч. Все это было сдѣлано изъ мѣди. Всѣ мѣдные предметы, начиная съ колоннъ, вылиты были Хирамъ-Авіемъ „въ окрестности Иордана, въ глинистой землѣ“ ⁽³⁾... Важнѣйшую часть храма составляло центральное зданіе — „домъ Господень“ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, — которое мы въ отличіе отъ храма въ обширнѣйшемъ смыслѣ назвали святилищемъ. Простое снаружи, оно внутри отдѣлано было съ неслыханнымъ богатствомъ. Внутренность его состояла изъ трехъ частей. Первая часть — притворъ, въ 20 локтей отъ юга къ сѣверу, въ 10 локтей отъ востока къ западу ⁽⁴⁾ и, вѣроятно, въ 30 локтей вышины ⁽⁵⁾; за нимъ слѣдовало святое мѣсто, святилище, въ 40 локтей длины, въ 20 ширины и въ 30 вышины ⁽⁶⁾; въ самой глубинѣ было святое святыхъ, или давиръ ⁽⁷⁾, въ 20 локтей по всѣмъ измѣреніямъ ⁽⁸⁾. Всѣ стѣны внутри бы-

⁽¹⁾ 3 Цар. 7, 27—39.

⁽²⁾ 2 Цар. 4, 6.

⁽³⁾ 4, 16. 17.

⁽⁴⁾ Зданіе передней своей стороной, съ которой былъ входъ въ него, было обращено къ востоку.

⁽⁵⁾ 2 Цар. 6, 3.

⁽⁶⁾ 6, 2. Сн. ст. 20.

⁽⁷⁾ Едва ли нужно подыскивать какое-либо другое значеніе этому слову, кромѣ того, которое дается значеніемъ слова דַּבִּיר — говорить. Во святомъ святыхъ стоялъ ковчегъ завѣта. Давши Моисею наставленіе объ устройствѣ ковчегъ завѣта, Іегова сказалъ: «тамъ (т. е., надъ ковчегомъ) Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою... Исх. 25, 22. На этомъ, конечно, основаніи въ Вульгатѣ евр. слово «давиръ» переведено: interior domus ogasculi и просто: ogasculum. 3 Цар. 6, 16. 19. На русскій языкъ слово «давиръ» можно бы было перевести словомъ: прорицалище, если бы употребленіе не утвердило за нимъ спеціальнаго значенія, заключающаго въ себѣ понятіе о мѣстахъ языческихъ ложныхъ предсказаній.

⁽⁸⁾ 6, 20.

ли обложены кедровымъ деревомъ; а полъ и, вѣроятно, потолокъ были кипарисовые. Во святомъ святыхъ потолокъ былъ тоже кедровый ⁽¹⁾. Внутренность притвора такъ же, вѣроятно, была обложена кедромъ, потому что была украшена позолотой ⁽²⁾. Неизвѣстно, куда пошли дорогіе камни и мраморъ, заготовленные еще Давидомъ и потомъ самимъ Соломономъ ⁽³⁾. Такъ какъ входъ въ притворъ со двора повидимому не имѣлъ дверей (объ нихъ не упомянуто), то можно думать, что онъ представлялъ собою арку, богато украшенную дорогими камнями. Вѣроятно, и карнизы главнаго зданія и боковыхъ пристроекъ тоже были обложены мраморомъ ⁽⁴⁾. Кедровая обшивка внутри была покрыта позолотой ⁽⁵⁾ и украшена рѣзбой, изображавшей продолговатые овальные плоды (подобія огурцевъ), распускающіеся цвѣты, листья пальмы и херувимовъ ⁽⁶⁾. Позолотой были украшены такъ же полъ, двери и пороги ⁽⁷⁾. Святое святыхъ отдѣлялось отъ святилища стѣною ⁽⁸⁾ (а не завѣсою, какъ въ скинии). Въ этой стѣнѣ была дверь изъ масличнаго дерева съ пятиугольными косяками. На половинкахъ дверей была такая же рѣзба, какъ и на стѣнахъ ⁽⁹⁾.

⁽¹⁾ 6, 15. 16. По «царствованію Соломона» въ Дух. Чт. 1873 г. кн. 1. стр. 181, святилище было обложено кедромъ и снаружи. Но это совсѣмъ невѣроятно, и на это нѣтъ указанія въ Библии. Во 2 Цар. 3, 3 говорится тоже о внутреннемъ украшеніи, — позолота по дереву на воздухѣ немыслима. Въ томъ же сочиненіи говорится, что зданіе снаружи было выложено блестящимъ бѣлымъ мраморомъ. Стр. 180. Зачѣмъ же этотъ блестящій мраморъ, если онъ былъ закрытъ досками?

⁽²⁾ 2 Цар. 3, 4.

⁽³⁾ 1 Цар. 29, 2; 3 Цар. 5, 17.

⁽⁴⁾ 2 Цар. 3, 6.

⁽⁵⁾ 3 Цар. 6, 21.

⁽⁶⁾ 6, 18. 29; 2 Цар. 3, 5. 7.

⁽⁷⁾ 3 Цар. 6, 30; 2 Цар. 3, 7. Изображенія фигуръ были и снаружи святилища. 2 Цар. 6, 29.

⁽⁸⁾ 3 Цар. 6, 16.

⁽⁹⁾ 6, 31. 32.

При этой двери имѣлась однако и завѣса, составленная изъ дорогихъ тканей разныхъ цвѣтовъ: яхонтоваго, пурпуроваго, багрянаго и чисто бѣлаго (виссона), съ изображеніемъ на ней херувимовъ ⁽¹⁾. Входъ изъ притвора въ святилище также имѣлъ дверь, изъ кипарисоваго дерева; косяки здѣсь были четырехугольные, изъ масличнаго дерева ⁽²⁾. Каждая половинка двери по длинѣ своей состояла изъ двухъ частей, подвижно навѣшенныхъ одна на другую ⁽³⁾, такъ что дверь могла растворяться двояко: во всю ширину, когда обѣ половинки отворялись сполна, и въ половину ширины, когда отгибались только части половинокъ, занимавшія средину двери ⁽⁴⁾. И у дверей во святое святыхъ, и у дверей въ святилище петли были изъ золота ⁽⁵⁾; самыя же двери повидимому были обложены очень массивными золотыми пластинками ⁽⁶⁾. По стѣнѣ, отдѣлявшей святое святыхъ отъ святилища были протянуты какимъ-то образомъ золотыя цѣпи ⁽⁷⁾. Съ особеннымъ богатствомъ было отдѣлано внутри святое святыхъ. Оно было одѣто „лучшимъ золотомъ на 600 талантовъ“; гвозди, употребленные при этомъ, были тоже золотые, вѣсомъ по 50 сиклей каждый. Прочія помѣщенія (горницы), примыкавшія къ святилищу, также были украшены золотомъ ⁽⁸⁾. Въ свя-

⁽¹⁾ 2 Пар. 3, 14.

⁽²⁾ 3 Цар. 6, 33. 34.

⁽³⁾ Ст. 34.

⁽⁴⁾ Keil отвергаетъ такое устройство двери и полагаетъ, что половинки дѣлились не по длинѣ, а поперекъ; такъ что дверь могла отворяться или во всю вышину, или только въ половину вышины. Ук. соч. стр. 62. Но онъ основываетъ свое сужденіе только на гипотетическомъ опредѣленіи ширины двери въ 4 локтя.

⁽⁵⁾ 7, 5.

⁽⁶⁾ Такъ только можно понимать выраженіе 2 Пар. 4, 22: «двери во св. святыхъ и двери въ святилище были изъ золота».

⁽⁷⁾ 3 Цар. 6, 21.

⁽⁸⁾ 2 Пар. 3, 8. 9. По умѣренному сравнительно опредѣленію вѣса еврейскаго таланта преосв. Филаретомъ, ук. соч. стр. 268 (срав. Бого-

тилищѣ помѣщались слѣдующіе предметы. Передъ входомъ во святое святыхъ стоялъ „золотой жертвенникъ“ для куреній. Внутри онъ былъ изъ кедроваго дерева, но снаружи весь обложенъ листьями изъ лучшаго золота ⁽¹⁾. По правую и по лѣвую сторону „предъ заднимъ отдѣленіемъ храма“, т. е., передъ святымъ святыхъ, стояли 10 свѣтильниковъ, по 5-ти съ каждой стороны ⁽²⁾. Она были изъ чистаго золота и, вѣроятно, имѣли форму семисвѣщника въ Моисеевой скинии ⁽³⁾, т. е. состояли изъ прямаго стержня, въ верхней части котораго изъ боковъ выходили 6 вѣтвей, по 3 со стороны, дугообразно загибаясь къ верху. Вѣтви были расположены въ одной плоскости. И стержень, и вѣтви были не гладкіе, но имѣли видъ стебля колѣнчатаго растенія: каждое колѣно заканчивалось утолщеніемъ въ видѣ яблока; на яблокѣ чашечка на подобіе миндалянаго цвѣтка; изъ цвѣтка выходило слѣдующее колѣно съ такой же вершиной, и т. д. На концахъ вѣтвей и на верхушкѣ стержня было 7 лампадъ. Для оправленія свѣтиленъ сдѣланы были золотые щипцы. Въ святилищѣ было еще 10 столовъ для ежедневнаго возложенія на нихъ 12-ти хлѣбовъ ⁽⁴⁾. Они тоже, вѣроятно, были изъ кедроваго дерева и обложены золотомъ ⁽⁵⁾. Какъ были разставлены столы и свѣтильники—опредѣлить трудно. Предполагаютъ, что столы стояли параллельно продольнымъ стѣнамъ святилища, а свѣтильники передъ ними ⁽⁶⁾, или же позади ихъ, близь стѣнъ ⁽⁷⁾. Но, имѣя

словскій, указ. соч. т. 2. стр. 11. Braselmann's Bibel-Atlas. 1878 г. стр. 23) 600 талантовъ равняются приблизительно 700 пудамъ. Каждый золотой гвоздь по этому же расчету вѣсилъ около $\frac{1}{4}$ фунта.

⁽¹⁾ 3 Цар. 6, 20. 22; 7, 48.

⁽²⁾ 7, 49.

⁽³⁾ Исх. 37, 17—23.

⁽⁴⁾ 2 Пар. 4, 8. 19.

⁽⁵⁾ 3 Цар. 7, 48.

⁽⁶⁾ Keil. Ук. соч. стр. 86—7.

⁽⁷⁾ Въ Braselmann's Bibel-Atlas, рисунокъ Hofacker'a.

въ виду выраженія: „и свѣтильники... предъ заднимъ отдѣленіемъ храма“ (1)... „И свѣтильники и лампы ихъ, чтобы возжигать ихъ по уставу передъ давиромъ“ (2),—и то обстоятельство, что въ скинии Моисеевой свѣтильникъ и столъ стояли передъ завѣсой независимо другъ отъ друга, одинъ на южной сторонѣ скинии, другой—на сѣверной (3),—можно думать, что и въ храмѣ Соломоновомъ свѣтильники стояли передъ давиромъ и не въ связи со столами. Повидимому они стояли по сторонамъ золотого жертвенника и обильно освѣщали богато украшенную стѣну и завѣсу святаго святыхъ. Лампады семисвѣщника въ скинии были устроены такъ, что свѣтили „на переднюю сторону его“ (4). Если Соломоновы свѣтильники были устроены такъ же, то они бросали свѣтъ главнымъ образомъ на тотъ предметъ, предъ которымъ поставлены, и такимъ образомъ все пространство святилища освѣщалось мягкимъ отраженнымъ свѣтомъ золотой стѣны давира. Можетъ быть кому-нибудь покажется, что 10 свѣтильниковъ въ рядъ не могли умѣститься противъ стѣны давира. На это мы замѣтимъ, что свѣтильники изъ сплошнаго золота не могли быть очень велики, и 15 локтей было достаточно, чтобы они установились въ рядъ (5). Что касается столовъ, то они конечно стояли по сѣверной и южной сторонѣ святилища; но каждый столъ стоялъ, надобно думать, не параллельно стѣнѣ, а перпендикулярно къ ней, такъ что онъ представлялся стоящимъ не передъ боковой стѣной, а передъ давиромъ, почему и священникъ,

(1) 3 Цар. 7, 49.

(2) 2 Пар. 4, 20.

(3) Исх. 26, 35.

(4) 25, 37. על-עבר פניו на сторону передъ нимъ, или: впереди его.

(5) Семисвѣщникъ скинии былъ сдѣланъ изъ таланта золота, Исх. 25, 39, т. е., изъ пуда съ нѣсколькими фунтами. Масса золота въ пудъ—не очень большая масса. Вѣроятно семисвѣщникъ былъ не больше обыкновеннаго столоваго канделябра.

подходившій къ нему для возложенія хлѣбовъ, стоялъ лицомъ къ давиру, и возлагаемое на столъ являлось возложеннымъ передъ давиромъ (1). Въ святомъ святыхъ находились только величайшія святыни Израиля, перенесенныя сюда изъ святаго святыхъ скинии Моисеевой. На самой срединѣ его стоялъ ковчегъ завѣта вмѣстѣ со стягами, на которыхъ онъ переносился. Въ ковчегѣ находились двѣ каменные скрижали, положенныя туда самимъ Моисеемъ. Золотой сосудъ съ манною и жезлъ Аароновъ расцвѣтшій находились подлѣ ковчега (2). Вѣроятно въ соотвѣтствіе увеличенному пространству святаго святыхъ (сравнительно съ величиной его въ скинии) Соломонъ въ добавленіе къ херувимамъ на крышкѣ ковчега поставилъ по сторонамъ ковчега еще двѣ колоссальныя фигуры херувимовъ, въ 10 локтей (2 сажени) вышиною. Онѣ были изъ маслячнаго дерева и покрыты золотомъ. Лицами своими они стояли другъ къ другу и къ ковчегу, крылья же ихъ, въ 5 локтей длины каждое, были распростерты такъ, что одно изъ крыльевъ каждаго херувима касалось стѣны (одно—сѣверной, другое—южной) святаго святыхъ, а другія ихъ крылья сходились другъ съ другомъ надъ ковчегомъ (3).

(1) Предполагаемое размѣщеніе предметовъ въ святилищѣ мы основываемъ на томъ между прочимъ соображеніи, что важнѣйшую часть святилища составлялъ давиръ, и слѣдовательно все въ святилищѣ должно было имѣть отношеніе къ нему, все было обращено къ нему.

(2) 3 Цар. 8, 9. Исх. 16, 34. Числ. 17, 7. Когда-нибудь въ послѣдствіи и сосудъ съ манною, и жезлъ Аароновъ были положены въ самый ковчегъ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи Евр. 9, 4.

(3) 3 Цар. 6, 23—28. Кей полагаетъ, что херувимы были обращены лицомъ къ святилищу. Ук. соч. стр. 60. Но выраженіе, 2 Пар. 3, 13 «они стояли... лицами своими къ храму», во нашему мнѣнію не уполномочиваетъ къ такому представленію. Имя въ виду выраженіе, 3 Цар. 6, 27 «другія же крылья ихъ среди храма сходились крыло съ крыломъ»—мы думаемъ, что выраженіе ки. Нагалипоменонъ указываетъ только на то, что лица херувимовъ были обращены не къ наружной которой-либо стѣнѣ святаго святыхъ, а къ внутренней его части. Положеніе херувимовъ на крышкѣ ковчега должно было опредѣлять и

Здѣсь, между этими херувимами и мыслилось присутствіе невидимаго и неизобразимаго Обитателя храма.— Изъ представленнаго описанія храма Соломонова видно, что собственно центральное зданіе его было довольно скромныхъ размѣровъ (съ обыкновенный кафедральный соборъ въ губернскомъ городѣ). Но въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; потому что святилище евреевъ было не то, что, напр., наши христіанскіе храмы,—оно не должно было вмѣщать въ себѣ многочисленное собраніе вѣрующихъ, а было только жилищемъ Іеговы. Вѣрующіе собирались передъ лицомъ святилища, въ обширный дворъ, окружавшій его. Зданіе Соломона поражало не величиной, а своимъ изяществомъ, а также безпримѣрнымъ богатствомъ украшеній и всей внутренней обстановки. Оно представляло гармоническое соединеніе такой массы всего драгоценнаго, какой еще нигдѣ не могъ видѣть еврей, и невольно для него въ этомъ чувственномъ образѣ славы понималась и ощущалась незримая слава Іеговы, Царя вселенной. Правда по своимъ размѣрамъ, даже съ окружавшими дворами и постройками, храмъ Соломоновъ далеко уступалъ многимъ языческимъ храмамъ древности, напр., египетскимъ, развалины которыхъ скорѣе похожи на развалины цѣлыхъ городовъ. Но если мы вспомнимъ, что храмъ Соломоновъ былъ построенъ на горѣ, что вся вершина этой горы, искусно обдѣланная и укрѣпленная исполинскими каменными постройками, имѣла видъ тоже какъ бы зданія, надъ которымъ какъ вѣнецъ возвышалась изящная фигура святилища съ его стройною (можетъ быть, мраморною) башнею, съ величественными мѣдными колоннами предъ притворомъ и съ балюстрадами дво-

положеніе херувимовъ, устроенныхъ Соломономъ. Исх. 25, 20. Это положеніе, сходное въ главномъ съ предполагаемымъ нами положеніемъ Соломоновыхъ херувимовъ, представляетъ болѣе выразительную и изящную группу, чѣмъ предполагаемое Keil'емъ прямое стояніе херувимовъ съ растянутыми обыкновеннымъ образомъ крыльями.

ровъ, террасообразно опоясывавшихъ его подножіе.— то должны будемъ признать, что и храмъ Соломоновъ имѣлъ могущественный, поразительный видъ ⁽¹⁾.

Когда храмъ былъ совсѣмъ готовъ, Соломонъ созвалъ въ Іерусалимъ къ седьмому мѣсяцу (священному у евреевъ) ⁽²⁾ старѣйшинъ израилевыхъ, начальниковъ колѣнъ и главъ родовъ. Началось торжество перенесенія ковчега изъ Давидовой скинии и освященія храма ⁽³⁾. Самъ царь шелъ впереди представителей отъ

⁽¹⁾ Жалкое невѣжество и преступное глумленіе звучитъ въ презрительныхъ отзывахъ о храмѣ Соломоновомъ Вольтера и Юг. Дав. Михаэлиса, изъ которыхъ первый говорилъ, что онъ не знаетъ во всемъ древнемъ мірѣ ни одного общественнаго зданія и ни одного храма, который бы былъ такъ малъ, какъ Соломоновъ,—а второй похваляется, что его домъ въ Гёттингенѣ больше, чѣмъ прославленный храмъ Бога Израилева въ Іерусалимѣ. У Hengstenberg'a ук соч. стр. 144. Такъ же близоруко судить о храмѣ Соломоновомъ и Reuss. Gesch. d. heilig. Schriften Alt. Testam. Braunschweig. 1882. s. 196.

⁽²⁾ Первый день седьмаго мѣсяца праздновался торжественнѣе, чѣмъ остальные новомѣсячія; въ десятый и пятнадцатый день были великіе праздники. Числ. 29, 1—12. Когда наступалъ юбилей, онъ провозглашался въ седьмомъ мѣсяцѣ. Лев. 23, 8, 10. Онъ соответствуетъ второй половинѣ октября и первой—ноября. Къ этому времени въ Палестинѣ кончаются всѣ лѣтнія земледѣльческія работы.

⁽³⁾ Keil полагаетъ, что освященіе храма произошло не черезъ 7 лѣтъ послѣ начала постройки, а чрезъ 20 лѣтъ, когда Соломонъ окончилъ и постройку своего дворца. Онъ думаетъ, что 7 лѣтъ продолжались только наружныя постройки; внутреннее же убранство шло одновременно съ построеніемъ дворца и продолжалось еще 13 лѣтъ. Основаніе къ такому заключенію онъ находитъ въ томъ, что по кн. Царствъ разсказъ о построеніи дворца вставленъ между описаніемъ наружныхъ построекъ храма и описаніемъ разныхъ предметовъ для храма, вылитыхъ изъ металла, а также въ 1—3 стихахъ гл. 9-й. Ук. соч. стр. 88—9. Но по мѣсту разсказа о событіи въ текстѣ далеко не всегда можно судить о дѣйствительной послѣдовательности событій. Если здѣсь, напр., буквально слѣдовать тексту, то придется признать, что работы для храма очень надолго были совсѣмъ прерваны, и приготовленіе предметовъ изъ металла началось уже тогда, когда дворецъ Соломона былъ совсѣмъ отстроенъ. Однако самъ Keil повидимому не предполагаетъ этого. Трудно предположить, чтобы Соломонъ, послѣ того какъ совершены были главныя и труднѣйшія работы по обдѣлкѣ горы, по возведенію зданія и

народа, принося на пути безчисленные жертвы. Шествіе замыкали священники и левиты съ ковчегомъ и другими частями скинии. Когда при согласномъ пѣніи и могучемъ звукѣ трубъ и кимваловъ ковчегъ былъ поставленъ на свое мѣсто, подъ крылья херувимовъ, и жилище Іеговы было такимъ образомъ со всѣми своими принадлежностями, — послѣдовало внушительное знаменіе, удостовѣрившее въ божественномъ благоволеніи къ новому храму: густое облако наполнило святилище и привело всѣхъ въ благоговѣйный трепетъ. Соломонъ палъ на колѣни, воздѣлъ руки къ небу и произнесъ молитву, въ которой хотя и не было той теплоты чувства и живости образовъ, какими отличались молитвы Давида, зато видно глубокое и чистое пониманіе откровеннаго ученія о Богѣ Самомъ въ Себѣ и въ Его отношеніяхъ къ человѣку. „Господи Боже Израилевъ! — взывалъ Соломонъ, нѣтъ подобнаго Тебѣ Бога на небесахъ вверху и на землѣ внизу; Ты хранишь завѣтъ и милость къ рабамъ Твоимъ, ходящимъ предъ Тобою всѣмъ сердцемъ своимъ... Поистинѣ, Богу ли жить на землѣ? Небо и небо небесъ

убранству его стѣнъ — растянулъ на 13 лѣтъ приготовленіе только двухъ колоннъ, умывальницъ, столовъ, свѣтильниковъ и прочихъ уже совсѣмъ мелкихъ предметовъ. Такое промедленіе представлялось бы просто непостытельнымъ. Что касается 3 Цар. 9, 1. ., гдѣ второе явленіе Бога Соломону, бывшее несомнѣнно по окончаніи постройки и дворца, представляется какъ бы отвѣтнымъ на молитву Соломона при освященіи храма, то объ этомъ можно замѣтить слѣдующее. Выраженіе: «Я услышалъ молитву твою» — молитву при освященіи храма — можетъ и не указывать на то, что откровеніе послѣдовало вскорѣ за молитвою. Божественное благоволеніе и къ храму, и къ молитвѣ Соломоновой выразилось тотчасъ же въ знаменіяхъ — въ густомъ облакѣ, осѣнившемъ святилище и въ огнѣ съ неба, попавшемъ жертву. Теперешнее же откровеніе, несомнѣнно грозное во второй своей части, могло послѣдовать и долго спустя по освященіи храма. Имѣя въ виду заключающееся въ немъ Божественное прещеніе, мы думаемъ, что оно послѣдовало тогда, когда Соломонъ сталъ уже обнаруживать признаки увлеченія суетою міра сего. Мы увидимъ ниже, какъ и когда послѣднее произошло.

не вмѣщаютъ Тебя; тѣмъ менѣе сей храмъ, который я построилъ... Да будутъ очи Твои обращены на домъ сей день и ночь, на мѣсто, о которомъ Ты сказалъ: Мое имя будетъ тамъ... Когда кто согрѣшитъ противъ ближняго своего, и прійдутъ они предъ жертвенникъ Твой, въ храмъ сей; тогда Ты услышь съ неба и произведи судъ надъ рабами Твоими... Если будетъ на землѣ голодъ или моровая язва, или палящій вѣтеръ... будетъ ли какое бѣдствіе или болѣзнь — при всякой молитвѣ, при всякомъ прошеніи, какое будетъ отъ какого-либо человѣка бо всемъ народѣ Твоемъ, когда они почувствуютъ бѣдствіе въ сердцѣ своемъ и прострутъ руки свои къ храму сему, Ты услышь съ неба, съ мѣста (т. е., настоящаго) обитанія Твоего и помилуй... Если иноплеменникъ, который не отъ Твоего народа, прійдетъ изъ земли далекой ради имени Твоего... и помолится у храма сего; услышь съ неба, мѣста обитанія Твоего, и сдѣлай все, о чемъ будетъ взывать къ Тебѣ иноплеменникъ, чтобы всѣ народы земли знали имя Твое... Когда люди Твои согрѣшатъ предъ Тобою — ибо нѣтъ человѣка, который не грѣшилъ бы — и Ты прогнѣваешься на нихъ и предашь ихъ врагамъ, и плѣнившіе ихъ отведутъ ихъ въ непріятельскую землю, и когда они обратятся и будутъ молиться Тебѣ въ землѣ плѣнившихъ ихъ... обратившись къ землѣ своей и къ храму, который я построилъ имени Твоему, тогда услышь съ неба, съ мѣста обитанія Твоего, молитву ихъ и сдѣлай, что потребно для нихъ... Боже мой! да будутъ очи Твои отверсты и уши Твои внимательны къ молитвѣ на мѣстѣ семъ... не отврати лица помазанника Твоего, помяни милости къ Давиду, рабу Твоему“ (*). По окончаніи этой молитвы „сошелъ огонь съ неба и поглотилъ всесоженіе и жертвы“ (**). Со-

(*): 3 Цар. 8, *23—53; 2 Пар. 6, 4—42.

(**): 2 Пар. 7, 1.

ломонъ произнесъ торжественное благословеніе на народъ и завершилъ обрядъ освященія храма поразительнымъ количествомъ жертвъ: 22000 воловъ и 120000 овецъ были принесены въ жертву. Послѣдовалъ всенародный праздникъ, продолжавшійся 14 дней. Такъ выполнилъ Соломонъ завѣщаніе Давида о построеніи храма Іеговъ. Видъ богослуженія и порядки въ средѣ священниковъ и левитовъ остались тѣ самые, которые существовали искони и затѣмъ устроены наилучшимъ образомъ Давидомъ. На долю Соломона выпало устроить блестящую матеріальную обстановку богослуженія. Хотя заслуга Соломона и не кажется на первый взглядъ существенною, однако построеніе храма имѣло безспорное и высокое значеніе въ исторіи духовнаго развитія евреевъ. Храмъ Соломоновъ былъ видимымъ воплощеніемъ того подъема національно-государственнаго и религіознаго духа, который обнаружился въ царствованіе Давида, столь богатое событіями и дѣяніями, приводившими въ движеніе народную жизнь въ самыхъ внутреннихъ ея основахъ. Сознаніе національнаго единства и могущества и живая потребность излить благодарность Богу - Создателю и возвеличить Его предъ глазами иноплеменниковъ, не признававшихъ Его, выразились въ стремленіи возвысить и украсить центръ народной жизни, политической и религіозной. Это стремленіе осуществилъ Соломонъ построеніемъ монумента — храма. Обязанный своимъ происхожденіемъ подъему національно-религіознаго духа евреевъ, монументъ этотъ сталъ затѣмъ уже точкою опоры для этого подъема на будущее время. Изъ всѣхъ дѣяній Соломона (кроме написанія ~~нѣ~~ трехъ богодухновенныхъ книгъ) построеніе храма было самое плодотворное и по своимъ результатамъ самое долговѣчное. Хотя стѣны храма были и разрушены Навуходносоромъ, но нравственнаго вліянія его на религіозное сознаніе народа не могли уничтожить никакіе халдеи. Рационалисты утверждаютъ, что храмъ, построенный Соломономъ,

имѣлъ языческій обликъ. „Храмъ былъ построенъ финикійскими мастерами, говоритъ Берто, и очевидно по финикійскимъ образцамъ, хотя съ соблюденіемъ основныхъ чертъ древней Моисеевой скиніи“ (1). Чувствуя однако неочевидность своей мысли, авторъ старается подкрѣпить ее такими соображеніями: народъ имѣлъ свои высоты, т. е., въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ части былъ совершенно (!) преданъ идолопоклонству. Соломонъ былъ богатый роскошный царь, прославленный мудрецъ, мудрѣйшій мужъ своего времени; но онъ стоялъ несомнѣнно на уровнѣ своего времени и своего образованія. Чувство простой религіи Іеговы было чуждо царю, любившему пышность, искусства и ученость, который, заслуживъ удивленіе всѣхъ окрестныхъ народовъ, показалъ себя великимъ и славнымъ именно въ томъ, въ чемъ могли являться величіе и блескъ по мнѣнію образованныхъ народовъ передней Азіи, который поддерживалъ сношенія съ другими народами въ ущербъ самобытности Израиля, который повидимому болѣе заботился о потребностяхъ народовъ, привлекаемыхъ въ Палестину торговлею, чѣмъ о чистотѣ и священной обособленности Моисеева общества вѣрующихъ, который хотя и построилъ храмъ въ Іерусалимѣ, но тамъ же приготовилъ мѣста для поклоненія богамъ моавитскимъ и аммонитскимъ и даже самъ былъ преданъ идолослуженію хананейскому и другимъ (2)... Нужно ли объяснять, что всѣ эти общія разсужденія нисколько не убѣдительны въ смыслѣ доказательства языческой конструкціи храма Соломонова? Мы не можемъ понять, при чемъ тутъ нѣкоторая часть народа, преданная будто бы совершенно идолопоклонству. Если отъ кого зависѣлъ видъ храма, такъ это прежде всего отъ Соломона, потомъ отъ первосвященника и, можетъ быть, отъ нѣкто-

(1) Zur Geschichte der Israeliten. s. 322.

(2) Тамъ же.

рыхъ другихъ, близкихъ Соломону въ первое время, лицъ, чтившихъ память Давида и не имѣвшихъ ничего общаго съ частью народа, самымъ своимъ идолопоклонствомъ протестовавшею противъ религіозной централизаціи, задуманной Давидомъ. Что же касается самого Соломона, то, имѣя хотя нѣкоторое уваженіе къ даннымъ библейскаго текста, нельзя по тому настроенію Соломона, которое воспробладало въ немъ во вторую половину царствованія, рѣшительно судить о дѣяніяхъ первой половины царствованія. Берто смѣшиваетъ Соломона первыхъ лѣтъ съ Соломономъ послѣднихъ лѣтъ. Однако разница между тѣмъ и другимъ Соломономъ, хотя и не столь рѣзкая, какою она представляется у нѣкоторыхъ писателей, несомнѣнно существовала, и ее не слѣдуетъ опускать изъ вниманія тому, кто рѣшается произнести приговоръ о дѣлахъ Соломона въ началѣ или въ концѣ царствованія. Эйзенлоръ указываетъ на сходство рѣзныхъ и литыхъ украшеній храма (пальмы, цвѣты, львы и проч.) съ украшеніями ассирійскихъ построекъ, а также на сходство общаго вида храма Соломонова съ видомъ храма Венеры на островѣ Пафосѣ, имѣвшемъ финикійское населеніе ⁽¹⁾. Нѣкоторыхъ соблазняютъ колонны передъ притворомъ, которыя имъ кажутся языческими столбами въ честь солнца ⁽²⁾. Людямъ часто кажется то, что они хотятъ видѣть. Въ опроверженіе преувеличеннаго представленія объ архитектурной зависимости храма Соломонова отъ финикійско-языческаго искусства мы приведемъ основательное разсужденіе Мэрца объ этомъ предметѣ. „Изъ того, что Соломонъ выпросилъ у царя Хирама искуснаго мастера, говоритъ онъ, хотятъ заключать, будто весь храмъ и по плану, и по исполненію былъ произведеніемъ финикійскаго искусства. Однако съ

⁽¹⁾ Указ. соч. стр. 75.

⁽²⁾ Langhans. Ук. соч. ч. 1. стр. 129.

точки зрѣнія исторіи искусства этого нельзя доказать. Если библейское повѣствованіе производитъ планъ (храма) въ цѣломъ и частностяхъ отъ Бога, то и храмъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ явиться по своему духу чисто-еврейскимъ. Въ самомъ дѣлѣ Соломонъ выпросилъ у Хирама вовсе не архитектора, а только искуснаго въ пластикѣ мастера, который умѣлъ бы выполнить всякія издѣлія изъ металла, дерева и тканей — „все, что будетъ поручено ему“. 2 Пар. 2, 14. Задача Хирама состояла такимъ образомъ не въ художественномъ изобрѣтеніи, а только въ механическомъ исполненіи по предложеннымъ ему идеямъ и планамъ. Въ 3 Цар. 7, 14 Хирамъ обозначается преимущественно какъ мастеръ литейнаго дѣла. Строителемъ онъ нигдѣ не названъ. Поэтому ложно сказанное Винеромъ: существенное участіе въ построеніи храма имѣли иностранные, именно финикійскіе мастера; слѣдовательно нужно думать, что храмъ этотъ по плану и исполненію имѣлъ сходство съ финикійскими храмами“ ⁽¹⁾. Далѣе названный нами писатель справедливо обращаетъ вниманіе на то, что планъ храма составленъ Давидомъ, который никакимъ образомъ не могъ руководствоваться иностранными образцами. Сходству съ храмомъ Венеры на Пафосѣ онъ не придаетъ никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ означать сходство въ томъ или другомъ отношеніи между храмомъ Соломона и какимъ-нибудь языческимъ сооруженіемъ. — ужели непременно подражаніе, заимствованіе? Если язычникамъ нравился листъ пальмы, и они изображеніемъ его пользовались для украшенія своихъ религіозныхъ сооружений, то неужели онъ не могъ понравиться и еврею? И неужели, если онъ употребилъ фигуру пальмы на украшеніе своего храма, то уже непременно подражалъ языческимъ храмамъ? Если величествен-

⁽¹⁾ Real-Encykl. Herzog. Art. Tempel zu Jerusalem.

ная колонна служить вообще украшеніемъ зданія и даже можетъ быть выразительнымъ символомъ какой-нибудь идеи, то ужели необходимо думать, что еврей поставившій колонны предъ своимъ храмомъ, подражалъ язычникамъ, ставившимъ столбы въ честь солнца?.. Допустимъ, что храмъ Соломоновъ въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ напоминалъ языческіе храмы. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что и изъ нѣкотораго сходства законнаго еврейскаго богослуженія съ богослуженіемъ языческимъ, т. е., что и еврей, и язычникъ, какъ люди, не могли не имѣть чего-либо общаго въ формѣ обнаруженія своихъ чувствъ по отношенію къ Высочайшему Существу, что и еврей, имѣя правильное представленіе о Богѣ, нуждался въ воплощеніи идеальнаго въ извѣстныхъ чувственныхъ формахъ, сообразно съ своимъ плотскимъ состояніемъ, и язычникъ, искажившій представленіе о Богѣ, но не забывшій Его, удержалъ въ обихѣ чертахъ тѣже формы воплощенія идеальнаго въ чувственныхъ образахъ. Итакъ нѣкоторое сходство храма Соломонова съ какимъ-либо языческимъ храмомъ (хотя бы съ храмомъ Венеры на Пафосѣ) еще не указываетъ на какую-нибудь языческую тенденцію при его построеніи. Правда, древняя архитектура и пластика развились главнымъ образомъ изъ религіозныхъ построекъ, и въ области этихъ искусствъ были предметы, которые повидимому невозможно было и представить отдѣльно отъ какой-нибудь языческой религіозной идеи, съ ними связанной; но правда и то, что съ однимъ и тѣмъ же предметомъ могутъ быть соединяемы весьма различныя представленія, — напр., язычникъ-римлянинъ представлялъ крестъ только орудіемъ позорной казни, а для христіанъ онъ сталъ символомъ безпредѣльной любви и искупленія. Язычники дѣлали ящички, чтобы носить въ нихъ своихъ боговъ, и у евреевъ былъ ковчегъ, чтобы носить въ немъ скрижали заповѣдей. слѣдуетъ ли отсюда, что

ковчегъ завѣта заключалъ въ себѣ языческую идею (1)? Соломонъ украсилъ входъ въ святилище двумя мѣдными колоннами, и язычники ставили столбы въ честь солнца. слѣдуетъ ли заключать, что мѣдныя колонны были поставлены тоже въ честь солнца? Не думаемъ. Соломонъ впоследствии обнаружилъ холодность къ отечественной религіи, но храмъ онъ строилъ въ то время, когда „возлюбилъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего“, и когда Богъ просвѣтилъ его особенною мудростію, которую онъ не скоро утратилъ.

Когда Соломонъ кончилъ трудное и славное дѣло построенія храма, въ продолженіе котораго его мысли были направлены главнымъ образомъ на предметы религіознаго свойства, онъ обратилъ свою дѣятельность повидимому всецѣло на матеріально-житейскіе интересы: на украшеніе своей собственной домашней обстановки, на возвышеніе блеска своего трона и царства и на изобрѣтеніе средствъ къ тому. Въ этой, болѣе средней его натурѣ области онъ во всемъ блескѣ развернулъ силу своего генія, собственно мало парившаго къ небу и удовлетворявшагося господствомъ надъ землею съ ея матеріальными благами. Увлекаясь мало-помалу суетнымъ блескомъ и гоняясь за пріобрѣтеніемъ средствъ для этого блеска, Соломонъ постепенно утрачивалъ то возвышенное настроеніе духа, которое господствовало въ немъ со времени гаваонскаго жертвоприношенія, достигло наивысшей степени въ торжественный моментъ освященія храма и, вѣроятно, еще продолжалось нѣсколько лѣтъ послѣ того. Пріобрѣтая себѣ міровую славу мудрѣйшаго изъ людей, могущественнѣйшаго владыки и обладателя несмѣтныхъ сокровищъ, онъ дальше и дальше уклонялся отъ того

(1) Alm старается кого-то убѣдить, что въ ковчегѣ заключались не скрижали заповѣдей, а идолъ, которому поклонялись будтобы евреи. Theolog. Briefe. 4 B. s. 550. Воображеніе этого автора, когда онъ старается придумать что-либо противорѣчивое прямымъ даннымъ Библии, до того необузданно, что и утверженіе и отрицаніе имъ чего-либо часто не заслуживаетъ никакого опроверженія.

образа царя, который начерталъ боговдохновенный законодатель еврейскаго народа (1). Сначала истинно мудрый и употреблявшій свою мудрость на благо подданныхъ, какъ справедливый и проникательный судія, какъ искусный кормчій государственнаго корабля, и въ назиданіе всему свѣту, какъ творецъ многочисленныхъ мудрыхъ изрѣченій, — впоследствии онъ повидимому обнаружилъ склонность размѣнивать тяжеловѣсный талантъ своей мудрости на мелкую монету остроумія; въ которомъ любилъ состязаться ради одной славы. Сначала благодѣтельная твердость его самодержавной власти едѣлалась мало-по-малу гнетущею и возбуждающею недовольство въ подданныхъ; безмѣрное же скопленіе богатства повело къ безмѣрному развитію роскоши и къ несогласной съ духомъ закона погонѣ за приобрѣтеніемъ богатства посредствомъ торговли... Но обратимся къ фактамъ, изъ которыхъ одни говорятъ о безспорномъ величіи Соломона, а другіе уже указываютъ на ту наклонную плоскость, по которой онъ шелъ къ своему паденію. Тѣ же рабочія силы, которыя трудились надъ созданіемъ храма, Соломонъ немедленно употребилъ на созданіе собственныхъ палатъ, достойныхъ его царскаго величія. Домъ, въ которомъ жилъ Давидъ на Сіонѣ, былъ хотя и кедровый, и Давидъ совѣстился, что онъ слишкомъ хорошъ въ сравненіи съ жилищемъ Іеговы въ его время, однако Соломонъ уже не могъ удовлетвориться имъ. Кромѣ того домъ Давидовъ да, вѣроятно, и самый Сіонъ были неудобны для Соломона и въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи. Писатель кн. Паралипоменонъ замѣчаетъ: „а дочь фараонову (т. е.; свою жену) перевелъ Соломонъ изъ города Давидова въ домъ, который построилъ для ней; потому что, говорилъ онъ, не должна жить женщина у меня въ домѣ Давида, царя Израилева; ибо святъ онъ, такъ какъ вошелъ въ него ковчегъ Госпо-

(1) Втор. 17, 15—20.

день“ (1). Это признаніе въ устахъ самого Соломона показываетъ во-первыхъ, что Соломонъ самъ признавалъ незаконность своего брака съ дочерью фараона, во-вторыхъ — что дочь фараонова, ставши и женою Соломона, осталась язычницею, имѣла при себѣ своихъ боговъ и служила имъ по обрядамъ своей религіи (2). Этимъ только и можно объяснить, что Соломону какъ бы совѣстно было утвердить свое жилище на священномъ Сіонѣ, резиденціи богобоязненнаго Давида. Жизнь его уже слагалась по иному образцу, далеко несоизмѣрному съ тѣмъ, какой былъ начертанъ закономъ для еврейскаго царя. Чтобы облачить

(1) 2 Пар. 8, 11.

(2) Кей предполагаетъ, что она оставила язычество. Основаніе къ этому онъ находитъ въ томъ, что Соломонъ въ первые годы своего царствованія былъ будто бы безусловно преданъ Іеговѣ, что у евреевъ не было никакихъ слѣдовъ египетскаго идолослуженія и что дочь фараона ясно отличается отъ иноземныхъ женщинъ, которыя увлекли Соломона въ его старости къ идолослуженію. Ук. соч. стр. 80. Основанія эти намъ не представляются вѣскими. Мы видѣли, что о высокомъ благочестіи Соломона въ первые два-три года его царствованія говорить трудно. Притомъ Соломонъ, даже и не имѣя еще самъ ни малѣйшей склонности къ язычеству, могъ позволить себѣ вступить въ бракъ съ дочерью фараона и по политическимъ расчетамъ не ставить это въ зависимость отъ перемѣны ея вѣры. Отсутствие египетскаго идолослуженія у евреевъ ровно ничего не доказываетъ, — не думаетъ же Кей, что такое или другое идолослуженіе распространялось у евреевъ только черезъ женъ Соломоновыхъ. Ничего не значить и то обстоятельство, что дочь фараонова не была въ числѣ тѣхъ женщинъ, которыя увлекли Соломона къ идолопоклонству. Соломона очевидно увлекали женщины молодого, а дочь фараонова въ то время была уже далеко не молодою. На южной вершинѣ горы Масляной de Saulcy нашелъ каменное сооруженіе, которое онъ считаетъ идольскимъ храмомъ, построеннымъ съ соизволенія Соломона. Онъ находитъ въ немъ поразительное сходство съ подобными же египетскими сооружениями и думаетъ, что здѣсь существовала свѣихъ боговъ жена Соломонова, дочь египетскаго царя. Histoire de l'art judaïque. Paris. 1864, ed. 2. p. 217—222. Хотя и не видно, чтобы самъ Соломонъ увлекался египетскимъ идолослуженіемъ, однако, покровительствуя религіямъ нѣкоторыхъ женъ-язычницъ, онъ вѣроятно не могъ не позволить и дочери фараоновой служить своимъ богамъ, какъ ей хотѣлось.

образа царя, который начерталъ боговдохновенный законодатель еврейскаго народа ⁽¹⁾. Сначала истинно мудрый и употреблявшій свою мудрость на благо подданныхъ, какъ справедливый и проникательный судія, какъ искусный кормчій государственнаго корабля, и въ назиданіе всему свѣту, какъ творецъ многочисленныхъ мудрыхъ изрѣченій, — впоследствии онъ повидимому обнаружилъ склонность размѣнивать тяжеловѣсный талантъ своей мудрости на мелкую монету остроумія, въ которомъ любилъ состязаться ради одной славы. Сначала благодѣтельная твердость его самодержавной власти сдѣлалась мало-по-малу гнетущею и возбуждающею недовольство въ подданныхъ; безмѣрное же скопленіе богатства повело къ безмѣрному развитію роскоши и къ несогласной съ духомъ закона погонѣ за приобрѣтеніемъ богатства посредствомъ торговли... Но обратимся къ фактамъ, изъ которыхъ одни говорятъ о безспорномъ величій Соломона, а другіе уже указываютъ на ту наклонную плоскость, по которой онъ шелъ къ своему паденію. Тѣ же рабочія силы, которыя трудились надъ созданіемъ храма, Соломонъ немедленно употребилъ на созданіе собственныхъ палатъ, достойныхъ его царскаго величія. Домъ, въ которомъ жилъ Давидъ на Сіонѣ, былъ хотя и кедровый, и Давидъ совѣстился, что онъ слишкомъ хорошъ въ сравненіи съ жилищемъ Іеговы въ его время, однако Соломонъ уже не могъ удовлетвориться имъ. Кромѣ того домъ Давидовъ да, вѣроятно, и самый Сіонъ были неудобны для Соломона и въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи. Писатель кн. Паралипоменонъ замѣчаетъ: „а дочь фараону (т. е., свою жену) перевелъ Соломонъ изъ города Давидова въ домъ, который построилъ для ней; потому что, говорилъ онъ, не должна жить женщина у меня въ домѣ Давида, царя Израилева; ибо святъ онъ, такъ какъ вошелъ въ него ковчегъ Госпо-

⁽¹⁾ Втор. 17, 15—20.

день“ ⁽¹⁾. Это признаніе въ устахъ самого Соломона показываетъ во-первыхъ, что Соломонъ самъ признавалъ незаконность своего брака съ дочерью фараона, во-вторыхъ — что дочь фараонова, ставши и женою Соломона, осталась язычницею, имѣла при себѣ своихъ боговъ и служила имъ по обрядамъ своей религіи ⁽²⁾. Этимъ только и можно объяснить, что Соломону какъ бы совѣстно было утвердить свое жилище на священномъ Сіонѣ, резиденціи богобоязненнаго Давида. Жизнь его уже слагалась по иному образцу, далеко несоизмѣримому съ тѣмъ, какой былъ начертанъ закономъ для еврейскаго царя. Чтобы ослабить

⁽¹⁾ 2 Пар. 8, 11.

⁽²⁾ Кей предполагаетъ, что она оставила язычество. Основаніе къ этому онъ находитъ въ томъ, что Соломонъ въ первые годы своего царствованія былъ безусловно преданъ Іеговѣ, что у евреевъ не было никакихъ слѣдовъ египетскаго идолослуженія и что дочь фараона ясно отличается отъ иноземныхъ женщинъ, которыя увлекли Соломона въ его старости къ идолослуженію. Ук. соч. стр. 30. Основанія эти намъ не представляются вѣскими. Мы видѣли, что о высокомъ благочестіи Соломона въ первые два-три года его царствованія говорить трудно. Притомъ Соломонъ, даже и не имѣя еще самъ ни малѣйшей склонности къ язычеству, могъ позволить себѣ вступить въ бракъ съ дочерью фараона и по политическимъ расчетамъ не ставить это въ зависимость отъ перемѣны ею вѣры. Отсутствие египетскаго идолослуженія у евреевъ равно ничего не доказываетъ, — не думаетъ же Кей, что такое или другое идолослуженіе распространялось у евреевъ только черезъ женъ Соломоновыхъ. Ничего не значить и то обстоятельство, что дочь фараонова не была въ числѣ тѣхъ женщинъ, которыя увлекли Соломона къ идолопоклонству. Соломона очевидно увлекали женщины молодая, а дочь фараонова въ то время была уже далеко не молодою. На южной вершинѣ горы Масличной de Saulcy нашелъ каменное сооруженіе, которое онъ считаетъ идольскимъ храмомъ, построеннымъ съ соизволенія Соломона. Онъ находитъ въ немъ поразительное сходство съ подобными же египетскими сооружениями и думаетъ, что здѣсь существовала своихъ боговъ жена Соломонова, дочь египетскаго царя. Histoire de l'art judaïque. Paris. 1864, ed. 2. p. 217—222. Хотя и не видно, чтобы самъ Соломонъ увлекался египетскимъ идолослуженіемъ, однако, покровительствуя религіямъ нѣкоторыхъ женъ-язычницъ, онъ вѣроятно не могъ не позволить и дочери фараоновой служить своимъ богамъ, какъ ей хотѣлось.

противорѣчіе между своею, стремившеюся къ наибольшей свободѣ отъ еократическихъ ограниченій, жизнью и преданіями о жизни отца, до самой смерти оставшагося другомъ священниковъ и пророковъ, Соломонъ разсудилъ за благо обосноваться на новомъ мѣстѣ, на которомъ онъ чувствовалъ себя свободнѣе и съ женами-язычницами, и съ другими нововведеніями въ придворной жизни, на которыя строгіе ревнители закона и почитатели памяти Давида не могли смотрѣть благосклонно. Онъ избралъ для своего жилища обширный холмъ, возвышавшійся рядомъ съ Сіономъ съ сѣверной стороны послѣдняго и отдѣленный отъ него долиною сыродѣлателей. По отношенію къ горѣ храма онъ приходился съ западной стороны и тоже отдѣлялся отъ нея небольшимъ углубленіемъ, составлявшимъ развѣтвленіе долины сыродѣлателей. Этотъ холмъ получилъ названіе „милло“, т. е., укрѣпленное, или защищенное мѣсто⁽¹⁾, потому что Соломонъ, поселившись на немъ, обнесъ его стѣною и расположилъ здѣсь отрядъ тѣлохранителей. Само собою понятно, что этотъ холмъ, одинъ изъ трехъ, на которыхъ расположенъ весь Иерусалимъ, сдѣлавшись жилищемъ царя, сталъ быстро заселяться и образовалъ весьма значительную и оживленную часть города. Вслѣдствіе этого онъ получилъ названіе „второй части“, также „нижней части города“, въ отличіе отъ первой или древней, т. е., высокаго Сіона⁽²⁾. Не всѣ впрочемъ предполагаютъ жилище Соломона въ этой части Иерусалима. Кейль думаетъ, что Соломонъ построилъ себѣ дворецъ на Сі-

(1) Такъ, кажется, нужно понимать слово מִלְלוֹ, 3 Цар. 9, 15, происходящее отъ מָלַא — наполнять, также — собирать: мѣсто, наполненное, или мѣсто, въ которомъ собраны люди для охраны и всякіе запасы на случай осады. (Graetz находитъ въ этомъ словѣ даже понятіе окруженія, обведенія, напр., стѣною. Ук. соч. стр. 451. Срав. Суд. 9, 6; Амось. 6, 8. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ жители Сихема, города ясно отличаются отъ обитающихъ въ «милло».

(2) 4 Цар. 22, 14; Соф. 1, 11.

онѣ⁽¹⁾. Онъ говоритъ, будто выраженіе I. Флавія, что Соломоновъ дворецъ лежалъ напротивъ (ἀντικουῖς) храма⁽²⁾, указываетъ именно на сѣверовосточную сторону Сіона. Но, во-первыхъ, указанное выраженіе I. Флавія едва ли не составляетъ искаженное пониманіе 3 Цар. 7, 6; во-вторыхъ, если I. Флавій сообщаетъ здѣсь и независимое отъ 3 Цар. 7, 6 свѣдѣніе, то онъ говоритъ только объ одной изъ второстепенныхъ частей дворца, лежавшей съ той стороны главнаго зданія, которая обращена была къ храму, — о мѣстоположеніи дворца нельзя отсюда сдѣлать никакого заключенія; тоже самое могъ сказать I. Флавій, если бы дворецъ находился и на сторонѣ, противоположной Сіону. Не подкрѣпляетъ Кейля и ссылка на вѣроятность, что маккавеи должны были построить свой дворецъ тамъ, гдѣ былъ дворецъ Соломоновъ, — время маккавеевъ такъ глубоко разнилось отъ времени Соломона, что соображенія первыхъ при выборѣ мѣста для своего жилища едва ли согласовались съ соображеніями Соломона, могущественнѣйшаго царя своего времени. Что касается ссылки на 4 Цар. гл. 11 и 2 Пар. гл. 23, изъ которыхъ будтобы ясно слѣдуетъ, что Соломоновъ дворецъ былъ на Сіонѣ, то мы не понимаемъ этой ясности, а самъ Кейль не далъ никакихъ объясненій. Мы думаемъ напротивъ, что 2 Пар. 23, 20, гдѣ говорится о проходахъ царя изъ храма „черезъ верхнія ворота въ домъ царскій“, опровергаетъ Кейля и подтверждаетъ сказанное нами выше о мѣстѣ дворца Соломонова. „Верхнія ворота“ предполагаютъ въ сѣверозападномъ углу укрѣпленій, окружавшихъ храмъ⁽³⁾. „Верхними“ они названы очевидно по возвышенному уровню почвы въ этомъ мѣстѣ. Вѣроятно въ силу послѣдняго обстоятельства сначала сирійцы, а потомъ римляне и укрѣплялись близъ этого мѣста,

(1) Ук. соч. стр. 72.

(2) Ant. Lib. VIII. cap. 5. 2.

(3) Планъ Иерусалима въ Braselmann's Bibel-Atlas.

чтобы господствовать надъ Иерусалимомъ и главнымъ образомъ надъ храмомъ (¹). Если такимъ образомъ положеніе „верхнихъ воротъ“ опредѣляется вѣрно, то по плану Иерусалима ясно видно, что 2 Пар. 23, 20 указываетъ положеніе Соломонова дворца именно тамъ, гдѣ былъ второй или нижній (по сравненію съ Сіономъ) городъ, а не на Сіонѣ (²). Эвальдъ съ своей стороны полагаетъ, что Соломонъ построилъ свой дворецъ на южномъ продолженіи горы храма, называемомъ Офель, или Офла. По его мнѣнію это ясно видно изъ Неем. 3, 25. Здѣсь говорится о починкѣ іерусалимскихъ стѣнъ при Нееміи, и въ данномъ мѣстѣ сказано, что „Фалаль (чинилъ стѣну) насупротивъ угла и башни, выступающей отъ верхняго царскаго дома, которая у двора темничнаго“. Но если о положеніи царскаго дома судить по „двору темничному“, а о положеніи послѣдняго по воротамъ темничнымъ, находившимся близъ сѣверовосточнаго угла храма (³), и если при этомъ принять во вниманіе 2 Пар. 23, 15, гдѣ говорится о „конскихъ воротахъ дома царскаго“, находившихся близъ юговосточнаго угла храма (⁴), то нужно предполагать домъ царскій не на Офель, а на самой горѣ Моріа, на весьма узкой полосѣ между восточною стороною храма и долиною потока Кедрскаго. Былъ ли тутъ какой-нибудь царскій домъ? Вышеприведенныя данныя убѣждаютъ, что былъ. Но здѣсь ли строилъ и Соломонъ свой дворецъ—это еще вопросъ,—мѣсто это до того тѣсно, что Соломоновы обширныя постройки не могли тутъ умѣститься. Все, что можно вывести отсюда—это то, что послѣдующіе іудейскіе цари, чувствуя свою слабость, построили

(¹) Сіонъ былъ хотя и выше, но онъ лежалъ вдали отъ тогдашняго центра города.

(²) Кейль посвоему, искусственно толкуетъ 3 Цар. 8, 11; между тѣмъ какъ прямой смыслъ этого мѣста рѣшительно опровергаетъ его

(³) Планъ Иерусалима на картѣ Палестины—Киперта 1860 г. Изд. Военно-топографическаго депо 1861 г.

(⁴) Тамъ же.

себѣ новый малый дворецъ, примыкавшій къ твердынямъ храма съ восточной стороны. Въ этомъ дворцѣ жила Говолия и на пути къ нему чрезъ конскія ворота была убита (¹); внука же ея, царя Іоаса торжественно проводили чрезъ верхнія ворота (²) въ большой Соломоновъ дворецъ во второмъ городѣ. Неизвѣстно, почему Эвальдъ не обратилъ вниманія на Неем. 3, 26. 31, откуда видно, что въ Офель жили неинееи (низшіе храмовые служители) и торговцы. Южный склонъ горы Моріа, не занятый храмомъ, былъ такъ малъ, что, если бы на немъ былъ царскій дворецъ, неинееи и торговцамъ негдѣ было бы и жить. Да и сомнительно, чтобы позволили этимъ людямъ жить вблизи царскаго дворца. „Только тотъ, кто описываетъ положеніе Иерусалима по планамъ и книгамъ, говоритъ Гретцъ, можетъ утверждать, что дворецъ Соломона былъ построенъ на Офель... Офель составлялъ только постепенное южное пониженіе горы Моріа, не застроенъ и нынѣ, лежитъ внѣ городскихъ укрѣпленій и имѣетъ посерединѣ едва 300 футовъ въ ширину“ (³). Ссылки Эвальда на Ис. 32, 14 и Мих. 4, 8 не могутъ имѣть значенія, потому что въ образныхъ пророческихъ рѣчахъ далеко не всегда можно разобрать, что относится вообще къ Иерусалиму и что — къ какой-либо отдѣльной его части. Такимъ образомъ наиболее спокойно можно остановиться только на предположеніи, что Соломонъ построилъ свой дворецъ на возвышеніи, лежавшемъ къ сѣверу отъ Сіона и къ западу отъ горы храма. Постройка дворца Соломонова продолжалась 13 лѣтъ, вдвое почти долѣе, чѣмъ постройка храма,—и его великолѣпіе должно было отвѣчать трудамъ и драгоценностямъ, которые въ него положены. Къ сожалѣнію описаніе его въ библейскомъ текстѣ очень крат-

(¹) 2 Пар. 23. 15.

(²) Ст. 20.

(³) Указ. соч. стр. 452. Подобное и у Кейля. Ук. соч. стр. 72.

ко и еще темне, чѣмъ описаніе храма. Вотъ какія заключенія можно вывести изъ этого описанія. Нѣтъ сомнѣнія, что дворецъ былъ построенъ изъ камня, а не изъ кедрѣ, какъ можно подуматъ по началу его описанія и потому, что онъ называется „домомъ дубравы Ливанскія“ (¹). „Все это, сказано въ заключеніи описанія, сдѣлано было изъ дорогихъ камней, обтесанныхъ по размѣру, обрѣзанныхъ пилою... И въ основаніе были положены камни дорогіе, камни большіе, камни въ 10 локтей и камни въ 8 локтей. И сверху дорогіе камни обтесанные по размѣру, и кедръ“. Кедръ былъ употребленъ для наружной и внутренней отдѣлки. Онъ былъ употребленъ въ громадномъ количествѣ, отъ чего конечно и произошло наименованіе дворца домомъ дубравы Ливанской. Главное зданіе было во 100 локтей длиною (почти 22 сажени), въ 50 шириною и въ 30 вышиною (около 7 саженей). Оно имѣло три этажа, какъ можно судить по тремъ рядамъ оконъ, расположенныхъ одно противъ другаго, т. е., одно надъ другимъ. Что же касается кедровыхъ столбовъ, о которыхъ говорится очень темно, то они по всей вѣроятности только образовали при каменномъ зданіи трехъ-ярусную колоннаду (²). Че-

(¹) 3 Цар. 7, 2; 10, 17. Домъ дубравы ливанской, *οἶκος δρυϊνῶν τοῦ Λιβάνου*. Мы употребили славянское выраженіе вмѣсто русскаго: изъ ливанскаго дерева, — какъ болѣе соответствующее существу дѣла. Мы сейчас увидимъ, что выраженіе это не есть точное обозначеніе матеріала, изъ котораго былъ построенъ дворецъ, а *фигуральное* выраженіе, употреблявшееся для обозначенія дворца Соломонова.

(²) Но 3 Цар. 7, 2 представляется, будто все зданіе было утверждено на четырехъ рядахъ кедровыхъ столбовъ: «и построилъ онъ домъ изъ дубравы Ливанской... на четырехъ рядахъ кедровыхъ столбовъ». Но этого невозможно допустить, предполагая, что зданіе было каменное. Несообразность эта можетъ быть устранена, если мы примемъ во вниманіе, что еврейскій предлогъ *על* не во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ значить: на, надъ. Онъ, напр., значить иногда: подлѣ, при, рядомъ. «И нашелъ ее Ангель Господень при источникѣ воды—*על-עין-המקור*. Быт. 16, 7. «Какъ сады при рѣкѣ—*על-נהר*... какъ кедръ при

тыре ряда кедровыхъ столбовъ съ положенными на нихъ перекладинами и съ помостомъ, державшимся на 45 столбахъ повидимому представляли нѣчто въ родѣ обширныхъ балконовъ, или террасъ противъ cadaго этажа зданія съ лицевой его стороны. Первый рядъ столбовъ (15 столбовъ съ промежутками въ 1½ сажени) противъ основанія дома поддерживалъ террасу перваго этажа; второй рядъ поддерживалъ террасу втораго этажа; третій—третьяго этажа, и четвертый рядъ поддерживалъ крышу террасы третьяго этажа. Масса кедровыхъ столбовъ и перекладинъ, покрывавшая всю лицевую сторону зданія, дѣйствительно могла казаться лѣсомъ ливанскимъ (¹). Масса столбовъ увеличивалась еще притворомъ, составлявшимъ, такъ сказать, парадныя стѣны, или царскую пріемную и состоявшимъ тоже изъ столбовъ, замѣнявшихъ стѣны. Онъ примыкалъ къ лицевой сторонѣ зданія по срединѣ его и имѣлъ 50 локтей длины и 30 ширины. Предъ нимъ было крыльцо, тоже въ видѣ колоннады малаго размѣра. Вслѣдъ за притворомъ въ самомъ зданіи находилась тронная зала, богато украшенная. Здѣсь стоялъ знаменитый престолъ Соломона изъ слоновой кости, обложенный зо-

водахъ—*על-עין-המקור*. Числ. 24, 6. Поэтому 3 Цар. 7, 2 можно, кажется, читать такъ: построилъ онъ домъ... при четырехъ рядахъ (съ четырьмя рядами) кедровыхъ столбовъ, или: имѣющій при себѣ четыре ряда кедровыхъ столбовъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на латинскій текстъ этого мѣста, гдѣ противорѣчіе съ ст. 9 и 10 устраняется вольнымъ переводомъ и какъ бы комментариемъ. «*Aedificavit quaque domum... et quatuor deambulacra inter columnas*. *Deambulacrum*—гульбище, мѣсто гулянья, т. е., при домѣ—балконъ, терраса. Слѣдовательно Соломонъ «построилъ домъ... и четыре террасы между столбами». Здѣсь устраняется всякая мысль о домѣ на кедровыхъ столбахъ.

(¹) Почему мы подмостки при строящихся зданіяхъ называемъ лѣсами? Потому очевидно, что густая масса столбовъ и перекладинъ производить на насъ впечатлѣніе дремучаго лѣса. Такъ и сплошная колоннада изъ массивныхъ кедровыхъ столбовъ, покрывавшая зданіе Соломона, произвела на зрителей впечатлѣніе кедроваго лѣса, дубравы ливанской.

лотомъ. Предъ нимъ было роскошное подножіе съ шестью ступенями; двѣнадцать львиныхъ фигуръ стояли по краямъ ступеней—шесть на правой и шесть на лѣвой сторонѣ; такія же фигуры были поставлены по обѣимъ концамъ самаго сѣдалища. Онѣ были символомъ царской силы и достоинства. Въ этой залѣ, сидя на престолѣ, Соломонъ принималъ знатныхъ путешественниковъ или гостей въ родѣ царицы Савской, ивоземныхъ пословъ, подвластныхъ ему царей, и проч. Тутъ же онъ показывался своимъ подданнымъ, имѣвшимъ нужду до него, и производилъ судъ. Въ остальныхъ частяхъ зданія находились конечно внутренніе царскіе покои и разныя помѣщенія для сокровищъ. Позади главнаго зданія помѣщались другія зданія, и главное мѣсто между ними занималъ домъ дочери фараоновой, устроенный повидимому по образцу главнаго зданія—тоже съ притворомъ. Всѣ постройки были обнесены обширной каменной оградой съ надстройкой изъ кедроваго дерева. Изъ дворца былъ устроенъ великолѣпный ходъ къ храму съ лѣстницами и перилами изъ дорогаго краснаго дерева ⁽¹⁾. Кромѣ всего этого Соломонъ разбилъ роскошныя сады и рощи ⁽²⁾. Для города и для своихъ садовъ устроилъ испанскіе водопроводы и пруды. Остатки этихъ сооружений сохранились и донинѣ въ 2-хъ часахъ пути отъ Иерусалима, въ Этамѣ ⁽³⁾. Въ городѣ Соломонъ построилъ цитадель съ надлежащими укрѣпленіями и окружилъ Иерусалимъ стѣною ⁽⁴⁾.

Соломонъ обставилъ свою жизнь небывалымъ великолѣпіемъ и пышностію. Дворецъ былъ наполненъ сокровищами всякаго рода, между которыми, какъ

на самое замѣчательное и удивительное, дѣписатель указываетъ на золотыя щиты. Ихъ было 200 большаго размѣра по 600 сиклей вѣсу (около 10 фунтовъ) и 300 меньшаго размѣра по 300 сиклей вѣсу ⁽¹⁾. Всѣ сосуды для питья и вѣды во дворцѣ были изъ золота: „изъ серебра, говорится, ничего не было; потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что“. Украшенія изъ золота перемѣшивались съ украшеніями изъ драгоценной слоновой кости. Сады оживлялись и украшались присутствіемъ обезьянъ, павлиновъ и, вѣроятно, другихъ рѣдкихъ четвероногихъ и птицъ. Сокровища Соломона умножались по обычаю древности дарами подвластныхъ ему царей и разнообразились подарками царей независимыхъ, пріѣзжавшихъ къ нему въ гости. Они состояли въ сосудахъ, въ одеждахъ, въ оружіи и благовоніяхъ ⁽²⁾. Кони и мулы, находившіеся тоже въ числѣ подарковъ отъ царей, вѣроятно были рѣдкостныя и употреблялись для выѣзда самимъ Соломономъ, при чемъ конечно были соответствующіе остальной обстановкѣ экипажи. Колесницы военныя получались изъ Египта за 600 сиклей серебра каждая ⁽³⁾. И для торжественныхъ царскихъ выѣздовъ получались колесницы вѣроятно оттуда же за большія деньги. Пышность восточнаго царя немислима безъ громаднаго количества женщинъ. Уже Давидъ, какъ мы видѣли, не устоялъ противъ силы обычая и имѣлъ болѣе семи женъ и нѣсколько наложницъ. Соломонъ же, любитель пышности, дошелъ въ этомъ отношеніи до чудовищной крайности: у него было 700 женъ и 300 наложницъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ 8, 16; 2 Пар. 9, 15.

⁽²⁾ 3 Цар. 10, 24...

⁽³⁾ Ст. 26 и 29.

⁽⁴⁾ «Равнины сираведливо утверждаютъ, что только немногія жены, которыя пользовались особенною благосклонностію или же были царскаго происхожденія, считались царицами. Такъ до сихъ поръ бываетъ на востокѣ, и Китай, Индія, Персія и Турція представляли и пред-

⁽¹⁾ 3 Цар. 10, 12; 2 Пар. 9, 4, 11.

⁽²⁾ Еккл. 2, 5; 4 Цар. 25, 4.

⁽³⁾ Объ этой мѣстности, кромѣ 1 Цар. 4, 3, 32 и 2 Пар. 11, 6, упоминаетъ и I. Флавій. Ant. Lib. VIII, cap. 7, 3.

⁽⁴⁾ 3 Цар. 2, 35.

Легко судить поэтому, какъ громадно должно было быть все количество дворцовой прислуги—оруженосцевъ, колесничниковъ, хлѣбодаровъ, виночерпьевъ и проч. Всѣ они были тщательно подобраны изъ людей, видныхъ собою, богато и изящно одѣты и размѣщены въ особо устроенныхъ для нихъ жилищахъ. Они поразили своимъ видомъ царицу Савскую (¹). Для услажденія своего слуха и слуха гостей своихъ Соломонъ имѣлъ хоры пѣрцовъ и пѣвицъ и массу музыкантовъ, игравшихъ на разнообразныхъ инструментахъ (²). Многочисленный дворъ Соломоновъ потреблялъ громадное количество съѣстныхъ припасовъ, простыхъ и изысканныхъ. Каждый день требовалось 30 коровъ лучшей пшеничной муки (73 четверти и 5 четвериковъ) и 60 коровъ обыкновенной муки, 10 воловъ откормленныхъ, 20 обыкновенныхъ, изъ стадъ и 100 овецъ. Къ этому присоединялись въ болѣе ограниченномъ количествѣ, какъ лакомство, олени, серны, дикія козы и откормленные птицы (³). Всѣ эти припасы представ-

ставляютъ примѣры этого. Китайскій императоръ имѣетъ множество женщинъ въ своемъ гаремѣ, изъ которыхъ многихъ онъ совѣмъ не знаетъ. Magalhães насчитываетъ ихъ до 3000. Великій моголь по свидѣтельству путешественниковъ 17 вѣка имѣлъ 4000 женъ. О Даріѣ Кодманѣ рассказываютъ, что онъ бралъ съ собою въ походъ 350 женъ. Есть свидѣтельство, что у персидскаго царя Хозроя было 12000 женъ. Philippon. Israel. Bibel. Примѣч. къ 3 Цар. 11, 3.

(¹) 3 Цар. 10, 5.

(²) Еккл. 2, 8.

(³) По расчету, представленному у Keil'a, такимъ количествомъ хлѣба и мяса могли питаться 14000 человекъ. Ук. соч. стр. 40. Это заставляетъ думать, что здѣсь исчислены запасы не только для всѣхъ дворцовыхъ служителей съ ихъ семействами, но и для царскихъ тѣлохранителей, корпусъ которыхъ былъ очевидно расположенъ вблизи дворца. У Philippon'a передается, что Александръ В. нашелъ на одномъ столбѣ въ Персеполисѣ замѣтку о ежедневномъ потребленіи при дворѣ Кира. Здѣсь значится: 1000 четвериковъ различнаго качества пшеницы, столько же ячменной муки, 400 овецъ, 300 ягнятъ, 100 воловъ, 30 лошадей, 30 козулъ, 400 откормленныхъ гусей, 100 гусятъ, 300 голубей, 600 различныхъ мелкихъ птицъ, 3750 галлоновъ вина, 75 гал-

ляли ко двору поочередно 12 областныхъ начальниковъ, о которыхъ сказано выше. Эти же начальники доставляли ячмень и солому для коней и муловъ Соломоновыхъ. Послѣ обязательныхъ работъ при постройкахъ это была новая повинность, которой Израиль не зналъ до царей. Правда у Соломона были и свои многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота (¹); но далеко не все, что требовалось для его громаднаго двора, могло найтись на его собственныхъ пастбищахъ, и весьма многое его подданные должны были отдѣлять изъ своего достоянія. Что же касается сокровищъ въ собственномъ смыслѣ и въ особенности золота, то для пріобрѣтенія и умноженія ихъ Соломонъ прибѣгъ къ торговлѣ (²). Это для него было

лоновъ свѣжаго молока и столько же квашенаго молока. Israel. Bib. Прим. къ 3 Цар. 4, 23.

(¹) Еккл. 2, 7.

(²) Примѣру царя стали конечно подражать и подданные. Еще Ness, признавая, что законъ Моисеевъ не поощрялъ торговлю, оправдывалъ Соломона обстоятельствами его времени, утверждая, что многочисленное население на маленькой землѣ должно было прибѣгнуть къ новымъ средствамъ пріобрѣтенія помимо земледѣлія: Ук соч. стр. 276—7. За нимъ повторяли эту мысль и другіе. Мы не понимаемъ, какъ можно говорить о недостаткѣ мѣста для земледѣлія въ такое древнее время и въ такомъ государствѣ, какъ Соломоново, которое на основаніи 3 Цар. 4, 21 справедливо признается всѣми обширѣйшимъ въ древности. Ничто отсюда не видно, что именно общенародная нужда заставила Соломона пуститься въ торговля предприятия. Hengstenberg, признавая, что торговля сношенія имѣли вредное вліяніе на религіозную жизнь евреевъ, всетаки оправдываетъ Соломона съ общей точки зрѣнія. По его мнѣнію упрекать Соломона за торговлю значить тоже, что упрекать нынѣшнія правительства за покровительство желѣзнымъ дорогамъ, которыя между прочимъ приносятъ съ собою и новыя соблазны. Указ соч. стр. 139. Намъ кажется, что ссылка на желѣзныя дороги здѣсь неудачна и неумѣстна, какъ и на изобрѣтеніе пороха и скорострѣльнаго оружія. Съ общей точки зрѣнія можно почти все оправдать: и яды полезны, смотря по употребленію ихъ, и эпидеміи говорятъ, благотворны въ общей экономіи природы, потому что уничтожаютъ слабыхъ и даютъ просторъ на землѣ для сильныхъ. Но не лучше ли было бы, если бы послѣднее достигалось какъ-нибудь иначе, не посредствомъ эпидемій?..

тѣмъ удобнѣе, что онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ царемъ купцовъ—Хирамомъ. Покореніе Идумеи раздвинуло господство еврейскаго царя до сѣверной оконечности Краснаго моря, представлявшаго открытый путь въ богатія страны, омываемыя южнымъ океаномъ. Этотъ океанъ и эти страны были недоступны до сихъ поръ самимъ финикіянамъ, тогдашнимъ всемірнымъ мореплавателямъ. Такимъ образомъ въ рукахъ Соломона оказался ключъ къ богатствамъ всего юга, бывшимъ до того времени почти недоступными по причинѣ отдаленности и трудности сухаго пути. И вотъ въ его головѣ возникла блестящая мысль открыть торговлю на новыхъ, отдаленныхъ, но богатѣйшихъ рынкахъ посредствомъ легкаго водянаго пути по Красному морю. Эта мысль была такъ соблазнительна, что Соломонъ не поколебался въ освященный временемъ, закономъ и самою природою страны земледѣльческой бытъ евреевъ внести новый элементъ—торговый, способный въ корень видоизмѣнить прежній строй жизни, подорвать основу благосостоянія массъ—земледѣліе, породить неравенство и злоупотребленіе капиталомъ и даже повліять невыгодно на религиозное міросозерцаніе народа. Послѣднее соображеніе не могло особенно смущать царя-философа, которому повидимому нравились идеи миролюбія и терпимости не только въ религіи, но и въ политикѣ—добродѣтель, способная превращаться въ порокъ и дѣйствительно превратившаяся подъ конецъ у Соломона. Не смущало его и то вліяніе, какое могла произвести торговля на весь складъ народной жизни; потому что это вліяніе могло сгладить тѣ бытовыя особенности земледѣльческаго народа, возникшія въ патріархально-республиканскій періодъ его жизни, которыя съ трудомъ уживались съ стремленіемъ Соломона къ неограниченному самодержавію. Соломонъ вмѣстѣ съ Хирамомъ построили корабли въ гавани Еціонъ-Гаверь на вершинѣ сѣверовосточнаго залива Краснаго моря и смѣло отправили ихъ въ дальнее

плаваніе по южнымъ морямъ⁽¹⁾. Управлявшіе кораблями отважные финикіяне, поприще которыхъ до сихъ поръ было ограничено Средиземнымъ моремъ и частію Атлантическаго океана, открыли въ южныхъ водахъ богатый рынокъ Офиръ. Гдѣ былъ этотъ Офиръ—вопросъ спорный. Одни предполагаютъ его въ Индіи⁽²⁾, другіе—въ южной Аравіи⁽³⁾, третьи—въ Африкѣ⁽⁴⁾. Изъ этихъ предположеній наиболѣе основательнымъ представляется первое. За него говорятъ по крайней мѣрѣ древнія свидѣтельства. У LXX толковниковъ вмѣсто Офиръ поставлено Софиръ или Суфиръ. Но Софиръ есть древне-египетское названіе Индіи⁽⁵⁾. Если въ еврейскомъ текстѣ, который имѣли предъ собою толковники, стояло Софиръ, то падаетъ само собою главнѣйшее основаніе тѣхъ, которые въ имени Офира, сына Іоктана, родоначальника аравійскихъ народовъ (Быт. 10, 29) видятъ названіе Соломонова Офира и потому предполагаютъ его въ Аравіи. Если же толковники сами замѣнили слово Офиръ словомъ

(1) «Царь Соломонъ сдѣлалъ корабль въ Еціонъ-Гаверь... И послалъ Хирамъ на кораблѣ своихъ подданныхъ корабельщиковъ съ подданными Соломоновыми». 3 Цар. 9, 26—7. «Послалъ Соломонъ въ Еціонъ-Гаверь... И прислалъ ему Хирамъ чрезъ слугъ своихъ корабли и рабовъ, знающихъ море, и отправились они съ слугами Соломоновыми въ Офиръ». 2 Цар. 8, 17, 18. «У царя былъ на морѣ Фарсисскій корабль съ кораблемъ Хирамовымъ». 3 Цар. 10, 22. Послѣднее изъ этихъ мѣстъ показываетъ, что Соломонъ не одинъ торговалъ, а вмѣстѣ съ Хирамомъ и съ его помощію. Первое мѣсто со вторымъ можно примирить предположеніемъ, что изъ Финикіи въ Еціонъ Гаверь были переправлены сначала моремъ, а потомъ сухимъ путемъ готовыя части кораблей и тамъ собраны. Невозможно допустить, чтобы Хирамъ прислалъ совсѣмъ готовые корабли вокругъ Африки: это было, во-первыхъ, неизвѣрно трудно тогда и даже едва ли достижимо; во-вторыхъ этому прямо противорѣчить 3 Цар. 9, 26.

(2) Graetz. Ук. соч. стр. 461. Ewald. Ук. соч. стр. 347.

(3) Keil. Ук. соч. стр. 117. Philippson. Isr. Bibel. стр. 541. Winer. Real-wörterbuch. Art. Ophir.

(4) См. тамъ же.

(5) Winer. Real-wört. Art. Ophir. Keil. Ук. соч. стр. 113.

Софирь, какъ имѣвшимъ отношеніе къ Индіи, то это будетъ свидѣтельствомъ глубокой древности въ пользу предположенія, что Соломоновъ Офирь былъ въ Индіи или сама Индія. Какъ на другое свидѣтельство древности нужно указать на то, что Иосифъ Флавій Офирь тоже называетъ Софирой и прямо указываетъ его въ Индіи. (¹). Ляссенъ утверждаетъ, что библейскія названія нѣкоторыхъ предметовъ, привозимыхъ изъ Офира, сходны съ санскритскими названіями тѣхъ же предметовъ (²). Плаваніе въ Офирь продолжалось три года, что во всякомъ случаѣ указываетъ на весьма отдаленную страну. Напрасно тѣ, кто хочетъ искать Офирь въ Аравіи, ссылаются здѣсь на несовершенство древняго мореплаванія; на неизвѣстность пути по Красному морю, на противныя вѣтра и проч.,—три года во всякомъ случаѣ слишкомъ много для того, чтобы обогнѣть только Аравійскій полуостровъ (³). Напрасно приводятъ и догадку, что библейское выраженіе: „въ три года разъ приходилъ Фарисскій корабль“—означаетъ будто не то, что плаваніе продолжалось три года, а то, что оно совершалось въ три года разъ (⁴). Это—безполезное остроуміе. Чѣмъ же обусловливались бы трехгодичные періоды, какъ не продолжительностію самаго плаванія? Конечно, между приходомъ корабля и новымъ отплытіемъ проходило нѣкоторое время, нужное на разгрузку, на новую нагрузку мѣстными произведеніями, на починку корабля или даже на замѣну его другимъ, и проч. Но это время очевидно не могло быть опредѣленнымъ и поэтому не могли образоваться правильные трехгодичные періоды путешествія въ Офирь. Послѣдніе

(¹) Antiqu. Lib. VIII. cap. VI. 4.

(²) Indische Alterthumskunde. 1847. B. 1. s. 538.

(³) По вычисленію Lassen'a отъ Еціонъ-Гавера даже до устья Инда парусное судно можетъ дойти въ 100 дней. Indische Alterthumskunde. B. 2. s. 590.

(⁴) Keil. Ук. соч. стр. 113. Philippson. Isr. Bibel.

могли обусловиться только необходимостію употребить приблизительно одинаковое каждый разъ время на плаваніе паруснаго судна до извѣстнаго пункта. Замѣтимъ еще въ заключеніе, что сторонники Аравійскаго Офира, не находя возможнымъ утверждать, чтобы въ предполагаемомъ ими мѣстѣ могли находиться, какъ собственные продукты, всѣ предметы, привозимые Соломону изъ Офира, принуждены обременять свою гипотезу новой гипотезой объ оживленныхъ будто торговыхъ сношеніяхъ южной Аравіи съ Индіей и Африкой (¹)... Корабль Соломоновъ возвращался изъ Офира съ великимъ богатствомъ, нагруженный золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, слоновой костью, краснымъ деревомъ, а также рѣдкостями—обезьянами, павлинами и, можетъ быть, нѣкоторыми другими (²). Золота пригвозилось 420 талантовъ. Берегъ Средиземнаго моря, бывшій во власти Соломона, давалъ возможность и подданнымъ по примѣру царя извлекать богатства изъ окрестныхъ странъ. Этотъ родъ приобрѣтенія несомнѣнно процвѣталъ въ колѣнахъ Завулоновомъ и Иссахаровомъ (³). Для оживленія сухопутной торговли и именно для облегченія вывоза туземныхъ произведеній и ввоза изъ сосѣднихъ земель Соломонъ заботился объ удобствахъ путей сообщенія. Такъ напр., въ пустынь, которую нужно было пересѣкать на пути изъ Дамаска въ оживленную долину Евфрата, Соломонъ воспользовался цвѣтущимъ и обильнымъ водою оазомъ, устроивъ здѣсь все необходимое для остановки каравановъ, для склада и храненія товаровъ, и проч. Такъ возникъ Оадморъ (⁴), въ послѣдствіи знаменитая Пальмира. Предметами вывоза изъ Палестины были пшеница, медъ,

(¹) Keil. Ук. соч. стр. 116—17. Philippson. Isr. Bibel.

(²) 3 Цар. 9, 26—28; 10, 11, 22.

(³) Быт. 49, 13; Втор. 33, 18, 19.

(⁴) 2 Пар. 8, 4.

оливковое масло и бальзамъ⁽¹⁾. Первые три предмета едва ли могли вывозиться въ большомъ количествѣ какъ потому, что потребление ихъ въ самой Палестинѣ, густо населенной, было велико, такъ и по громозкости и сравнительной малоцѣнности этихъ продуктовъ. Самую прибыльную статью вывоза составлялъ вѣроятно бальзамъ, который еще во времена патриарховъ былъ предметомъ вывоза изъ Галаада въ Египетъ⁽²⁾. Бальзамъ славился своими цѣлебными свойствами⁽³⁾, почему на него былъ конечно большой спросъ, и онъ былъ весьма дорогъ. Не только Египетъ платилъ дань за него Палестинѣ, но безъ сомнѣнія и Индія; потому что за пшеницу, медъ и масло, сколько могъ бы увезти ихъ одинъ корабль, Соломонъ не могъ получить столько золота, сколько онъ получалъ изъ Офира. Общее количество золота, стекавшася отовсюду къ Соломону ежегодно, простиралось до 666 талантовъ. Въ этотъ счетъ не входили частію необязательные, частію обязательные дары отъ зависимыхъ царей и отъ областныхъ начальниковъ, а также пошлины отъ мелкихъ и крупныхъ торговцевъ⁽⁴⁾. Существованіе послѣднихъ доказываетъ положительно, что Соломонъ не одинъ торговалъ, но и вся страна втянулась въ этотъ родъ пріобрѣтенія и обогащенія. Много сокровищъ собиралъ такимъ образомъ Соломонъ, но онъ много и расточалъ. Всего болѣе вѣроятно истощали его казну многочисленныя и дорого стоившія постройки. Любовь Соломона къ постройкамъ несомнѣнна, и вмѣстѣ съ сооруженіями, необходимыми для защиты Иерусалима и всей страны, онъ строилъ роскошныя дворцы, сады, водопроводы и, несомнѣнно, дороги, такъ какъ кони и колесницы, вошедшія при

(1) Иезек. 27, 17.

(2) Быт. 37, 25.

(3) Иер. 8, 22; 46, 11.

(4) 3 Цар. 10, 14, 15.

немъ въ моду, не могли двигаться по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ искони лѣпились мулы и ослы. I. Флавій упоминаетъ о пышныхъ поѣздкахъ Соломона въ красивую и обильную водою мѣстность—Этамъ⁽¹⁾. Позволительно предположить, что Соломонъ не оставилъ Этамъ въ его полудикомъ видѣ, а построилъ въ этой мѣстности все возможное, чтобы сдѣлать временное пребываніе свое здѣсь наиболѣе удобнымъ и пріятнымъ. Какъ и другіе любители построекъ, Соломонъ не ограничился конечно постройкою дворца въ Иерусалимѣ; можетъ быть не безъ основанія говорятъ, что для лѣтняго времени онъ имѣлъ особый дворецъ съ величественною башнею на прохладной возвышенности Антиливана, противъ Дамаска⁽²⁾. Большой расходъ вѣроятно составляли также подарки многочисленнымъ вѣнценоснымъ гостямъ⁽³⁾, бывшіе неизбѣжно-обязательными въ силу обычая. Правда, гости являлись къ нему тоже съ богатыми дарами; но мы думаемъ, что самолюбіе Соломона, увлекавшася болѣе и болѣе своею славою, не позволяло ему возвращать гостямъ только то, что они принесли. Если мы прибавимъ къ этому, что Соломонъ безъ сомнѣнія собиралъ еще массу сокровищъ нерасточаемыхъ, для одного показу, бывшихъ поэтому мертвымъ капиталомъ⁽⁴⁾, то не будетъ невѣроятнымъ, что онъ иногда терпѣлъ недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ. Этимъ

(1) Antiqu. VIII. 7. 3.

(2) Пѣснь П. 7, 5; 3 Цар. 9, 19. Eisenlohr. Ук. соч. стр. 82.

(3) 3 Цар. 10, 24.

(4) Какія горы золота имѣли обычай скоплять въ своихъ сокровищницахъ древніе монархи, видно изъ многихъ примѣровъ. Добыча Кира отъ завоеваній въ Азіи состояла въ 34000 фунтовъ золота, кромѣ золота въ сосудахъ и украшеніяхъ, и въ 500000 талантовъ серебра. Александръ Макъ взялъ въ Сузѣ изъ сокровищницы персидскаго царя 50000 тал. золота и серебра. Въ Персеполисѣ онъ захватилъ 120000 тал. Всего у него набралось въ Экбатанѣ 180000 тал. Keil. Ук. соч. стр. 88.

только и можно объяснить, что такой богатый царь прибѣгалъ къ займамъ у Хирама и въ уплату долга отдавалъ даже цѣлую область съ 20 городами, что едвали было пріятно національному самолюбію евреевъ⁽¹⁾. Хираму впрочемъ не понравилась земля, и онъ возвратилъ ее Соломону⁽²⁾. Послѣднему конечно пришлось расплатиться золотомъ. Такимъ образомъ непомѣрные расходы съ одной стороны и желаніе блистать обиліемъ сокровищъ съ другой—увлекли Соломона къ необычнымъ и неразборчивымъ средствамъ пополненія казны: къ обширнымъ торговымъ предпріятіямъ, къ займамъ, въ нѣкоторомъ родѣ къ продажѣ государственнаго достоянія и, вѣроятно, къ прямымъ налогамъ на народъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, Соломонъ сумѣлъ удивить міръ своимъ богатствомъ.

„Царь Соломонъ, говоритъ дѣеписатель, превосходилъ всѣхъ царей земли богатствомъ и мудростію... И далъ Богъ Соломону мудрость и весьма великій разумъ и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости египтянъ. Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей, мудрѣе и Ээана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола (поэты и мыслители, составители псалмовъ и, вѣроятно, другихъ произведеній съ нравственно-философскимъ содержаніемъ), и имя его было въ славѣ у всѣхъ окрестныхъ народовъ“⁽³⁾. Опытъ своей мудрости Со-

(1) Предположеніе Hess'a, будто Соломонъ подарилъ эти города Хираму, ук. соч. т. 8, стр. 366, намъ не кажется основательнымъ. Хирамъ назвалъ уступленную ему область «землею Кавуль». 3 Цар. 9, 13. По изслѣдованію Keil'a слово «кавуль» вѣроятно происходитъ отъ קָבַל или קָבַל — закладывать, отдавать въ залогъ. Ук. соч. стр. 106. Если это словопроизводство вѣрно, то уже въ самомъ прозваніи земли заключается указаніе на денежное обязательство, лежавшее въ основаніи уступки.

(2) 3 Цар. 9, 12, 13; 2 Пар. 8, 2.

(3) 2 Пар. 9, 22; 3 Цар. 4, 29—31.

ломонъ показалъ еще на первыхъ порахъ своего царствованія при рѣшеніи въ качествѣ судьи одного весьма затруднительнаго дѣла. Двѣ легкаго поведенія женщины жили въ одномъ домѣ въ небогатой обстановкѣ. Обѣ онѣ имѣли по ребенку, но при тѣснотѣ помѣщенія спали вмѣстѣ. Разъ ночью одна изъ нихъ нечаянно задушила (заспала) своего ребенка. Проснувшись раньше своей сожительницы и увидавъ бѣду, она въ тупомъ отчаяніи рѣшилась овладѣть хотя чужимъ ребенкомъ, и потому подмѣнила спящей мертваго ребенка. Мать живаго ребенка конечно сейчасъ же открыла обманъ; но дѣти были еще слишкомъ малы, всего нѣсколькихъ дней, и никому изъ постороннихъ неизвѣстны, потому что женщины жили однѣ; такъ что не было возможности юридически доказать, кому принадлежалъ живой и кому мертвый ребенокъ. Ограбленная женщина представила свое дѣло на судъ царя. На судѣ та и другая женщина называли живаго ребенка своимъ. „Подайте мечъ!“—сказалъ Соломонъ. Засверкалъ принесенный мечъ. „Разсѣките живое дитя надвое, говоритъ повелительнымъ тономъ царь, и отдайте половину одной женщинѣ и половину другой“. Тутъ произошла поразительная, полная жизненной правды сцена. Настоящая мать пришла въ ужасъ,—„волновалась, сказано, вся внутренность ея отъ жалости къ сыну своему“—и умоляла царя отдать ребенка своей злодѣйкѣ, лишь бы онъ остался въ живыхъ; а та, напротивъ, съ тупымъ равнодушіемъ говорила: „пусть же не будетъ ни мнѣ, ни тебѣ, рубите!“ Истина открылась, какъ день, и настоящая мать получила своего ребенка. Весь Израиль былъ пораженъ мудростію царя. Ненужно обольщаться впечатлѣніемъ кажущейся простоты Соломонова поступка и думать, что онъ не заслуживалъ той славы, какая ему приписана. Все кажется простымъ, что извѣстно. Но найти простой исходъ изъ неизвѣстности можетъ только дѣйствительно мудрый. Если бы вообще судьи въ затруднительныхъ случаяхъ умѣли, подобно Соло-

мону, заставляя говорить саму природу; то истина меньше страдала бы, и зло рѣже оставалось бы безнаказаннымъ. Въ раннюю и лучшую пору дѣятельности своихъ духовныхъ силъ Соломонъ произвелъ на свѣтъ знаменитую „Пѣснь пѣсней“—произведение, въ которомъ онъ всего ближе стоитъ къ своему отцу-пророку, въ которомъ царитъ пламенное чувство и высшее созерцаніе. „Пѣснь пѣсней“ Соломона—это дивное сочетаніе образовъ, навѣянныхъ цвѣтущею дѣйствительностію, съ прозрѣніемъ въ божественную тайну духовно-нравственнаго бытія. Но духовный складъ Соломона въ сущности глубоко различенъ отъ Давидова, и главная масса его позднѣйшихъ произведеній отразила на себѣ особенность этого склада. Гимны, или псалмы, которыми прославился Давидъ, не были предметомъ творчества Соломонова. Памяти потомства переданы только два псалма съ его именемъ—72 и 127-й. Правда, онъ былъ авторомъ еще 1005 пѣсней, произведеній повидимому лирическаго характера; но мы совершенно не знаемъ, какія это были пѣсни. Если онѣ были похожи на то, что представляетъ книга „Пѣснь пѣсней“; то непонятно, какимъ образомъ онѣ утратились для потомства. Можно догадываться, что онѣ были иного характера, чѣмъ тѣ памятники, которыми наполнялись страницы свящ. книгъ еврейскихъ. Можетъ быть въ нихъ было слишкомъ мало или даже вовсе не было религіознаго элемента, и потому въ литературѣ еврейскаго народа онѣ не получили права гражданства. Зато Соломонъ обогатилъ литературу своего народа произведеніями дидактическаго характера. Его умъ стремился формулировать правила благоповеденія, разумнаго дѣйствованія. Его задачею было научить „познавать мудрость и наставленіе, понимать изреченія разума; усвоить правила благоразумія, правосудія, суда и правоты; простымъ дать смысленость, юности—знаніе и раз-

судительность“⁽¹⁾. Онъ училъ: „главное — мудрость; приобретай мудрость и все́мъ имѣніемъ твоимъ приобретай разумъ. Высоко цѣни ее... Храни здравомысліе и разсудительность, и онѣ будутъ жизнію для души твоей и украшеніемъ для шеи твоей. Тогда безопасно пойдешь по пути твоему, и нога твоя не споткнется... Блаженъ человекъ, который снискалъ мудрость, и человекъ, который приобрѣлъ разумъ. Потому что приобретеніе ея лучше приобретенія серебра, и прибыли отъ нея больше, нежели отъ золота... Храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленіе матери твоей; навяжи ихъ навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою... Не будь мудрецомъ въ глазахъ своихъ; бойся Господа и удаляйся зла... Не ссорься съ человекомъ безъ причины, когда онъ не сдѣлалъ тебѣ зла. Не соревнуй человеку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного изъ путей его... Отвергни отъ себя лживость устъ и лукавство языка удали отъ себя. Глаза твои пусть прямо смотрятъ, и рѣсеницы твои да направлены будутъ прямо передъ тобою. Обдумай стезю для ноги твоей, и все́ пути твои да будутъ тверды. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою отъ зла... Пойди къ муравью, лѣнивый, посмотри на его дѣйствія и будь мудрымъ. Нѣтъ у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но онъ заготавливаетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою... Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложишь руки, посидишь; и прійдетъ, какъ прохожій, бѣдность твоя и нужда твоя, какъ разбойникъ“⁽²⁾... Таковы въ общемъ назиданія Соломона. Форма наученія, усвоенная и усовершенствованная Соломономъ, была притча. Это—передача какой-нибудь идеи въ

⁽¹⁾ Прит. 1, 2—4.

⁽²⁾ 4, 7, 8; 3, 21—23; 3, 13, 14; 6, 20, 21; 3, 7; 3, 30, 31; 4, 24—27; 6, 6—8, 10, 11.

живомъ и сильномъ выраженіи, впечатлѣніе отъ котораго усиливается или соединеніемъ противоположныхъ мыслей, или смѣлою метафорою, или сравненіемъ, или разительнымъ примѣромъ изъ окружающей природы. Всѣ эти свойства притчи можно видѣть въ приведенныхъ выше примѣрахъ Соломоновыхъ назиданій. Когда метафора усиливается, когда мысль только намекается въ смѣлыхъ подобіяхъ и сравненіяхъ, притча становится „замысловатою рѣчью, словомъ мудреца, загадкою“ (1). Напримѣръ: „у ненасытимо-сти двѣ дочери: давай, давай! Вотъ три ненасытимыхъ и еще четвертая, которая не скажутъ: довольно! Могила, утроба безплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говоритъ: довольно!... Три вещи непостижимы для меня, и еще четвертой я не понимаю: пути орла на небѣ, пути змѣя на скалѣ, пути корабля среди моря и пути мужчины къ дѣвицѣ... Отъ трехъ трясется земля, и еще четвертой она не можетъ носить: раба, когда онъ дѣлается царемъ; глухого, когда онъ досыта ѣтъ хлѣбъ; позорную женщину, когда она выходитъ замужъ, и служанку, когда она занимаетъ мѣсто госпожи своей... Есть четыре малыхъ на землѣ, но они мудрѣе мудрыхъ: муравьи—народъ несильный, но лѣтомъ заготовляютъ пищу свою; горныя мыши—народъ слабый, но ставятъ дома свои на скалѣ; у саранчи нѣтъ царя, но выступаетъ вся она стройно; паукъ лапками цѣпляется, но бываетъ въ царскихъ чертогахъ“ (2). Безъ сомнѣнія подобнаго рода притчи не сочинялись на бумагѣ, а были плодомъ устныхъ бесѣдъ, въ которыхъ мудрецъ, или желая испытать проницательность своихъ собесѣдниковъ, или имѣя въ виду запечатлѣть какъ можно глубже въ душѣ своихъ слушателей какую-нибудь практическую ис-

(1) 1, 6.

(2) 30, 15—28.

тину, задавалъ какъ бы загадку. Эту загадку или сами собесѣдники отгадывали иногда съ большимъ, иногда съ меньшимъ усиленіемъ, или мудрецъ разрѣшалъ самъ. Въ томъ и другомъ случаѣ интересъ состязанія и умственное усиліе, употребленное на разрѣшеніе задачи, глубоко запечатлѣвали въ душѣ существенный предметъ бесѣды. Напр., мудрецъ задумалъ преподавать человѣку, гордому своею силою и своимъ умомъ, урокъ труда разумнаго, свободнаго, побѣждающаго всѣ препятствія и не нуждающагося въ приставникѣ съ палкою въ рукѣ. Для этого онъ заставлялъ своихъ слушателей подумать надъ слѣдующею задачею: есть четыре малыхъ на землѣ, но они мудрѣе мудрыхъ, т. е., есть нѣкоторыя ничтожества на землѣ, но онѣ поступаютъ такъ разумно, что даютъ урокъ и человѣку. И вотъ человѣкъ къ стыду своему приходитъ или доводится до мысли, что ничтожный муравей умнѣе многихъ людей, что презрѣнная мышь изобрѣтательнѣе и настойчивѣе ихъ, что едва появившаяся на свѣтъ, еще безкрылая саранча не нуждается въ начальствѣ и свободно дѣлаетъ то, что слѣдуетъ дѣлать. Такими и подобными притчами поучалъ Соломонъ и заслужилъ громкую славу во всемъ тогдашнемъ образованномъ мірѣ. „И приходили отъ всѣхъ народовъ послушать мудрости Соломона, отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости его“ (1). Онъ изрекъ 3000 притчей. Кромѣ того „онъ говорилъ о деревьяхъ—отъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, выростающаго изъ стѣны; говорилъ и о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ“. Что онъ говорилъ объ этихъ предметахъ, составляющихъ въ своей совокупности два наибольшія царства природы, мы не знаемъ. Можетъ быть онъ не передавалъ свѣдѣнія о нихъ особо, съ одной естественно-научной точки зрѣнія, а только

(1) 3 Цар. 4, 34.

пользовался знаніемъ ихъ свойствъ и особенностей въ притчахъ для разъясненія нравственныхъ истинъ (иди къ муравью, лѣнливый; поревнуй пчелѣ, и пр.)⁽¹⁾; но и въ послѣднемъ случаѣ масса его познаній о природѣ могла приводить въ изумленіе современниковъ. Это изумленіе, это преклоненіе предъ его авторитетомъ въ разсматриваемой области знанія перешли и къ отдаленному потомству, достаточнымъ доказательствомъ чему служитъ видная роль, которую играютъ въ восточной народной медицинѣ разные чудодѣйственные Соломоновы корни, заклинанія, и проч. I. Флавій говоритъ, что Богъ помогъ Соломону изучить науку противъ злыхъ духовъ на пользу и исцѣленіе людей, что онъ составилъ заговоры, которыми облегчаются болѣзни, и оставилъ заклинанія, посредствомъ которыхъ изгоняются демоны навсегда⁽²⁾. Хотя это очевидно принадлежитъ къ числу черезчуръ смѣлыхъ положеній іудейскаго историка тамъ, гдѣ возможны только предположенія; тѣмъ не менѣе приведенное свидѣтельство имѣетъ значеніе, какъ отголосокъ преданія о давнопрошедшей дѣйствительности, заключавшей въ себѣ нѣкоторую основу для той формы, въ какой записалъ его Флавій. По свидѣтельству двухъ древнихъ писателей, приводимому тоже I. Флавіемъ⁽³⁾, Соломонъ не ограничивался устными бесѣдами; онъ прибѣгалъ и къ письму, когда желалъ блеснуть мудростію и остроуміемъ предъ отсутствующимъ. Такъ, онъ будто бы велъ переписку съ Хирамомъ, и послѣд-

(1) На эту мысль наводитъ I. Флавій: «о всякомъ видѣ дерева, говорить онъ, Соломонъ изрекъ притчу (*παράβολον*). Antiqu. VIII. 2. 3. Правда, Ewald думаетъ, будто I. Флавій въ этомъ случаѣ заблуждался, и утверждаетъ съ своей стороны, что Соломонъ положилъ начало настоящей естественной исторіи, ук. соч. стр. 358; однако догадку свою ничѣмъ рѣшительно не подтверждаетъ. Diestel напротивъ представляетъ дѣло именно такъ, какъ думалъ I. Флавій. Real-Encykl. von Herzog. Art. Salomo.

(2) Antiqu. VIII. 2. 3.

(3) Мепандра и Діона. Ant. VIII. 5. 3.

ній не могъ разрѣшить загадокъ Соломоновыхъ. Если это правда (сомнѣваться въ этомъ, кажется, нѣтъ серьезныхъ основаній), то нельзя не замѣтить здѣсь, что Соломонъ получилъ склонность тщеславиться и мудростію своею, какъ и всѣмъ другимъ, дѣлая изъ Божьяго дара употребленіе, несовѣтъ достойное⁽¹⁾. Нѣкоторые любопытные нарочно пріѣзжали въ Іерусалимъ для устной бесѣды съ мудрымъ царемъ. Къ числу таковыхъ принадлежала царица Савеевъ⁽²⁾,

(1) Откуда Соломонъ почерпалъ свои знанія? Первымъ и важнѣйшимъ источникомъ знаній, которыми онъ вѣроятно всего болѣе удивлялъ иностранцевъ, былъ безъ сомнѣнія свящ. еврейскія книги. Знаніе жизни человѣческой и окружающей природы онъ приобрѣлъ собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ, а также изъ бесѣдъ съ опытными людьми изъ своего народа и со многими иностранцами, посѣщавшими Іерусалимъ. Любопытный царь, проводившій мирную жизнь, имѣлъ много свободнаго времени для этихъ бесѣдъ.

(2) Сава—царство и городъ въ счастливой Аравіи, по общепринятому нынѣ мнѣнію. Keil. Ук. соч. стр. 118. Philippson. Isr. Bib. стр. 542. Winer. Realwört. Art. Scheba. Но замѣчательно, что I. Флавій царицу Савскую считалъ царицею Египта и Еѳіопіи. Ant. VIII. 6. 5. Обыкновенно считаютъ это чистымъ заблужденіемъ іуд. историка. Но съ чего же взялъ это Флавій? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно по крайней мѣрѣ догадаться о цѣли, съ которою онъ передаетъ что-нибудь невѣрно; а здѣсь и цѣли никакой придумать нельзя. Не основывался ли онъ на томъ, что Ис. 43, 3 и 45, 14 Египетъ, Еѳіопія и Сава стоятъ въ очевидной связи? Упоминаемая здѣсь Сава была земля, населенная потомками Севы, שֵׁוֹ , который былъ сыномъ Хуша, брата Мицраимова. Быт. 10, 7. Землю эту предполагаютъ въ Африкѣ. Гостя же Соломонова была царицею Савы, или Шавы, שָׁוִי , земли, жителей которой можно считать потомками Шевы, племянника вышеупомянутаго Севы. Если эта Шава была и въ Аравіи, то ничто не препятствуетъ думать, что жители той и другой были родственны и управлялись, если и не однимъ лицомъ, то одною династіею. Нельзя не обратить также вниманія на то, что съ одной стороны въ Африкѣ извѣстенъ Нильскій островъ Мерое, который именно и считаютъ Африканскою Савеею (Winer. Art. Aethiopen); съ другой стороны и Аравійскую Саву греки называли Мариаво (Art. Scheba). Если прибавимъ наконецъ ко всему вышесказанному, что въ Африкѣ и теперь существуетъ преданіе, будто династія королевства Шоа ведетъ свой родъ отъ царицы Савской (Чт. въ общ. люб. дух. пр. 1882 г. Окт. стр. 343); то убѣдимся, что трудно считать утверженіе I. Флавія ни на чемъ не основаннымъ.

которая, услышавъ о славѣ Соломона, пришла „испытать его загадками“. Вѣроятно она тоже славилась мудростію. Она явилась въ Иерусалимъ со всею пышностію восточной повелительницы; верблюды ея были навьючены разными драгоценностями и между прочимъ благовоніями, которыми по преимуществу изобиловала ея страна. Здѣсь она бесѣдовала съ Соломономъ обо всемъ, что занимало ея умъ. „И объяснилъ ей Соломонъ всѣ слова ея, и не было ничего незнакомаго царю, чего бы онъ не изъяснилъ ей“⁽¹⁾. Затѣмъ она внимательно осмотрѣла роскошныя постройки Соломона, порядки, заведенные при дворѣ, богослуженіе въ храмѣ и проч. и призналась, что увидѣнное ею своими глазами далеко превосходило (какъ это рѣдко бываетъ) все слышанное ею о мудрости и богатствѣ Соломона. На прощаньи она поднесла Соломону богатые подарки, въ числѣ которыхъ была невиданная дотолѣ въ Иерусалимѣ масса благовоній. Соломонъ не остался у нея въ долгу и отдалъ ей сообразно съ своею репутаціей богатѣйшаго царя: все, что ей нравилось особенно, и у нея вырывалось желаніе имѣть то же, все, что она безцеремонно попросила, онъ отдалъ ей и сверхъ того одарилъ тѣмъ, чѣмъ самъ еще счелъ нужнымъ и приличнымъ одарить.

Исполнительная дѣятельность по управленію текущими государственными дѣлами была при Соломонѣ въ надежныхъ рукахъ, по крайней мѣрѣ въ первую половину его царствованія. (Не такъ очевидно было въ концѣ царствованія, когда между лицами, облеченными доврѣемъ царя, были даже такія, какъ Иеровоамъ). Это, вмѣстѣ съ отсутствіемъ войны, еще болѣе увеличивало досугъ царя-строителя, царя-любителя свободныхъ знаній и удовольствій. Не вмѣшиваясь въ подробности управленія, онъ только руководилъ и создавалъ наилучшіе, какъ ему казалось,

⁽¹⁾ 3 Цар. 10, 3.

способы крѣпко и со славой держать въ рукахъ бразды правленія. Не въ этомъ ли между прочимъ заключалась причина того, что его замыслы были смѣлы и блестящи, но не довольно практичны?.. Высшія придворныя и государственныя должности были у Соломона частію тѣ же, что у Давида, частію новыя, обязанныя своимъ происхожденіемъ новымъ потребностямъ. Прежнія должности занимали частію тѣ же лица, частію дѣти Давидовыхъ сановниковъ. Главнѣйшимъ командующимъ войсками послѣ казни Иоава сталъ Ванея, начальникъ царской стражи при Давидѣ⁽¹⁾. Въ должности писцовъ были два сановника, Елихорей и Ахія, сыновья Сусы, Давидова писца. Дѣписателемъ оставался Иосафатъ. Вѣроятно онъ вступилъ въ должность при концѣ царствованія Давида. Завѣдующій государственными податями былъ Адонирамъ. Подъ податями нужно разумѣть не только подати въ собственномъ смыслѣ, но и всякія повинности, какъ напр., обязательныя работы на царя и на государство. Поэтому и сказано 3 Цар. 5, 14, что Адонирамъ начальствовалъ надъ 30000 израильтянъ, рубившихъ кедры на Ливанѣ⁽²⁾. Первосвященникомъ при Соломонѣ былъ Садокъ⁽³⁾. Его сынъ, Азарія тоже принадлежалъ къ числу высшихъ сановниковъ при дворѣ. Повидимому онъ былъ особымъ придворнымъ священникомъ, т. е., исполнялъ по отношенію

⁽¹⁾ 3 Цар. 4, 2...

⁽²⁾ Безъ сомнѣнія этотъ Адонирамъ и Адорамъ, завѣдывавшій податями при Давидѣ, не одно и тоже лицо, какъ склоненъ думать Кей. Указ. соч. стр. 35. Адонирамъ пережилъ даже Соломона и умеръ уже при Ровоамѣ, притомъ насильственной смертію. 3 Цар. 12, 18.

⁽³⁾ 3 Цар. 4, 4. Тутъ же упомянуть и Авиааръ, низложенный Соломономъ. Почему онъ упомянуть? Едвали потому, что онъ былъ лишь только должности, но не священства, какъ думаетъ Кей, на основаніи толкованія Теодорита. Ук. соч. стр. 35. Гораздо естественнѣе объяснить это тѣмъ, что Авиааръ былъ же при Соломонѣ первосвященникомъ нѣкоторое время, до своего низложенія; слѣдовательно дѣписатель имѣлъ основаніе упомянуть и объ немъ.

къ царю и его семейству то, что остальные священники обязаны были исполнять въ храмѣ и внѣ его по отношенію ко всѣмъ евреямъ ⁽¹⁾. Садокъ вѣроятно не долго уже жилъ при Соломонѣ, такъ какъ былъ очень старъ, и послѣ него первосвященствовалъ который-нибудь изъ его сыновей ⁽²⁾. Друзей-совѣтниковъ у Соломона было меньше, чѣмъ у Давида—всего одинъ; это—Завуѣ, сынъ Наана, священника. Новыхъ должностей, учрежденныхъ Соломономъ, было двѣ. Во-первыхъ, должность начальника надъ домомъ царскимъ, которую занималъ нѣкто Ахисаръ. Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ министромъ двора. Происхожденіе этой должности обусловливалось громадностію Соломонова двора сравнительно не только съ Сауловымъ, но и съ Давидовымъ. Впослѣдствіи, какъ и слѣдовало ожидать, какъ это бывало и у не евреевъ, эта чисто придворная должность получила весьма важное значеніе и въ государствѣ ⁽³⁾. Во-вторыхъ, Соломонъ учредилъ должность начальника надъ приставами, которые поставлены были имъ въ 12-ти областяхъ царства. Этимъ начальникомъ былъ по-

⁽¹⁾ Можетъ быть тѣмъ же былъ Пра священникъ при Давидѣ. 2 Цар. 20, 26.

⁽²⁾ По мнѣнію Ewald'a, тогда какъ у Давида первымъ лицомъ былъ будтобы Иоавъ, у Соломона первымъ лицомъ былъ первосвященникъ, въ силу уваженія, которымъ будтобы пользовалась религія при немъ. Ук. соч. стр. 336. Весьма странное предположеніе. Въ воинственное царствованіе Давида Иоавъ по необходимости игралъ наиболѣе выдающуюся роль. Если же дѣятельность первосвященника была незамѣтна (это впрочемъ не значить еще, что онъ бездѣйствовалъ), то конечно не по недостатку уваженія къ религіи при Давидѣ. Но и первосвященнику при Соломонѣ приписывать первенствующую роль нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній. Говорить объ особенномъ уваженіи къ религіи при Соломонѣ послѣ царствованія Давида болѣе, чѣмъ странно. Разсужденіе Ewald'a похоже на то, какъ если бы мы сказали: у Давида былъ первымъ лицомъ первосвященникъ, въ силу уваженія, которымъ пользовалась при немъ религія; у Соломона же — военачальникъ, въ силу особеннаго интереса, какой Соломонъ обнаруживалъ къ войнѣ...

⁽³⁾ 4 Цар. 18, 18. Иса. 22, 15—25.

ставленъ Азарія, сынъ пророка Наана ⁽¹⁾. Его должность вмѣстѣ съ придворнымъ значеніемъ могла имѣть и общегосударственное; такъ какъ онъ былъ начальникомъ надъ блюстителями интересовъ царя, разсѣянными по всему государству. Мы уже видѣли, что послѣднихъ можно считать первыми органами центральной власти, водворившимися среди народа. Когда центральная власть имѣетъ еще ограниченное количество своихъ органовъ, послѣдніе частію по необходимости, частію произвольно постепенно расширяютъ свои полномочія и вступаютъ въ борьбу съ проявленіями народной жизни, идущими въ разрѣзъ съ интересами единовластія. Такимъ образомъ, если Ахисаръ былъ министромъ двора, то Азарію можно разсматривать какъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Разсматривая составъ Соломоновыхъ сановниковъ, мы видимъ, что онъ въ общемъ напоминалъ составъ Давидовыхъ сановниковъ. Священниковъ Соломонъ не только не вытѣснилъ изъ него, но и предоставилъ имъ болѣе значеніе, сдѣлавъ военачальникомъ сына священника. Что же касается пророковъ, то Соломонъ повидимому обращалъ на нихъ вниманіе меньше, чѣмъ Давидъ. Тогда какъ при Давидѣ пророки являются и совѣтниками, и по-

⁽¹⁾ Keil утверждаетъ, что Азарія и Завуѣ были племянники Соломона, сыновья Наана, брата Соломонова, 2 Цар. 5, 14; но не указываетъ никакого основанія къ такому объясненію. Ук. соч. стр. 35. Когда онъ говоритъ, что 3 Цар. 4, 5 нужно читать: Завуѣ, сынъ Наана, священникъ (а не священника); то это еще не доказываетъ, что здѣсь разумѣется братъ Соломоновъ, а не какой-либо другой Наанъ. Противъ предположенія, что названные сановники были сыновья брата Соломонова, говоритъ то обстоятельство, что у еврейскихъ царей вообще не видно обычая дѣлить власть съ близкими родственниками,—можетъ быть они избѣгали этого изъ опасенія возможныхъ посягательствъ; въ частности же Соломонъ не могъ благоволить къ своимъ братьямъ, а слѣдовательно и къ сыновьямъ ихъ, потому что первые обнаружили себя его врагами, когда примкнули къ Адоніи въ его попыткѣ предвосхитить престолъ у Соломона. Напротивъ же сынъ пророка Наана весьма могъ занимать видное положеніе при Соломонѣ, какъ сынъ главнаго дѣятеля, способствовавшаго утвержденію Соломона на престолѣ отца.

мощниками, и воспитателями дѣтей царя, — въ царствованіе Соломона мы не видимъ дѣятельности пророковъ въ связи съ дѣятельностью царя, и только предъ концомъ явился пророкъ въ качествѣ грознаго обличителя ⁽¹⁾. Вѣроятно и ко всей дѣятельности Соломона, если не грѣховнаго, то суетнаго характера, пророки относились отрицательно, но молчали изъ уваженія къ сыну великаго отца, пока пороки Соломона не переступили границъ и не потребовали наказанія. Какъ бы то ни было, но пока дурное оставалось только въ зародышѣ и не принесло явнаго плода, царствованіе Соломона въ большей своей части было великолѣпнымъ. Особенно оно отличалось отъ предыдущихъ бурныхъ временъ продолжительнымъ глубокимъ миромъ и поражало плодами этого мира — быстрымъ развитіемъ благосостоянія, процвѣтаніемъ торговли, искусствъ и громаднымъ скопленіемъ богатствъ въ столицѣ. „Сдѣлалъ царь серебро въ Иерусалимѣ равноцѣннымъ съ простыми камнями, а кедры по ихъ множеству сдѣлалъ равноцѣнными съ сикоморами, растущими на низкихъ мѣстахъ... Иуда и Израиль, многочисленные какъ песокъ у моря, ѣли, пили и веселились... И жили спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи, во всѣ дни Соломона“ ⁽²⁾.

Итакъ Израиль былъ на вершинѣ своего благополучія. Многочисленный, богатый, все еще могущественный и грозный, онъ мирно процвѣталъ, управ-

⁽¹⁾ 3 Цар. 11, 11. Здѣсь Богъ представляется непосредственно говорящимъ Соломону; но надобно думать, что Богъ говорилъ чрезъ пророка. По словамъ Ewald'a «высокая мудрость Соломона вмѣстѣ съ его высокимъ царскимъ достоинствомъ, казалось, дѣлали излишнею вторую силу (т. е., пророчество) въ царствѣ». Ук. соч. стр. 382. Не знаемъ, почему это казалось Ewald'у, потому что самъ же онъ на стр. 385 говоритъ: «юное поколѣніе пророковъ вооружилось противъ Соломона по темному (?) предчувствію, что царство односторонне превращается въ самовластіе и насилие».

⁽²⁾ 3 Цар. 10, 27; 4, 20, 25.

ляемый мудрою, хотя и нѣсколько тяжелою рукою своего знаменитаго царя. А царь его съ одинаковою повидимому охотою и талантомъ и поднималъ труды управленія, и окружалъ свою личную жизнь блескомъ и удовольствіями. Вотъ онъ воссѣдаетъ на тронѣ и быстро, съ необычайной проницательностію рѣшаетъ самыя трудныя и запутанныя гражданскія и уголовныя дѣла, и народъ рукоплещетъ ему, и слава его идетъ во всѣ концы міра. Вотъ онъ обдумываетъ сложный планъ грандіозной постройки во всѣхъ подробностяхъ, и ни трудность работъ, ни громадность затратъ не удерживаютъ его отъ осуществленія его замысловъ. Вотъ онъ совершаетъ торжественную поѣздку по своимъ владѣніямъ въ какую-нибудь живописную мѣстность со всею пышностію восточнаго повелителя, окруженный тѣлохранителями, вельможами и красиво одѣтыми слугами, на великолѣпной колесницѣ, и толпы народа, встрѣчающіяся на пути, prostираются на землю при его приближеніи. Или же онъ сидитъ во дворцѣ, окруженный мудрецами и любознательными путешественниками и бесѣдуетъ обо всемъ, что можетъ занимать возвышенный умъ въ области міра нравственнаго и физическаго. На всей ежедневной обстановкѣ, окружавшей его, лежала печать богатства, красоты и порядка, и посторонній зритель восхищался „и пицей за столомъ его, и жилищемъ рабовъ его, и чинностью служащихъ ему, и одеждою ихъ, и виночерпіями его и одеждою ихъ, и ходомъ, которымъ онъ ходилъ въ домъ Господень“, и даже всесоженіями его, которыя онъ приносилъ въ храмъ Господнемъ ⁽¹⁾... Такъ жилъ и царствовалъ долгіе годы самый блестящій изъ царей еврейскихъ. Но славное царствованіе Соломона при концѣ своемъ омрачилось и закончившись еще повлекло за собою событіе, котораго повидимому всего менѣе можно было ожидать. Паденіе началось съ самого виновника на-

⁽¹⁾ 3 Цар. 10, 5; 2 Пар. 9, 4.

ружнаго процвѣтанія и обманчивой славы, который въ жертву послѣднимъ приносилъ внутреннія основы народнаго благополучія. Уже въ половинѣ царствованія духъ Соломона поколебался, и его дѣятельность мало-по-малу стала принимать направленіе, не достойное божественнаго благоволенія. Это видно изъ болѣе грознаго, чѣмъ благоволительнаго откровенія, которое получилъ тогда Соломонъ. „Если ты, говорилъ ему Богъ, будешь ходить предъ лицомъ Моимъ, какъ ходилъ отецъ твой Давидъ, въ чистотѣ сердца и въ правотѣ, исполняя все, что Я заповѣдалъ тебѣ, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои; то Я поставлю престолъ твой царскій надъ Израилемъ во вѣкъ, какъ Я сказалъ отцу твоему Давиду, говоря: не прекратится у тебя сидящій на престолѣ Израилевомъ. Если же вы и сыновья ваши отступите отъ Меня и не будете соблюдать заповѣдей Моихъ и уставовъ Моихъ, которые Я далъ вамъ, и пойдете, и станете служить инымъ богамъ и поклоняться имъ; то Я истреблю Израиля съ лица земли, которую Я далъ ему, и храмъ, который Я освятилъ имени Моему, отвергну отъ лица Моего, и будетъ Израиль притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ. И о храмъ семь высокою всякій, проходящій мимо, ужаснется и свистнетъ и скажетъ: за что Господь поступилъ такъ съ сею землею и съ симъ храмомъ? И скажутъ: за то, что они оставили Господа, Бога своего, который вывелъ отцовъ ихъ изъ земли египетской, и приняли другихъ боговъ, и поклонялись имъ, и служили имъ,— за это Господь навелъ на нихъ все сіе бѣдствіе“⁽¹⁾. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на Соломона это божественное предостереженіе. Вѣроятно оно сдержало на нѣкоторое время развитіе въ немъ грѣхонныхъ наклонностей. Но безграничная роскошь, упоеніе могуществомъ и славою, неумѣренное пресыщеніе всякими матеріальными благами постепенно помрачили

(1) 3 Цар. 9, 4—9.

здравый смыслъ Соломона и извратили его чувство. И стало „надмеваться сердце его предъ братьями его“, а потомъ и предъ закономъ, предъ отечественною религіей. Пренебрегши божественнымъ закономъ, т. е., самымъ основаніемъ благополучной жизни евреевъ, для пышности, которою окружали свой тронъ языческіе цари, Соломонъ умножилъ до невѣроятныхъ предѣловъ количество своихъ женъ и наложницъ. Тщеславіе и чувственность, дѣйствуя въ одномъ направленіи, породили крайность съ ея печальными послѣдствіями. Ставъ рабомъ своихъ страстей, Соломонъ преждевременно состарѣлся. Если вся жизнь его продолжалась не болѣе шестидесяти лѣтъ, а можетъ быть и нѣсколько менѣе, и если писатель кн. Царствъ, не смотря на то, называетъ послѣдній періодъ его жизни „старостью“⁽¹⁾, то нужно полагать, что къ пятидесяти годамъ Соломонъ уже одряхлѣлъ и духомъ, и тѣломъ. Не удивительно поэтому, что „развратили жены его сердце его... и склонили его къ богамъ инымъ“. А жены его, кромѣ дочери фараоновой, были моавитянки, аммонитянки, идумеянки, сидонянки, хеттеянки. „И сталъ, сказано, Соломонъ служить Астартѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской... Построилъ капище Хамосу, мерзости моавитской, на горѣ, которая передъ Иерусалимомъ (т. е., на горѣ Масличной), и Молоху, мерзости аммонитской“⁽²⁾. Вотъ какъ скоро и

(1) 11, 4.

(2) Раціоналисты отвергаютъ мысль о томъ, что Соломона соблазнили его жены, и объясняютъ его благосклонность къ языческимъ религіямъ вѣротерпимостью, политическими расчетами и проч. Ewald. Ук. соч. стр. 380. Но одно другое здѣсь не исключаетъ, тр и другое стояло въ тѣсной связи. Уже вступленіе въ бракъ съ язычницами, обуславливалось вѣротерпимостью Соломона, а брачное сожитіе съ ними естественно побуждало дойти въ вѣротерпимости до совершенно непопулярныхъ предѣловъ. Въ опроверженіе мысли объ увлеченіи Соломона женами обыкновенно указываютъ на то, что въ числѣ боговъ, которымъ служилъ Соломонъ, не указаны боги египетскіе, не смотря на то, что

какъ разительно оправдались дурныя, если можно такъ выразиться, предчувствія Самуила, когда онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о поставленіи царя надъ Израилемъ. Недаромъ онъ, провидя отчасти будущее, какъ пророкъ, но, какъ человекъ, не постигая всей глубины божественныхъ предначертаній, съ глубокимъ сокрушеніемъ смотрѣлъ на это будущее, и только непреклонная воля народа, тѣсныя обстоятельства и божественное внушеніе дать народу то, чего онъ просилъ, заставили его послѣ мужественной борьбы уступить народу и поставить царя. Перечисляя народу разныя злоупотребленія, какихъ нужно было ожидать отъ царя, подобнаго царямъ „прочихъ народовъ“, онъ умолчалъ о самомъ худшемъ—объ измѣнѣ божественному закону. Но онъ предчувствовалъ это, и можетъ быть потому-то именно сопротивление его и было такъ настойчиво. Царь Израиля измѣняетъ вѣрѣ отцевъ! Пастырь народа нарушаетъ законъ въ самомъ его основаніи! Простаго смертнаго за поруганіе божественнаго закона, за измѣну Іеговѣ побивали камнями. Но что дѣлать съ царемъ, нарушающимъ требованія закона? Гдѣ тотъ судъ, который осмѣлился бы произнести приговоръ надъ нимъ? „Гдѣ слово царя, тамъ власть, и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?“—говорилъ самъ Соломонъ (¹). А между тѣмъ, когда царь безнаказанно

главная изъ его женъ была дочь фараонова. Menzel. Staats-und-Religionsgeschichte der Königreiche Israel und Juda. s. 438. Но это не только не подтверждаетъ взглядъ рационалистовъ, а скорѣе опровергаетъ. Что не упомянуты египетскіе боги—это ничего не доказываетъ; потому что Соломона увлекали очевидно жены молодя, дочь же фараона должна была быть очень пожилая въ это время. Если же вѣрно то, что Соломона увлекали именно молодя жены, взятыя имъ въ старости, то отсутствіе египетскихъ боговъ ясно доказываетъ, что вѣротерпимость Соломона проистекала не изъ политическихъ расчетовъ; потому что, будь ея основа политическая, — египетскіе боги фигурировали бы на первомъ планѣ.

(¹) Еккл. 8, 4.

совершаетъ преступленіе, какъ съ спокойной совѣстью осудить за то же преступленіе и простаго смертнаго? Порокъ въ силу своей безнаказанности наверху какъ бы перестаетъ уже казаться порокомъ. Такъ заразителенъ примѣръ нечестиваго царя. Соломонъ первый изъ еврейскихъ царей подалъ примѣръ оскорбленія вѣры отцовъ. Примѣръ его не остался безъ подражанія. Но если для Соломона не было человѣческаго суда, то онъ не могъ избѣгать божьяго суда. „И разгнѣвался Господь на Соломона... и сказалъ ему (по всей вѣроятности чрезъ какого-нибудь безстрашнаго пророка): за то, что такъ у тебя дѣлается, и ты не сохранилъ завета Моего и уставовъ Моихъ, которые Я заповѣдалъ тебѣ, Я отторгну отъ тебя царство и отдамъ его рабу твоему“ (¹). Это было тяжкимъ наказаніемъ для царя, положившаго весь свой умъ, которому удивлялся міръ, и всю свою энергію на укрѣпленіе и расширеніе своей власти, на возвышеніе блеска своего трона,—при концѣ жизни узнать, что все его величіе должно перейти къ его рабу. Однако Богъ растворилъ Свое страшное наказаніе и милостью: „но во дни твои, прибавилъ Онъ, Я не сдѣлаю сего ради Давида, отца твоего; изъ руки сына твоего исторгну царство. И не все царство исторгну; одно колѣно дамъ сыну твоему ради Давида, раба Моего, и ради Іерусалима, который Я избралъ“. Это выраженіе снисхожденія къ Соломону опредѣляетъ для насъ не только высоту заслугъ отца его Давида, но и характеръ паденія самого Соломона. Паденіе Соломона требовало казни, но казни умѣренной. Въ самомъ дѣлѣ, какъ далеко простиралось и въ чемъ на самомъ дѣлѣ состояло паденіе Соломона? Хотя дѣписатель прямо заявляетъ, что сердце Соломона склонилось къ богамъ инымъ, что онъ сталъ служить и Астартѣ, и Молоху, построилъ капище Хамосу, и проч.; однако онъ сопровождаетъ это заявленіе слѣдующими

(¹) 3 Цар. 11, 9. 11.

сдержанными поясненіями: „и сердце его *не было вполне* предано Господу, какъ сердце Давида, отца его... И *не вполне* послѣдовалъ онъ Господу, какъ Давидъ, отецъ его“ (1). Эта сдержанность дѣписателя наводитъ на мысль, что паденіе Соломона было не столь рѣшительно и грубо, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, при грубо-буквальномъ и одностороннемъ пониманіи 3 Цар. 11, 5. 7, безъ всякой связи этого мѣста съ другими, имѣющими къ нему тѣсное отношеніе. „Такъ сдѣлалъ онъ, поясняетъ еще дѣписатель, для всѣхъ своихъ чужестранныхъ женъ, *которыя кадили и приносили жертвы своимъ богамъ*“. Это поясненіе даетъ ключъ къ пониманію дѣла. Соломонъ, какъ мы видѣли, обладалъ возвышенными религіозными представленіями (его молитва при освященіи храма); но его религіозность не была живою, сердечною, какъ религіозность Давида. Объ немъ мы знаемъ только, что онъ приносилъ пышныя жертвы въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, а также ежегодно три раза приносилъ всеожженія и мирныя жертвы и совершалъ куреніе предъ Господомъ (2). Никакихъ особенныхъ выраженій сердечной религіозности, которыми была богата жизнь Давида, мы не знаемъ (3). Повидимому онъ только уважалъ свою религію, исполнялъ ея обряды, но не былъ преданъ ей душой и подчинялся только тѣмъ ея требованіямъ, которыя не казались ему обременительными; словомъ—не служилъ Богу всѣмъ сердцемъ. Онъ, если можно такъ выразиться, относился къ религіи съ нѣкоторою долею философскаго индифферентизма. Окруживъ себя

(1) 11, 4. 6.

(2) 2, 35.

(3) Hess приписываетъ Соломону «Давидову любовь къ религіи». Ук. соч. т. 8. стр. 431. Но это голословная похвала, и самъ же этотъ авторъ, объясняя паденіе Соломона, говоритъ уже о какой-то особенной, философской религіи Соломона, считаетъ его деистомъ своего времени. Тамъ же, стр. 448.

женами—иноплеменницами частію, какъ мы видѣли, по политическимъ расчетамъ, онъ не только не хотѣлъ принуждать ихъ перемѣнить вѣру, но и не препятствовалъ имъ свободно и открыто служить своимъ богамъ. Онъ даже содѣйствовалъ имъ въ этомъ, устраивая капища для ихъ божествъ (1), а слѣдовательно и содержа на свои средства ихъ жрецовъ. Конечно уже одно это было большимъ соблазномъ. Служители языческихъ религій, ходившіе по стогнамъ Давидова города, представляли странное зрѣлище для израильтянина, который думалъ, что Іегова избралъ Іерусалимъ Своимъ жилищемъ. Но мы должны допустить еще большее въ виду выраженія дѣписателя: „сталъ Соломонъ служить Астартѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской“, и проч. Очевидно Соломонъ въ угоду своимъ женамъ иногда присутствовалъ при ихъ кажденіяхъ и жертвоприношеніяхъ и слѣдовательно какъ бы принималъ участіе въ идолослуженіи. Больше этого предположить мы едва ли имѣемъ право въ виду приведенныхъ выше сдержанныхъ выраженій дѣписателя, смягчающихъ представленіе о преступности Соломона (2). Такимъ образомъ преступленіе Соломона въ сущности состояло въ равнодушій его къ своей религіи и въ соблазнительной терпимости по отношенію къ языческимъ религіямъ.

(1) Leo говоритъ, что Соломонъ строилъ капища изъ любви къ постройкамъ. Vorlesungen über d. Gesch. d. jud. Staates. 1828. Berlin. s. 134. Если это и дѣйствительно была только любовь къ постройкамъ, то это любовь не виновная,—она обусловливалась равнодушіемъ къ религіи.

(2) Hengstenberg настаиваетъ, что Соломонъ былъ повиненъ въ прямомъ идолослуженіи; но онъ тоже смягчаетъ вину Соломона. Соломонъ будто бы думалъ, что и боги софѣднихъ народовъ проявляли собою Высочайшее Существо, хотя и въ несовершенной, низшей степени. Ук. соч. ч. 2. стр. 140—41. Сомнѣваемся, что этимъ смягчается вина Соломона. Не знаемъ, что сказалъ бы Hengstenberg о христіанинѣ, который сталъ бы поклоняться Магомету, какъ мусульманинъ, признавая въ немъ дѣйствіе Духа Божія, хотя и въ низшей степени.

Если даже допустить наконецъ, что Соломонъ по отношенію къ религіямъ своихъ женъ позволялъ себѣ что-нибудь больше, чѣмъ одно присутствіе при ихъ богослуженіяхъ (напр., участіе въ празднествахъ послѣ жертвоприношеній, вкушеніе мяса, освященнаго предъ идоломъ, и проч.); то и тогда мы не можемъ считать Соломона положительно уклонившимся въ язычество, потому что только того можно считать уклонившимся въ язычество, кто увлекается имъ и привязывается къ нему душою, проникаясь ненавистію къ прежней религіи (какъ напр., императоръ Юліанъ) ⁽¹⁾; Соломонъ же для этого былъ и слишкомъ уменъ, и слишкомъ индифферентенъ. Соломомъ былъ повиненъ въ измѣнѣ отечественной религіи, но не какъ идолопоклонникъ въ собственномъ смыслѣ, а какъ человѣкъ, который не только не преслѣдовалъ языческіе культы, какъ слѣдовало бы дѣлать еврейскому царю, но и покровительствовалъ имъ, самъ однако не дѣлаясь въ душѣ язычникомъ ⁽²⁾. Онъ былъ настолько мудръ, даже въ періодъ своей нравственной слабости, что не могъ предпочесть язычество своей религіи; но и настолько равнодушенъ къ послѣдней, что не считалъ нужнымъ заботиться о ней и удалять отъ народа соблазны язычества. Плоды этого равнодушія не замедлили обнаружиться: въ первое же царствованіе послѣ Соломона „устроили іудеи у себя высоты и статуи, и капища на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ“ ⁽³⁾. Да вѣроятно и при

⁽¹⁾ Хотя и относительно Юліана можно сомнѣваться: не была ли его ненависть къ христіанству дѣланною, аффектированою?

⁽²⁾ Такъ вѣроятно понималъ дѣло и сынъ Сираховъ, когда, говоря о паденіи Соломона, упомянулъ только о его пристрастіи къ женщинамъ, а обо всемъ остальномъ выразился сдержанно: «ты положилъ пятно на славу твою», — если впрочемъ и это выраженіе не относится къ порицанію того же пристрастія къ женщинамъ. Во всякомъ случаѣ прямого указанія на идолопоклонство Соломона у сына Сирахова нѣтъ. 48, 16—23.

⁽³⁾ 3 Цар. 14, 23.

самомъ Соломонѣ прежде всего иностранцы—разные ремесленники и торговые люди, жившіе въ Іерусалимѣ и въ царствѣ,—пользуясь вѣротерпимостью царя, безъ всякаго стѣсненія исправляли свои религіозныя потребности, и сами евреи, всегда увлекавшіеся соблазнительными формами языческаго богослуженія, частію снова вернулись къ своимъ излюбленнымъ высотамъ и тѣнистымъ рощамъ. За это Богъ и лишилъ Соломона Своего благоволенія.

Нравственное паденіе Соломона отразилось еще при его жизни и на политическомъ состояніи его царства. Мы видѣли, что онъ въ основаніе внѣшней политики положилъ принципъ миролюбія. Онъ избѣгалъ войны и старался обезпечить внѣшнее спокойствіе скрѣпленіемъ мирныхъ связей съ сосѣдями. Это мудрая политика и сообразная съ божественнымъ закономъ, по духу котораго евреи не должны были быть народомъ-завоевателемъ ⁽¹⁾. Полное миролюбіе, какъ отсутствіе стремленія къ новымъ завоеваніямъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ повлечь за собою какихъ-либо дурныхъ послѣдствій. Оно можетъ также въ иныхъ случаяхъ и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени избавить отъ необходимости братья за оружіе и для защиты собственныхъ владѣній, разрушая враждебные замыслы одного сосѣда благорасположеніемъ многихъ другихъ. Но политика мира для самозащиты никогда не должна быть доводима до крайности—до отвращенія ко всякой войнѣ, до неготовности дать во всякое время

⁽¹⁾ Ewald полагаетъ, что Соломонъ не пустился въ завоеванія потому будтобы, что такое начинаніе было бы противно религіи Іеговы. Ук. соч. стр. 282. Политика Соломона и духъ религіи Іеговы здѣсь конечно совпали; но сомнительно, что Соломонъ руководствовался въ этомъ случаѣ именно уваженіемъ къ религіи. Произвольность утвержденія названнаго автора видна уже изъ того, что онъ оправдываетъ построеніе Соломомъ языческихъ олтарей для женъ. Тамъ же, стр. 380. Если авторъ не находитъ это противнымъ религіи Іеговы, то какъ же онъ понимаетъ эту религію?

отпоръ неожиданному врагу. Мы не знаемъ, счастливо ли случайности Соломонъ былъ обязанъ тѣмъ, что въ теченіе почти всего его царствованія на границахъ его царства не шевельнулся ни одинъ значительный врагъ, или это было результатомъ, съ одной стороны, военной славы, пріобрѣтенной оружіемъ евреевъ въ царствованіе Давида, съ другой стороны— плодомъ миролюбивой политики самого Соломона, подкрѣплявшейся сначала его готовностью взяться и за оружіе, какъ показываетъ примѣръ его войны съ Емаоомъ; но полагаемъ, что подъ конецъ онъ довелъ свое миролюбіе до крайности, до неспособности къ войнѣ или до отвращенія къ ней и до пренебреженія къ измѣнившимся внѣшнимъ политическимъ условіямъ. Это было плодомъ не столько свойства самой политики Соломона, сколько его собственнаго нравственнаго ослабленія. Къ концу царствованія онъ или совсѣмъ потерялъ, или готовъ былъ потерять нѣкоторыя весьма важныя пріобрѣтенія Давида. Упомянутый выше Разонъ, бывший подданный Адразара, царя Сувскаго, водворился въ Дамаскъ и владычествовалъ тамъ⁽¹⁾. „Онъ былъ, добавляетъ дѣписатель, противникомъ Израиля во все дни Соломона“. Ясно, что Соломонъ сначала не хотѣлъ обратить надлежащаго вниманія на этого врага по своему нерасположенію къ военнымъ предпріятіямъ, а потомъ уже и затруднялся уничтожить его. Можно догадываться, что Дамаскъ съ его областью былъ совсѣмъ потерянъ для господства евреевъ. На югѣ грозила другая важная утрата. Мы видѣли, что во время разрома Идумеи при Давидѣ одинъ изъ членовъ идумейскаго царскаго рода Адеръ спасся бѣгствомъ въ Египетъ, снискалъ тамъ благоволеніе фараона и по смерти Давида возвратился въ Идумею, съ тѣмъ конечно, чтобы при благоприятныхъ обстоятельствахъ вырвать Идумею изъ-подъ власти еврейскаго царя.

⁽¹⁾ 3 Цар 11, 24.

Но пока въ Нижнемъ Египтѣ господствовалъ тестъ Соломоновъ, Адеръ не могъ рассчитывать на успѣхъ своего предпріятія. Къ концу же царствованія Соломона обстоятельства перемѣнились какъ нельзя болѣе благоприятно для Адера. Владыкой Египта сдѣлался Суеакимъ, родоначальникъ новой династіи, который вѣроятно съ самаго начала обнаружилъ явно враждебныя отношенія къ еврейской монархіи⁽¹⁾. А Соломонъ, какъ мы видѣли, потерялъ всякую охоту поддерживать свое господство надъ окрестными народами силою оружія. Очень вѣроятно поэтому, что Адеръ поднялъ голову и былъ близокъ къ осуществленію своего замысла. Завоевалъ онъ себя независимость при Соломонѣ или нѣтъ, мы не знаемъ; но указаніе дѣписателемъ на него, какъ на одного изъ враговъ, которыхъ „роздвигъ Господь противъ Соломона“, наводитъ на мысль, что Адеръ весьма усилился и вступилъ въ открытую вражду съ потерявшимъ энергію еврейскимъ царемъ. Такой же печальный для Соломона оборотъ приняли его дѣла и внутри государства. Политикой мира во что бы то ни стало онъ уронилъ внѣшнее значеніе своего государства; системой же суроваго подавленія всѣхъ проявленій народной жизни, враждебныхъ неограниченному царскому самодержавію въ томъ видѣ, какъ онъ его понималъ, пренебреженіемъ старинныхъ народныхъ вольностей и злоупотребленіями властью онъ озлобилъ противъ себя большую часть своихъ подданныхъ⁽²⁾. Свободные евреи повидимому никакъ не

⁽¹⁾ 14, 25. Предполагаютъ, что это тотъ царь, который у Манеона названъ Сезонхозисомъ и имя котораго прочитали на одномъ столбѣ въ развалинахъ храма въ Карнакѣ. Philippson. Isr. Bib. Thl. 2. s. 551.

⁽²⁾ Ewald объясняетъ тотъ фактъ, что евреи отшатнулись отъ Соломона, продолжительнымъ покоемъ и его результатами: роскошью, изнѣженностью и кичливостью, развившимися въ народѣ. Ук. соч. стр. 369—70. Въ другомъ мѣстѣ онъ приписываетъ евреямъ какія-то идеальныя стремленія: Соломонъ де не удовлетворилъ чаянію и потребности совершеннѣйшаго царя. Стр. 392. Этотъ писатель часто пускается

могли помириться съ тѣми подневольными работами, которыя имъ приводилось выполнять по волѣ царя; притомъ же работъ этихъ было у Соломона чрезвычайно много. Многие евреи вѣроятно гордились очень длинными родословіями, считали въ числѣ своихъ предковъ какого-нибудь „нази“ (князь колѣна) или „шофет’а“ (судія), и не смотря на то принуждены были вмѣстѣ съ рабами-хананеями работать въ каменоломняхъ, громоздить стѣну вокругъ какого-нибудь города или выравнивать дорогу для царскихъ колесницъ и купеческихъ каравановъ⁽¹⁾. Въ тоже время они должны были подъ наблюденіемъ царскихъ чиновниковъ высчитывать свои достатки, чтобы извѣстную часть изъ нихъ отправить въ Иерусалимъ къ царю; а предъ главными приставами, зятями царя, должны были склонять свою голову даже князья колѣнъ и начальники родовъ. Глухое недовольство народа росло и постепенно выросло до грозныхъ размѣровъ. Рѣшительному взрыву его мѣшало нѣкоторое время, можетъ быть, уваженіе къ сыну великаго отца или же отсутствіе лица, которое взяло бы на себя смѣлость руководить народнымъ движеніемъ. Но вотъ

въ туманныя и высокопарныя объясненія тамъ, гдѣ объясненіе прямо дается въ руки библейскимъ текстомъ, какъ здѣсь 3 Цар. 12, 4. 11. Но «Царствованію Соломона» въ Душ. Чт. 1873 г. кн. 1, стр. 461 поводомъ къ отпаденію даже для лучшей части Израиля отъ Соломона могло послужить то, что Соломонъ допустилъ въ своемъ государствѣ языческое служеніе и покровительствовалъ ему... Не беремъ рѣшать, могло ли это послужить дѣйствительно поводомъ даже для лучшей части Израиля къ отпаденію отъ царствующаго дома; но замѣтимъ, что отпали въ дѣйствительности евреи сѣверныхъ колѣнъ—тѣ самые евреи, которые вскорѣ за тѣмъ очень легко помирились съ Іеровоамовыми тельцами. Умѣстно ли поэтому говорить здѣсь о религіозныхъ побужденіяхъ?

(1) Хотя при Соломонѣ нѣкоторыя фамиліи вѣроятно еще сохраняли родовое значеніе, и Соломонъ не смѣшивалъ ихъ съ простымъ народомъ; однако были безъ сомнѣнія древніе, но захудалые роды, съ которыми Соломонъ не церемонился, но которые, помня своихъ знаменитыхъ предковъ, глубоко оскорблялись.

явилось на сцену и такое лицо. Это былъ человѣкъ необыкновенно талантливый, который произвелъ благоприятное впечатлѣніе на самого Соломона. Когда производились въ Иерусалимѣ вторичныя работы для возобновленія того, что пришло въ ветхость, вниманіе Соломона привлекъ на себя своими способностями и мужественнымъ видомъ одинъ израильтянинъ, по имени Іеровоамъ. Онъ былъ изъ колѣна Ефремова. Отецъ его былъ Навать, а мать Церуа, вдова⁽¹⁾. Соломонъ сдѣлалъ его ближайшимъ начальникомъ надъ рабочими изъ колѣна Ефремова и Манассіина. Колѣно Ефремово, самое могущественное изъ сѣверныхъ колѣнъ; самое свободолюбивое, самолюбивое, притязательное и мятежное изъ всѣхъ, какъ показываетъ исторія со временъ І. Навина, наиболѣе было чувствительно къ тягостямъ подневольной работы и вообще ко всѣмъ проявленіямъ самодержавной власти, утвердившейся въ Иерусалимѣ. Положеніе ближайшаго начальника надъ рабочими изъ колѣна Ефремова должно было быть очень труднымъ; нужна была желѣзная рука, чтобы сдерживать въ повиновеніи многотысячную толпу, проникнутую ненавистію къ дѣлу, къ которому ее принудили, и къ власти, кото-

(1) Для чего упомянута мать Іеровоама и притомъ съ добавленіемъ, что она была вдова? І. Флавій остановилъ свое вниманіе на этомъ вопросѣ и разрѣшилъ его такъ, что будто Іеровоамъ въ дѣтствѣ лишился отца и былъ воспитанъ матерью. *Antiqu VIII. 7. 7.* Ту же мысль выражаетъ и Ewald съ отгѣнкомъ непонятнаго сочувствія къ Іеровоаму. Ук. соч. стр. 388. Преосв. Филаретъ назвалъ Іеровоама просто сыномъ вдовы. Ук. соч. стр. 274. Keil при объясненіи 3 Цар. 11, 26 ограничился тѣмъ же. Предположеніе, что Іеровоамъ рано лишился отца, не достаточно для объясненія, почему библейскій повѣствователь упомянулъ о матери Іеровоама. Упомянутіе сдѣлано тогда, когда Іеровоамъ названъ въ первый разъ, т. е., тогда, когда названіе лица обыкновенно сопровождается краткимъ родословіемъ. Слѣдовательно упомянаніе это имѣетъ во всякомъ случаѣ родословное значеніе. Оно указываетъ или на то, что Церуа имѣла Іеровоама отъ Навата по закону ужичества, какъ Мате. 1, 3, или на то, что мать Іеровоама получила чѣмъ-либо особенную извѣстность, какъ Тамаръ или Вирсавія. Мате. 1, 3. 6.

рая ее принудила. Неизвѣстно, по какому соображенію Соломонъ поставилъ Іеровоама начальникомъ именно надъ ефремлянами и родственными имъ манассіянами. Можетъ быть онъ хотѣлъ ослабить неудовольствіе ефремлянъ, избавляя ихъ отъ необходимости подчиняться лицу изъ чужаго колѣна; а можетъ быть, замѣтивъ громадное честолюбіе Іеровоама, рассчитывалъ найти въ немъ преданнѣйшаго слугу себѣ и деспотическаго начальника надъ своими единоплеменниками, каковыми нерѣдко оказываются люди изъ народа, взысканные милостію сильныхъ міра сего. Какъ бы то ни было, но случилось то, чего Соломонъ не желалъ и конечно не ожидалъ. По сказанному библейскому повѣствованію можно подуматъ, что Іеровоамъ сохранялъ вѣрноподданническія чувства до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ его пророкъ Ахія и не предсказалъ ему господство надъ десятью колѣнами⁽¹⁾. Но это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, если бы раздѣленіе Соломоновой монархіи было дѣломъ пророковъ, какъ и утверждаютъ писатели рационалистической школы, представляющіе пророковъ обыкновенными политическими агитаторами. На самомъ же дѣлѣ пророки не возстановляли народъ противъ дома Давидова, и Іеровоамъ не былъ лицомъ, ими излюбленнымъ и ими выдвинутымъ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Преосв. Фларетъ и говоритъ: «Іеровоамъ сдѣлался врагомъ царя потому, что ему самому обѣщано царство». Ук. соч. стр. 274. Но здѣсь знаменитый богословъ по своей любви къ необыкновенно краткимъ, но многообъемлющимъ выраженіямъ сказалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы: явились во внутренней связи два факта, не имѣвшіе на самомъ дѣлѣ этой связи. Если бы между ними была дѣйствительная связь, то рационалистъ имѣлъ бы основаніе считать справедливою свою мысль, что раздѣленіе Соломоновой монархіи было плодомъ пророческой агитаціи.

⁽²⁾ Langhans наивно замѣчаетъ: «какъ произошло то, что довѣренное лицо у царя стало довѣреннымъ лицомъ и у враждебныхъ царю пророковъ, мы не знаемъ». Ук. соч. стр. 138. Понятное дѣло, что выходящаго изъ ложной мысли—будто Іеровоамъ былъ креатурою пророковъ—факты ставятъ втупикъ.

Пророкъ Ахія въ данномъ случаѣ не былъ творцомъ событія; онъ стоялъ только на стражѣ событій, напоминая дѣятелямъ объ Іеговѣ, объ Его волѣ, какъ первопринципѣ всего происходящаго, и объ Его законѣ, который нужно исполнять неуклонно при всякихъ внѣшнихъ житейскихъ перемѣнахъ. Поэтому мы думаемъ, что Іеровоамъ еще раньше встрѣчи съ пророкомъ Ахіею сдѣлался тайнымъ вожакомъ всѣхъ протестующихъ и недовольныхъ и заклѣтымъ врагомъ Давидова дома. Если дѣписатель счелъ нужнымъ сообщить предварительно фактъ назначенія Іеровоама начальникомъ надъ рабочими изъ дома Іосифова, при чемъ прямо замѣтилъ: „вотъ обстоятельство, по которому онъ поднялъ руку на царя“⁽¹⁾, — то очевидно, что начальствованіе его надъ самою мятежною частию населенія, надъ самыми недовольными Соломономъ имѣло тѣсную связь съ послѣдующею ролью Іеровоама. Народное недовольство выросло вѣроятно до размѣровъ какого-нибудь враждебнаго начинанія, и Іеровоамъ, еще прежде встрѣчи съ пророкомъ Ахіею, выдвинулся впередъ, какъ человекъ, на которомъ недовольные могли сосредоточить свои взоры и упованія. Такимъ образомъ, когда мѣра грѣховъ Соломона исполнилась, орудіе наказанія его было уже готово, и пророкъ Ахія—съ одной стороны для того, чтобы Соломонъ увидѣлъ всю неизбежность приготовленнаго имъ самимъ бѣдствія и всю бесплодность мѣръ къ его предотвращенію, съ другой стороны для того, чтобы дать понять и Іеровоаму, что онъ не что иное, какъ орудіе гнѣва Божія, но что тѣмъ не менѣе, допущенный волею Божіею быть главою народа, онъ долженъ помнить законъ Божій и не забывать, что счастье и несчастье владыкъ земныхъ находится всецѣло въ рукѣ Божіей,—Ахія, говоримъ, явился предъ Іеровоамомъ и рѣшительно объявилъ ему его предназначеніе. Слова свои онъ под-

⁽¹⁾ 3 Цар. 11, 27.

крѣпилъ символическимъ дѣйствиємъ, разорвавъ новую одежду свою на 12 частей и вручивъ 10 изъ нихъ Иеровоаму, какъ знакъ даруемой ему власти надъ 10-ю колѣнами Израиля. Это было гдѣ-то на дорогѣ, и повидимому совершилось не въ тайнѣ, а при свидѣтеляхъ, чтобы Соломонъ узналъ судъ, совершившійся надъ нимъ. Соломонъ дѣйствительно узналъ, но не имѣлъ Давидова смиренія и покорности волѣ Божіей. Онъ былъ еще настолько силенъ, что Иеровоамъ не могъ ему противиться и даже спасти свою жизнь въ предѣлахъ своего отечества. Поэтому, когда Иеровоамъ узналъ о намѣреніи Соломона убить его, онъ убѣжалъ въ Египетъ подъ покровительство враждебнаго Соломону Сусакима и жилъ тамъ до смерти Соломоновой.

Соломонъ имѣлъ удовольствіе видѣть бѣгство своего врага, могъ утѣшаться, что пока онъ живъ, никто не осмѣлится занести руку на него, что созданные имъ могущество и блескъ не погибнуть при немъ. Но въ тоже время онъ не могъ не сознавать настоящаго положенія вещей; онъ ясно видѣлъ своимъ умомъ, что близокъ часъ, когда слава его царствованія должна померкнуть, когда его заблужденія и его безпечность принесутъ свои горькіе плоды. Онъ очень хорошо понималъ, какое значеніе для его государства имѣютъ такіе враги, какъ Адеръ и Разонъ, повидимому ничтожные, но которымъ онъ по своей безпечности позволилъ утвердиться въ своихъ мѣстахъ. Они представляли собою первую искру пожара на границахъ царства, первыхъ хищниковъ, которые имѣли устремиться на ви́шнія пріобрѣтенія Давидова дома и на собственное его достояніе, когда сила монархіи будетъ поколеблена. Соломонъ не могъ не предвидѣть гибельныхъ плодовъ и своей внутренней ошибочной политики по отношенію къ подданнымъ—евреямъ. Появленіе Иеровоама въ качествѣ претендента на господство въ 10-ти сѣверныхъ колѣнахъ не оставляло никакого сомнѣнія въ свойствѣ чувствъ, какія питало

большинство народа къ власти преемниковъ Давида. Иеровоамъ хотя и бѣжалъ, но не былъ уничтоженъ; почву же для его дѣятельности не было возможности уничтожить,—было уже поздно. Очень прозрачный намекъ на мысли Соломона объ Иеровоамѣ мы находимъ въ книгѣ Екклесіаста. „Лучше бѣдный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умѣетъ принимать совѣты (повидимому намекъ на невниманіе Соломона къ предостереженіямъ пророковъ). Ибо тотъ изъ темницы выйдетъ на царство, хотя родился въ царствѣ своемъ бѣднымъ. Видѣлъ я всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ съ этимъ другимъ юношею, который займетъ мѣсто того. Не было числа всему народу, который былъ передъ нимъ (населеніе 10-ти колѣнъ), хотя позднѣйшіе не порадуются имъ“. (Предвидѣніе золь, какія имѣло потерпѣть царство Израильское) ⁽¹⁾. Повидимому Соломонъ питалъ плохія надежды и на своего наслѣдника, видѣлъ, что не по его силамъ поддержать величественное зданіе его предшественниковъ. Указаніе на это находимъ въ той же книгѣ. „И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ; потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ: мудрый ли онъ будетъ или глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и которымъ показалъ себя мудрымъ подъ солнцемъ“ ⁽²⁾. Представленіе грозы, которая собиралась надъ его головою, предвидѣніе гибели созданнаго имъ величія и блеска, сознаніе своихъ ошибокъ и увлеченій, старческая дряхлость и наконецъ пресыщеніе и утомленіе жизнию произвели прежде всего удручающее дѣйствіе на духъ Соломона, бросили на нѣкоторое время отчаяніе въ его сердце и заставили искать успокоенія тамъ, гдѣ единственно можетъ обрѣсти успокоеніе бѣд-

⁽¹⁾ 4. 13—16.

⁽²⁾ 2. 18. 19.

ный человекъ въ своей, исполненной волѣ земной жизни. Книга Екклесіаста превосходно рисуетъ намъ это состояніе Соломонова духа. Съ одной стороны и на первомъ планѣ мы видимъ холодное равнодушіе ко всему окружающему и даже мрачный скептицизмъ. „Суета суетъ, все—суета! Что пользы человеку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце и заходитъ солнце и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу; кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется; къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь. (Картина, которую могъ нарисовать только человекъ, любившій наблюдать явленія физической природы и размышлять о нихъ)... Не насытится око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ. Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: смотри, вотъ это—новое; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ. (Огорченный Соломонъ какъ бы намѣренно суживаетъ свой кругозоръ областью повторяющихся явленій и не хочетъ видѣть въ этомъ повтореніи никакого смысла). Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ. Я былъ царемъ надъ Израилемъ въ Иерусалимѣ... Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все суета и крушеніе духа!.. И предалъ я сердце тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость; но узналъ, что и это только крушеніе духа. Потому что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познаніе, умножаетъ скорбь. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ, и насладись добромъ; но и это суета!.. Я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ дома, насадилъ себѣ

виноградники, устроилъ себѣ сады и роши, сдѣлалъ себѣ водоемы; приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, множество крупнаго и мелкаго скота; собралъ себѣ золота и драгоценностей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Иерусалимѣ; и мудрость моя была со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ; не возбранялъ сердцу моему никакого веселія... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои—и вотъ все суета и крушеніе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ!.. И увидѣлъ я, что преимущество мудрости предъ глупостію такое же, какъ и преимущество свѣта предъ тьмою. У мудраго глаза его въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ. Но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ та же участь, какъ и глупаго; къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ своемъ, что и это суета. Потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго (Соломонъ собственнымъ примѣромъ опровергнулъ эту мысль, высказанную имъ подъ влияніемъ глубокаго унынія и разочарованія); въ грядущіе дни все будетъ забыто, и увя! мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ. И возненавидѣлъ я жизнь; потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ. Ибо все суета и крушеніе духа!“⁽¹⁾. Еще болѣе мрачное отчаяніе звучитъ въ слѣдующихъ словахъ: „участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ — участь одна; какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человека преимущества передъ скотомъ; потому что все суета! Все идетъ въ одно мѣсто; все произошло изъ праха, и все возвратится въ прахъ. Кто знаетъ: духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли вверхъ, и духъ животныхъ

⁽¹⁾ 1. 2—12. 14. 17. 18; 2. 1. 4—10. 13—17.

сходить ли въ землю? (Это вопль смятенной души, томленіе мысли, могучей, но надломленной усиліями постигнуть непостижимое, а не искусственный приѣмъ назиданія, по напередъ задуманному плану, употребленный будтобы какимъ-то позднѣйшимъ авторомъ, самозванно взявшимъ на себя роль Соломона, какъ совершенно неправильно думаютъ отрицатели происхожденія кн. Екклесіаста отъ Соломона (¹). Когда духъ Соломона осѣнило пророческое просвѣтленіе, онъ сказалъ: „и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, который далъ его“).... И обратился я и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подь солнцемъ. И вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ... И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ. А блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подь солнцемъ“ (²). Иногда кажется, что Соломонъ нашелъ на землѣ нѣчто такое, на чемъ

(¹) Спросить: какъ понимать присутствіе столь ложныхъ мыслей въ канонической книгѣ? Не все, записанное въ каноническихъ книгахъ, составляетъ безусловную истину само по себѣ, по своему внутреннему смыслу: иное здѣсь истинно безусловно (догматическія и нравственныя истины); другое истинно только въ смыслѣ исторической достовѣрности. Къ приведенному мѣсту изъ кн. Екклесіаста и къ другимъ подобнымъ нужно относиться такъ же, какъ мы относимся къ горькимъ сѣтованіямъ пр. Іоны на то, что растеніе, прикрывавшее его голову, засохло. 4, 8. 9. Никто не подумаетъ, что, если жаловался пророкъ, то приключеніе съ нимъ дѣйствительно заслуживало такой крайней скорби (лучше мнѣ умереть, нежели жить), какую обнаружилъ Іона. Здѣсь истинно только то, что пр. Іона дѣйствительно жаловался и жаловался именно такъ, какъ записано въ канонической книгѣ. Точно такъ же мы должны относиться и къ леденящимъ кровь проклятіямъ прав. Іова на день своего рожденія. Гл. 3. Книга Екклесіаста представляетъ мучительный процессъ, посредствомъ котораго удрученный духъ Соломона отъ сомнѣній и недоумѣній дошелъ до положительныхъ и непререкаемыхъ истинъ; добытыя имъ истины прикрыли и совсѣмъ устранили то, что было высказано имъ ложнаго подь вліяніемъ скорби, сомнѣній и недоумѣній.

(²) 3, 19—21; 4, 1—3.

человѣкъ можетъ успокоиться: „вотъ еще, что я нашелъ добраго и пріятнаго: ѣсть и пить и наслаждаться добромъ во всѣхъ трудахъ своихъ, какими кто трудится подь солнцемъ во всѣ дни жизни своей, которые далъ ему Богъ: потому что это его доля“ (¹),— но это только такъ кажется (и странно было бы думать, что авторъ канонической книги проповѣдуетъ такую чисто эпикурейскую философію); потому что и предыдущія и послѣдующія мысли уничтожаютъ такое представленіе. „Всѣ труды человѣка — для рта его, а душа его не насыщается“ (²), говоритъ Соломонъ. „Лучше ходить въ домъ плача объ умершемъ, нежели ходить въ домъ пира... Сѣтованіе лучше смѣха... Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ, и насладись добромъ. Но и это суета! О смѣхѣ сказалъ я: глупость! а о веселіи: что оно дѣлаетъ?.. Что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится онъ подь солнцемъ? Потому что всѣ дни его — скорби, и его труды — безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это—суета“ (³)! Однако такое томленіе духа Соломонова, это мрачное настроеніе души не было безпросвѣтнымъ, не перешло въ полное отчаяніе. Горькія сѣтованія и мрачная философія мало-по-малу замѣняются выраженіями твердаго упованія и освѣщаются мыслями о Богѣ, какъ началъ и концъ, основаніи и разумъ всякаго бытія. Въ горнилѣ страданій сердца и ума выплавилось золото чистаго боговдохновеннаго ученія. Въ томъ и заключается великое воспитательное значеніе и достоинство послѣдняго творенія Соломонова, что здѣсь чистыя истины, возникая изъ мучительнаго процесса сомнѣній и недоумѣній, ярче блестятъ наряду съ противоположными имъ заблужденіями духа и глубже западаютъ въ

(¹) 5, 17.

(²) 6, 7.

(³) 7, 2. 3; 2, 4. 2. 22. 23.

души читателей. „Позналъ я, говоритъ Соломонъ, что все, что дѣлаетъ Богъ, пребываетъ во вѣкъ... И Богъ дѣлаетъ такъ, чтобы благоговѣли предъ лицомъ Его... Все сдѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время, хотя человекъ не можетъ постигнуть дѣла, которыя Богъ дѣлаетъ, отъ начала до конца. (Это какъ разъ противоположно тому, что выражалось въ безнадежномъ возгласѣ: все суета!)... Только это я нашель, что Богъ сотворилъ человекъ правымъ, а люди пустились во многіе помыслы. (Вотъ это дѣйствительно безусловная истина, которую „нашелъ“ Соломонъ. Хотя онъ и находилъ еще, что „нѣтъ лучшаго для человекъ подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться“; однако это ему только *казалось* при процессѣ исканія истины,—при дальнѣйшемъ движеніи мысли оказывалось, что и это суета)... Не во власти человекъ и то благо; чтобы ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего. Я видѣлъ, что и это отъ руки Божіей. Потому что кто можетъ ѣсть и кто можетъ наслаждаться безъ Него? Ибо человекъ, который добръ предъ лицомъ Его, Онъ даетъ мудрость и знаніе, и радость... И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ; потому что время для всякой вещи и судъ надъ всякимъ дѣломъ тамъ (т. е. въ загробной жизни)... Хотя грѣшникъ сто разъ дѣлаетъ зло и коснѣетъ въ немъ; но я знаю, что благо будетъ боящимся Бога, которые благоговѣютъ предъ лицомъ Его; а нечестивому не будетъ добра, и подобно тѣни не долго продержится тотъ, кто не благоговѣетъ предъ Богомъ. (Это опять безусловная истина, противоположная тому, что представлялось недоумѣвающему духу объ одинаковой участи мудраго и глупаго, праведника и нечестиваго и даже о преимуществѣ нечестиваго предъ праведникомъ)... Выслушаемъ сущность всего, сказано въ заключеніи всей кн. Екклесіаста: бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человекъ. Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное,—

хорошо ли оно или худо“⁽¹⁾... Это—плоды нравственнаго просвѣтленія Соломонова, и вся книга Екклесіаста есть памятникъ его покаянія⁽²⁾. Горькій житейскій опытъ не пропалъ для Соломона даромъ, и прежде чѣмъ сойти въ могилу, онъ воспрянулъ духомъ до пророческаго вдохновенія. Правда, раскаяніе его было своеобразно, не похоже на образцы покаянія, оставленныя Давидомъ; но это зависѣло отъ того, что основаніе его грѣховности было иное, чѣмъ у Давида, о чемъ скажемъ ниже. Что Соломонъ дѣйствительно раскаялся, объ этомъ ясно говоритъ св. Кириллъ іерусалимскій на основаніи Притч. 24, 32⁽³⁾. Что касается блаж. Августина, который сомнѣвался въ покаяніи Соломона⁽⁴⁾, то это сомнѣніе у него вытекало изъ преувеличеннаго представленія грѣховности Соломона⁽⁵⁾... Соломонъ мирно скончался, едвали

(1) 3, 14. 11; 7, 29; 2, 24—26; 3, 17; 8, 12. 13; 12, 13. 14.

(2) Книга Екклесіаста несомнѣнно принадлежитъ Соломону. Всѣ доводы противъ этой мысли и за позднѣйшее происхожденіе книги отъ какого-то неизвѣстнаго лица нисколько не убѣдительны. Сами сторонники позднѣйшаго происхожденія книги соглашаются, что въ ней много данныхъ, побуждающихъ приписать ее Соломону. М. Олесницкій. Книга Екклесіаста. Кіевъ. 1873 г. стр. 129—131. Надписаніе книги: «слова Екклесіаста, сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ» — съ поразительною ясностію указываетъ на Соломона, и попытки ослабить силу доказательства, какое оно даетъ въ пользу происхожденія книги отъ Соломона, положительно несчастны. См. тамъ же, стр. 137—8. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное опроверженіе основаній, по которымъ кн. Екклесіаста приписывается позднѣйшему автору. Замѣтимъ только, что сторонники этого мнѣнія допускаютъ подлогъ въ канонической книгѣ, когда утверждаютъ, что позднѣйшій авторъ имѣлъ намѣреніе выдать свое произведеніе отъ лица Соломона. Такое намѣреніе, если бы оно было, нельзя оправдать никакими благовидными цѣлями.

(3) Огласит. и тайновод. поученія. Русск. перев. Синод. изд. 1822 г. Поуч. 2, стр. 35.

(4) Contra faustum. Lib. XXII. 88.

(5) Тамъ же. Lib. XXII. 81. Въ De doctrina christiana. Lib. III. 21 Августинъ называетъ Соломона «женолюбивымъ»; но что Соломонъ «за страсть женолюбія совершенно отверженъ былъ Богомъ» (М. Олесницкій, указ. соч. стр. 136),—этого Августинъ въ данномъ мѣстѣ не говоритъ.

достигнувъ 60-ти лѣтъ, и похороненъ въ Иерусалимѣ съ подобающею честію, которой, нужно замѣтить, нѣкоторые изъ послѣдующихъ, дѣйствительно безбожныхъ царей, и не были удостоены. Царствовалъ онъ надъ Израилемъ 40 лѣтъ. Краснорѣчивый сынъ Сираховъ, восхваляя великихъ ветхозавѣтныхъ мужей, отдаетъ должную дань удивленія Соломону, но и сильнымъ словомъ поражаетъ его грѣхи съ ихъ послѣдствіями. „Какъ мудръ былъ ты, обращается онъ къ Соломону, въ юности твоей и подобно рѣкѣ полонъ разума! Душа твоя покрыла землю, и ты наполнилъ ее загадочными притчами. Имя твое пронеслось до отдаленныхъ острововъ, и ты былъ любимъ за миръ твой; за пѣсни и изреченія, за притчи и изъясненія тебѣ удивлялись страны. Во имя Господа Бога, наименованнаго Богомъ Израиля, ты собралъ золота, какъ мѣдь, и умножилъ серебро, какъ свинець. Но ты наклонилъ чресла твои къ женщинамъ и поработился имъ тѣломъ твоимъ. Ты положилъ пятно на славу твою и осквернилъ сѣмя твое такъ, что навелъ гнѣвъ на дѣтей твоихъ, и они горько оплакивали твое безуміе,—что власть раздѣлилась надвое, и отъ Ефрема произошло непокорное царство“ (1).

Личность Соломона, какъ и первыхъ двухъ царей еврейскихъ, весьма характерна и съ достаточною отчетливостію обрисовывается въ краткихъ, но выразительныхъ библейскихъ повѣствованіяхъ о немъ. Еще яснѣе выступить передъ нами его образъ, когда мы проведемъ параллель между всѣми тремя типическими личностями первыхъ еврейскихъ царей. Саулъ, какъ мы видѣли, былъ царь-полководецъ и болѣе полководецъ, чѣмъ правитель. Онъ обладалъ физическою силою и отвагою настолько, что могъ быть хорошимъ предводителемъ на войнѣ, которая велась первобытнымъ способомъ и не требовала особенно тонкихъ стратегическихъ соображеній. Но онъ былъ

(1) 47, 16—23.

плохимъ правителемъ, потому что былъ человѣкомъ не очень далекаго ума. У него не доставало также и сердца: онъ былъ человѣкъ суровый и даже жестокий. Онъ, мы знаемъ, былъ готовъ казнить смертью лучшаго изъ своихъ сыновей, лишь бы поддержать авторитетъ своего царскаго слова, хотя это слово было и неразумное; онъ умерщвлялъ людей или по личной прихоти (гаваонитяне), или для удовлетворенія своего гнѣва (священники въ Номвѣ). Отличительною чертою его характера было еще упрямство. Религіозность Саула была формальная. По внѣшнимъ формамъ своего богопочтенія онъ былъ истинный израильтянинъ, а по духу, или вѣрнѣе, по отсутствію духа въ этихъ формахъ онъ былъ язычникомъ, потому что былъ суевѣренъ. Подъ конецъ жизни онъ часто терялъ рассудокъ и, вѣроятно, лишился бы его совсѣмъ, если бы не кончилъ преждевременно жизнь на войнѣ.—Личность Давида представляла собою гармоническое сочетаніе всѣхъ благородныхъ способностей, и притомъ въ высшей ихъ степени. Ни въ физической силѣ, ни въ отвагѣ онъ не уступалъ Саулу; какъ полководецъ, онъ даже превосходилъ его, потому что былъ безконечно умнѣе его. Давидъ обладалъ высокимъ умомъ, и потому былъ хорошимъ правителемъ; у него было столько практическаго благоразумія, что даже его нововведенія счастливо прививались и не влекли за собою печальныхъ послѣдствій (разумѣемъ преобразованія въ военномъ дѣлѣ, въ судѣ, въ богослуженіи, а не обычаи придворной жизни, допущенные Давидомъ и принесшіе зло). вмѣстѣ съ этимъ Давидъ былъ человѣкомъ сердца и по видимому даже больше сердца, чѣмъ ума. Онъ всю жизнь былъ окруженъ преданными друзьями; а такихъ не имѣютъ люди безсердечные, сами неспособные къ дружбѣ. Его любовь къ дѣтямъ доходила до слабости. И вообще онъ былъ столько снисходителенъ, что самъ отъ другихъ терпѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо другой отъ него. Его сердечность была

неизсякаемымъ родникомъ его живой религіозности. Онъ всю жизнь былъ благочестивымъ не съ формальной только, но и съ внутренней стороны; служеніе Богу онъ не ограничивалъ исполненіемъ предписанныхъ въ законѣ обрядовъ, но восхвалялъ Бога и зывалъ къ нему постоянно, день и ночь, въ своихъ одушевленныхъ пѣнопѣніяхъ. Онъ грѣшилъ; но грѣховное настроеніе не было у него постояннымъ. Паденіе всякій разъ вело за собой раскаяніе, которое обыкновенно являлось столь искреннимъ и глубокимъ, что не только очищало кающагося отъ скверны грѣховной, но и возносило его на высшую степень нравственнаго совершенства.—Соломонъ рѣзко отличался и отъ Саула, и отъ Давида. Нужно ли сравнивать ихъ какъ полководцевъ, какъ геніевъ войны? Соломонъ былъ меньше всего воиномъ. Въ немъ до такой степени было мало воинственности, что по сравненію съ Сауломъ и Давидомъ онъ представляется женоподобнымъ. Зато Соломонъ обладалъ громаднымъ умомъ. Въ его геніальномъ умѣ, можно сказать, сосредоточивалась вся его нравственная личность. Умомъ своимъ онъ прославился на весь міръ, и мыслию своею онъ дѣйствовалъ такъ же могущественно, какъ Саулъ своимъ мечемъ. (Между тѣмъ какъ наоборотъ мышленіе въ головѣ Саула дремало такъ же, какъ мечъ въ рукѣ Соломона). Въ отношеніи ума Саулъ и Соломонъ несоизмѣримы. Что же касается Давида, который тоже былъ необыкновенно умнымъ человекомъ, то, сравнивая Соломона съ нимъ, мы можемъ имѣть въ виду не количество, а только качество ума. Давидъ, какъ мы видѣли, обладалъ болѣе практическимъ умомъ. Онъ не блестялъ имъ, не поражалъ ни шириною и глубиною своихъ замысловъ, ни тонкимъ анализомъ предметовъ мыслимаго міра; но объ его умѣ говорятъ его дѣла, которыя своимъ успѣшнымъ окончаніемъ и долговѣчностію обязаны, кромѣ Божіей помощи, замѣчательно-практическому смыслу Давида. Соломонъ напротивъ обладалъ болѣе, такъ ска-

зать, философскимъ умомъ. Міръ мыслимаго интересовалъ его самъ по себѣ, умственная работа доставляла ему удовольствіе. Онъ любилъ поучать и состязаться въ знаніи и остроуміи, задавался вопросами высшаго порядка и старался уяснить себѣ смыслъ окружающихъ явленій, преимущественно въ нравственной области. Мы видѣли, что и вся его правительственная дѣятельность имѣла въ основѣ систему, стройно сложившуюся въ головѣ человека, способнаго къ широкимъ умственнымъ отправлениямъ. Но мы видѣли также, что эта грандіозная система при практическомъ осуществленіи натолкнулась на затрудненія, которыя не принялъ повидимому въ расчетъ авторъ системы по недостатку пракческаго элемента въ своемъ умѣ⁽¹⁾. Въ послѣднемъ отношеніи умъ Соломона уступалъ уму Давида. Но Соломонъ былъ гордъ своимъ умомъ и не любилъ спрашивать совѣтовъ; въ кн. Екклесіаста подъ „неразумнымъ царемъ, который не умѣетъ принимать совѣтовъ“, очевидно разумѣется онъ самъ. Гордостію его ума объясняется отчасти и равнодушіе его къ религіи. Онъ какъ бы считалъ себя выше тѣхъ требованій закона, которыми ограждалась вѣра евреевъ отъ соблазновъ язычества. Другая причина его религіознаго индифферентизма заключалась въ холодности его сердца. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ Саула и далеко уклонялся отъ Давида. Совершенно такъ же, какъ Саулъ, онъ былъ непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и способенъ былъ спокойно казнить смертію всякаго, кто становился ему поперекъ дороги. Но онъ былъ послѣдовательнѣе и осторожнѣе Саула, а подъ конецъ жизни созналъ свои заблужденія, не умеръ въ упорномъ самообольщеніи, какъ Саулъ. Что касается нравственнаго благоведенія вообще, то поучительно

(1) Когда Langhans, пытаясь опредѣлить характеръ и сущность мудрости Соломоновой, приписываетъ Соломону практическую спорку правителя, то онъ очевидно говоритъ не подумавши. Ук. соч. стр. 132.

въ этомъ случаѣ провести параллель между Соломономъ и Давидомъ. Давидъ грѣшилъ, но грѣшилъ, такъ сказать, случайно. Паденіе всякій разъ и вскорѣ сопровождалось у него глубокимъ и искреннимъ раскаяніемъ. Грѣховное настроеніе, какъ мы сказали, не было у него постояннымъ. Кромѣ этого благочестиво-религіозное настроеніе достигало иногда у него высшаго напряженія; онъ поражалъ окружающихъ выраженіями своего религіознаго восторга, служеніемъ Богу „изо всѣхъ силъ“ (¹). Не таковъ былъ Соломонъ. Онъ грѣшилъ не по увлеченію, не подъ вліяніемъ временнаго возбужденія страсти, а втягивался въ грѣховную жизнь постепенно и постоянно. Грѣша, такъ сказать, спокойно, разсудкомъ, а не сердцемъ, онъ оправдывалъ себя въ своихъ глазахъ, и долго не чувствовалъ потребности въ раскаяніи. (Оттого и раскаяніе его имѣло видъ не сердечнаго сокрушенія, а мучительной борьбы ума съ своими заблужденіями, какъ это мы видимъ въ кн. Екклесіаста). На первыхъ порахъ своего царствованія онъ совершилъ рядъ казней, жертвою которыхъ былъ даже его родной братъ, и не чувствовалъ угрызенія совѣсти, потому что онъ убивалъ съ расчетомъ и, какъ онъ старался убѣдить себя, законно. Многоженство и брачное родство съ народами, съ которыми родниться было воспрещено закономъ, онъ возвелъ въ политическую систему и подъ вліяніемъ чувственности, прикрытой благовиднымъ предлогомъ, наводнилъ Іерусалимъ женщинами-язычницами съ ихъ богами и жрецами. Относясь съ философскимъ равнодушіемъ къ положительному закону, онъ спокойно смотрѣлъ на послѣдствія оживленныхъ сношеній своего народа съ окружающими языческими народами, терпѣлъ идолослуженіе въ самомъ Іерусалимѣ, самъ почти принималъ въ немъ участіе, хотя и не оскорбилъ ревнителей благочестія попыткою унижить національную религію предъ язы-

(¹) 2 Цар. 6, 14.

ческими (какъ дѣлали послѣдующіе, убогіе умомъ, цари іудейскіе). Вообще онъ никого не поражалъ какимъ-нибудь рѣзкимъ нарушеніемъ закона обрядоваго или нравственнаго. Но и благочестіе его со времени построения храма выражалось только троекратнымъ въ году приношеніемъ пышныхъ жертвъ на олтарѣ Іеговы. Онъ былъ умѣренъ какъ въ грѣхѣ, такъ и въ благочестіи. Онъ не могъ позволить себѣ крайности въ родѣ исторіи Давида съ Вирсавіей, но и не сталъ бы плясать передъ ковчегомъ, какъ Давидъ къ соблазну Мелхолы, и не привелъ бы ничѣмъ подобнымъ въ стыдъ людей, холодныхъ къ религіи. — Таковъ былъ Соломонъ, третій царь еврейскій. Его личность поражала величіемъ, назидала, и только. Его славныя дѣла и широкіе замыслы заставляютъ удивляться, но не преклоняться; его паденіе возбуждаетъ болѣе недоумѣніе, чѣмъ состраданіе, и только его мудрость и покаяніе возбуждаютъ благоговѣніе, хотя и не умиленіе. Значеніе его царствованія въ общемъ ходѣ еврейской исторіи опредѣляется тѣмъ, что государство евреевъ, сохраняя высокое политическое значеніе, созданное царствованіемъ Давида, и пользуясь продолжительнымъ миромъ Соломонова царствованія, достигло высшей точки житейскаго благополучія, исполненія всѣхъ обѣтованій, касавшихся земнаго благоденствія и величія потомковъ Авраамовыхъ. Это величіе, правда, въ скоромъ времени имѣло рушиться, но тѣмъ рельефнѣе оно и выдается въ исторіи евреевъ, что наступило весьма скоро за періодомъ ничтожества, предшествовавшимъ царямъ, и быстро упало послѣ третьяго еврейскаго царя.